

ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-08-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-08-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор – Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович – кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университета.

Батурин Юрий Михайлович – доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Билюшкина Надежда Иосифовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российской академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskaya@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Кomi научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович - доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна - доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Борисова Нина Александровна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна - доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна - доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологдина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskaya@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАИК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,
Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российской государственный
университет им. А Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997,
33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное
государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской
академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и
административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений
обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628,
Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних
веком института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия,
Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный
университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. г. Волгоград, ул.
маршалла Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский
государственный университет имени М.В.Ломоносова, профессор, 141402, Россия,
Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный
исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева", декан
юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул.
Осипенко, 40, кв. -, yulenka@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая
область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В.
Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры
культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв.
164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

"педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abdulin Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Bereznikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkovs Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

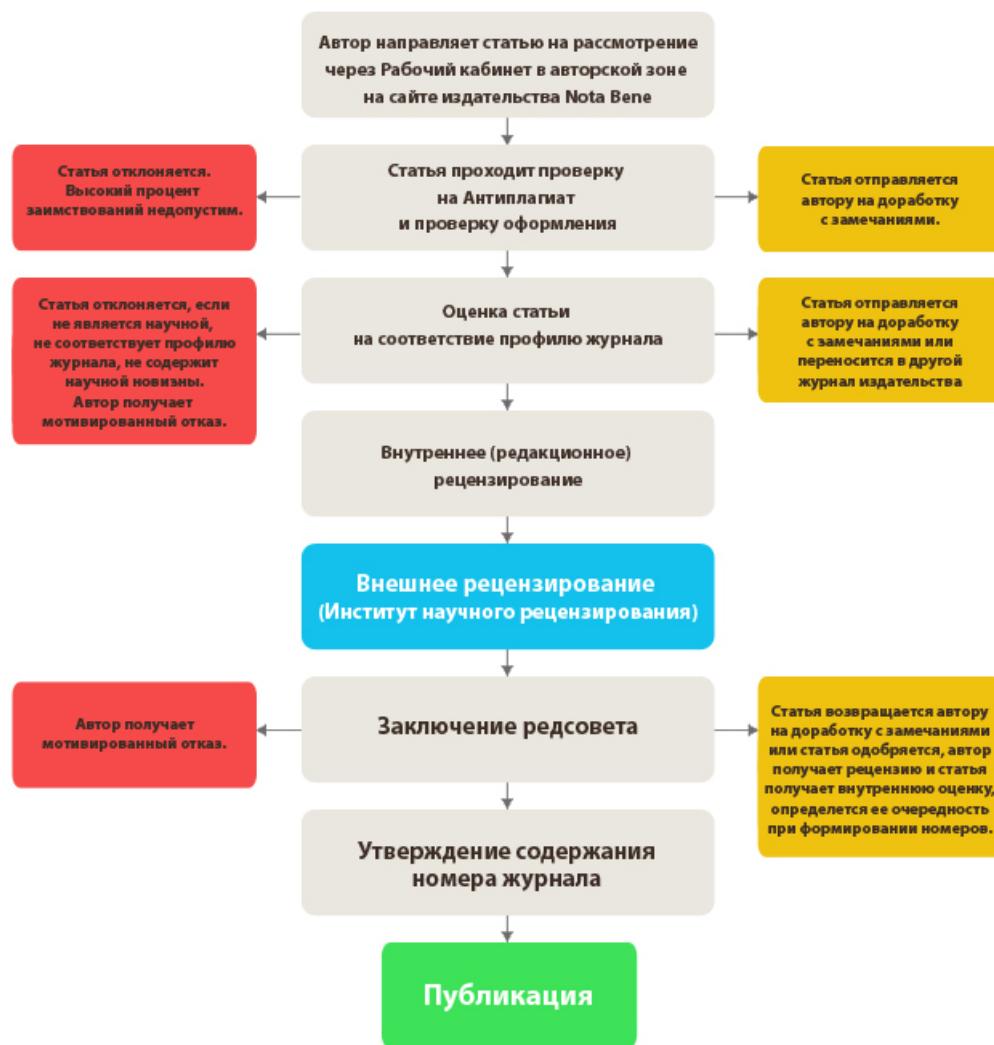
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Тимофеева Р.А., Чумак Р.Н. Сверхскорострельный пулемет Юрченко и развитие кривошипно-шатунной автоматики в отечественных разработках вооружения 1930-х–1950-х гг.	1
Рагимханов А.В., Александрова Е.А. Владимирский герб: взгляд в ретроспективу	18
Завьялова М.С. Научно-техническая деятельность аэродинамической лаборатории Санкт-Петербургского политехнического института в 1910–1920-е гг.	32
Селезенев Р.С., Козырева М.В. Иностранные языки в системе образования российского столичного дворянства в первой половине XVIII в.	40
Угрюмова М.В., Фоменко М.В. Похозяйственные списки и похозяйственные книги 20-х – 40-х г. XX в. как документы по истории сельского управления	56
Макаров Е.П. Этнокультурная составляющая пребывания британской регулярной армии в западном приграничье Виргинии в середине XVIII в.	69
Кан Ш. Досуговые практики в городской жизни Порт-Артура (1898–1904 гг.)	80
Англоязычные метаданные	92

Contents

Timofeeva R.A., Chumak R.N. The Yurchenko super-rapid-fire machine gun and the development of automation in domestic weaponry during the 1930s and 1950s	1
Ragimhanov A.V., Aleksandrova E.A. Vladimir Coat of Arms: a look in retrospect	18
Zavialova M.S. Scientific and technical activity of the aerodynamic laboratory of the St. Petersburg Polytechnic Institute in the 1910s and 1920s.	32
Selezenev R.S., Kozireva M.V. Foreign languages in the education system of the Russian metropolitan nobility in the first half of the XVIII century.	40
Ugryumova M.V., Fomenko M.V. Farm lists and farm books of the 1920s-1940s as documents for the history of rural administration.	56
Makarov E.P. The ethnocultural component of the British regular army in the western borderland of Virginia in the middle of the 18th century	69
Kang S. Leisure Practices in the Urban Life of Port Arthur (1898-1904)	80
Metadata in english	92

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Тимофеева Р.А., Чумак Р.Н. Сверхскорострельный пулемет Юрченко и развитие кривошипно-шатунной автоматики в отечественных разработках вооружения 1930-х–1950-х гг // Genesis: исторические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.7.75070 EDN: EQXNRY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75070

Сверхскорострельный пулемет Юрченко и развитие кривошипно-шатунной автоматики в отечественных разработках вооружения 1930-х–1950-х гг.

Тимофеева Римма Александровна

ORCID: 0000-0002-9051-0391

кандидат искусствоведения

доцент; кафедра истории и теории искусства; Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

194064, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, корпус 2, кв. 32

 rimma.a.timofeeva@gmail.com

Чумак Руслан Николаевич

кандидат технических наук

Начальник отдела фондов; Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Петроградский р-н, парк Александровский, д. 7

 rimmaa@gmail.com

[Статья из рубрики "История науки и техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.7.75070

EDN:

EQXNRY

Дата направления статьи в редакцию:

30-06-2025

Дата публикации:

07-07-2025

Аннотация: Предметом изучения в данной статье является история разработки

сверхскорострельного стрелкового оружия в 1930-е годы, в частности рассматривается авиационный пулемет К.С. Юрченко. Анализируется устройство и особенности конструкции пулемета, в том числе, редкий для стрелкового оружия тип построения автоматики – с кривошипно-шатунным механизмом привода затвора. Такое конструктивно-компоновочное решение обеспечивает высокий темп стрельбы без сопутствующей ему у обычных ударных схем автоматики критической перегрузки деталей и механизмов и патронов. Это, соответственно, позволяет обеспечить высокий уровень надежности работы автоматики оружия при стрельбе. Рассматривается дальнейшая история применения данного конструктивного решения в образцах авиационного вооружения послевоенного периода – образцы А.И. Скворцова, В.П. Грязева и А.Г. Шипунова. При работе над статьей использовались следующие методы исследования: обработка архивных материалов из фондов РГАЭ, РГВА, ЦГА г. Москвы, ЦАМО РФ Научного архива ВИМАИВиВС, Информационного Центра ГУ МВД по г. Санкт-Петербург и Ленинградской области, сравнительно-исторический метод, историко-научный анализ специальной литературы. Впервые в научный оборот вводятся новые данные, касающиеся разработки сверхскорострельных образцов стрелкового вооружения в СССР в середине 1930-х годов. В документах и различных собраниях оружия в России выявляется четыре пулемета Юрченко двух модификаций: в собрании оружия технического кабинета ЦКИБ СОО г. Тула; в собрании Техноцентра АО «Завод имени В.А. Дегтярева», г. Ковров; в собрании оружия Центрального музея Вооруженных сил РФ. Делается вывод об использовании принципа действия автоматики изученного пулемета Юрченко в разработках авиационного стрелково-пушечного вооружения послевоенного времени – в авиационных пушках конструкции В.П. Грязева и А.Г. Шипунова. Впервые приводятся биографические сведения об инженерах-конструкторах и их изобретениях 1930-х–1950-х годов.

Ключевые слова:

проектирование вооружения, стрелковое оружие, история оружия, авиационное вооружение, конструкторское бюро, сверхскорострельный пулемет ЮАС, пулемет Шквал, пулемет Юрченко, К.С. Юрченко, кривошипно-шатунный механизм

1. Введение: постановка проблемы и характеристика источников

История формирование отечественной школы проектирования вооружения в советский период – значимая и многоаспектная тема для изучения [1]. В данной связи следует учитывать и историю проектных организаций, и творческие биографии инженеров-конструкторов, а также рассматривать создание конкретных образцов с отдельными интересными решениями конструкции. Такой подход позволяет проследить, как развивалось то или иное конструкторское решение. Этот процесс мог проходить равномерно, когда схема конструкции оружия постепенно совершенствовалась силами инженеров исходя из потребностей армии с учетом пожеланий заказчика и возможностей промышленности. Возможен также и вариант развития по спирали, когда каждый новый виток являлся следствием решения важной задачи технологического, материаловедческого или творческого характера путем открытия оригинального подхода при разработке авторского замысла. Так, нередко через изучение достаточно частных вопросов есть возможность выйти на уровень обобщения, в чем-то затрагивающий вопросы философии технического творчества, так сказать «логику конструкторского мастерства» [2].

В истории отечественного оружия существует ряд тем и образцов, информация о которых является очень важной в части развития оружейного дела, но требует серьезных исследований, вплоть до восстановления имен конструкторов. К числу таких образцов относится сверхскорострельный пулемет ЮАС или «Шквал», разработанный конструктором-оружейником Юрченко. Об этом пулемете имеется немало упоминаний в популярных публикациях в сети Интернет, существует несколько печатных работ [3], где этот пулемет упоминается в контексте событий, связанных с созданием отечественного скорострельного авиационного стрелково-пушечного оружия, приводятся даже некоторые особенности его устройства и функционирования. Наиболее показательные упоминания о пулемете Юрченко приведены в Приложении 1. Образцы пулемета Юрченко сохранились до нашего времени, известны их изображения [4]. Однако для изучения достоверной истории создания данного пулемета, а также для поиска сведений о Юрченко (здесь и далее биографические и дополнительные сведения об инженерах-конструкторах, не публиковавшиеся ранее, вынесены в Приложение 2. – Авт.) потребовалось привлечение фондов государственных и ведомственных архивов, среди которых Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Российский государственный военный архив (РГВА), Центральный государственный архив (ЦГА) г. Москвы, Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ, Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС), Информационный Центр (ИЦ) ГУ МВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Архив Центрального научно-исследовательского института точного машиностроения (АО «ЦНИИточмаш», концерн «Калашников»).

Среди множества скорострельных авиационных пулеметов, разработанных в СССР в 1930-х-1950-х годах, пулемет Юрченко выделяется тем, что его автоматика была построена по редкой для стрелкового оружия принципиальной схеме – с кривошипно-шатунным механизмом привода затвора. Такое конструктивно-компоновочное решение позволяло достичь очень большого темпа стрельбы без сопутствующей ему у обычных ударных схем автоматики критической перегрузки деталей и механизмов и патронов и, соответственно, обеспечить высокий уровень надежности работы автоматики оружия при стрельбе.

Следует отметить, что идея использования кривошипно-шатунного механизма в качестве основы автоматики стрелкового оружия не принадлежала Юрченко. Первый пулемет с автоматикой данного типа был разработан в Австро-Венгрии изобретателем Ференцом Габауэром (Ferenc Gebauer) в 1917–1918 годах [5]. Этот пулемет имел два ствола калибром 8 мм и привод автоматики от мотора самолета. Совершенствуя свой пулемет, в 1922–1923 годах Ф. Гебауэр создал новую модель одностольного 7,92-мм пулемета, который с 1926 по 1934 год выпускался серийно для ВВС Венгрии.

В 1934 году проект авиационного пулемета с аналогичной системой автоматики с кривошипно-шатунным механизмом, приводимым в действие мотором самолета, разработал инженер Артиллерийского научно-исследовательского института (АНИИ) Иван Тимофеевич Калинин. Пока не выяснено, удалось ли Калинину довести проект своего пулемета до практической реализации, но очевидно то, что в 1930-х годах кривошипно-шатунный механизм автоматики стрелкового оружия был известен в СССР, признавался пригодным для реализации и был достаточно успешно воплощен в авиационном пулемете Юрченко. В послевоенное время именно такой механизм автоматики нашел эффективное применение в разработанных В.П. Грязевым и А.Г. Шипуновым авиационных пушках.

Пулемет Юрченко занимает видное место в истории отечественного стрелкового оружия, однако объем известных сведений о разработке и испытаниях этого пулемета крайне ограничен, кроме того, полностью отсутствуют корректные сведения о его создателе Карпе Сергеевиче Юрченко. В силу ряда объективных и субъективных причин вклад К.С. Юрченко в развитие отечественного скорострельного стрелково-пушечного вооружения и его личность оказались на долгое время изолированы от внимания историков оружия. Настоящая публикация раскрывает указанные проблемные вопросы и вводит в научный оборот новые сведения об особенностях опытно-конструкторских работ в области стрелково-пушечного вооружением в СССР в 1930-е годы.

2. Разработка К.С. Юрченко конструктивных схем, обеспечивающих высокий темп стрельбы

Создание современных образцов вооружения для авиации – это одна из приоритетных задач, обозначенная в системе вооружения на вторую пятилетку. Потребности в обеспечении самолетов пулеметами, имеющим высокий темп стрельбы, привели к параллельной разработке нескольких проектов. Это пулеметы Юрченко, пулемет «с принудительной автоматикой» И.Т. Калинина (о нем: Приложение 2. №1), Шпагина или Еременко (с разъемным патронником), Шелеста (турбинный) и др. Указание на промышленно-конструкторскую базу для выполнения этих и других проектов содержится в плане опытных заказов Артиллерийского управления РККА на 1935 год: Тульский оружейный завод – сверхскорострельный пулемет «с действием от мотора системы Калинина», «системы Юрченко», спаренный ШКАС; ОКБ-2 – ШКАС с большой начальной скоростью пули 1300–1500 м/с [6, л. 5]. По плану предполагалось изготовить опытные образцы пулеметов, сравнить их между собой и выбрать лучший вариант.

Хотя самые ранние сведения о начале работ К.С. Юрченко над проектом скорострельного авиационного пулемета датируются 1934 годом (в это время он служил в Научно-испытательном институте Военно-воздушных сил Рабоче-крестьянской Красной армии (НИИВВС РККА)), в отчете о выполнении опытных заказов по Управлению стрелкового вооружения Артиллерийского управления (УСВО АУ) за первое полугодие 1934 года указано, что работы по ультраскорострельному пулемету с темпом стрельбы до 6000 выстрелов в минуту перенесены на 1935 год [7, л. 67]. Обсуждение вопроса включения в планы опытных заказов и научно-исследовательских работ на 1935 год предложений изобретателей состоялось 17 октября 1934 года на совещании научно-технического управления РККА, при этом УСВО непосредственно определялось принять проект «сверхскорострельного пулемета Юрченко» [6, л. 55]. В проекте постановления по артиллерийскому вооружению самолетов на 1934–1935 годы в рамках деятельности КБ и промышленности по направлению модернизации вооружения самолетов и обеспечения вооружения опытного самолетостроения предполагалось обязать Артиллерийскую академию «разработать проект и построить опытный образец скорострельного пулемета Юрченко к 1 мая 1935 года с тем, чтобы в 1935 году построить первую серийную партию в 10–15 пулеметов» [8, л. 9]. На проект, изготовление двух опытных образцов пулеметов и другие работы выделялось 80000 рублей, срок изготовления устанавливается с 1 января 1935 года по 1 июля 1935 года [6, л. 63].

Чертежи и расчеты пулемета выполнялись в Артиллерийской академии РККА под руководством А.А. Благонравова, и эта работа завершилась в самом начале 1935 года, после чего в той же академии проект подвергли тщательному анализу. Отчет (пояснительная записка) с анализом конструкции авиационного турельно-синхронного скорострельного пулемета системы Юрченко К.С. был выполнен в инженером А.М.

Сидоренко (о нем: Приложение 2. № 2) также под руководством А.А. Благонравова и датирован январем 1935 года [9, л. 1]. Принцип действия автоматики – отвод пороховых газов из канала ствола, принцип запирания – сведение боевых упоров к затвору из ствольной коробки (по типу автоматической винтовки Дегтярева 1930 года), питание патронами предполагалось производить из металлической звеньевой ленты. Главной особенностью проекта пулемета являлось намерение обеспечить высокий темп стрельбы (около 2500–3000 выстрелов в минуту) за счет придания большой скорости движения (12–15 м/с) подвижным частям крайне незначительной массы (0,472 кг) [10, л. 1].

В ходе анализа проекта пулемета Юрченко были выявлены все недостатки и спорные моменты его конструкции [9, л. 59], разработаны рекомендации, имеющие целью повысить надежность функционирования автоматики. В пояснительной записке отмечено, что конструктор пулемета Юрченко согласился не со всеми правками. Здесь следует еще раз отметить, что исследованию в Артиллерийской академии подвергался именно проект пулемета Юрченко, а не его реальный образец. На это указывает фраза в документе о том, что некоторые предлагаемые доработки конструкции необходимо будет проверить при первой стрельбе из пулемета [9, л. 59].

Во исполнение резолюции заместителя начальника вооружений и начальника АУ на пояснительной записке к проекту авиационного скорострельного пулемета системы Юрченко 31 января 1935 года предписывалось созвать совещание с автором пулемета и представителем Артакадемии Сидоренко «для заслушивания доводов автора и Академии» [11, л. 43]. В итоге, до изготовления первоначальной модели пулемета Юрченко дело не дошло по причине низкой живучести деталей подвижной системы и возвратно-боевой пружины, при этом выйти заданную на величину темпа стрельбы все равно не удавалось (расчетный темп стрельбы составлял 1660–1840 выстрелов в минуту).

Несмотря на отказ в реализации проекта первоначальной модели пулемета, К.С. Юрченко не оставил идею создать сверхскорострельный пулемет и на протяжении следующих 6-ти лет занимался разработкой их более совершенных моделей. С 1936 года работы проводились в специально организованном под эту задачу небольшом конструкторском бюро при заводе им. Серго Орджоникидзе в Москве [12, л. 4], а с марта 1938 года в Особом конструкторском бюро на заводе «Калибр», куда КБ Юрченко перевели с завода им. Орджоникидзе. Приказом НКТМ №31 от 27 февраля 1939 года «Особое конструкторское бюро» Главинструмента приобрело самостоятельный статус [12, л. 3].

В ходе этой работы К.С. Юрченко сначала попытался усовершенствовать свой первоначальный проект скорострельного пулемета с ударной переоблегченной автоматикой и изготовить его действующий образец, но быстро понял бесперспективность пути и отказался от его продолжения [13, л. 73]. В 1937 году он разработал новую конструкцию автоматики комбинированного типа с использованием кривошипно-шатунного механизма привода затвора [13, л. 93]. В пулемете с автоматикой данного вида 1-й модели отпирание затвора производилось подвижным стволом с коротким ходом, движение которого в активной части цикла обеспечивалось весьма необычным даже для того времени способом – за счет врезания пули в нарезы [13, л. 93], при этом откат затвора осуществлялся под действием остаточного давления пороховых газов на дно гильзы [13, л. 72]. Стреляющий образец пулемета Юрченко 1-й модели был

готов к концу 1937 года, но на испытания на полигон не представлялся по причине большого количества задержек при стрельбе [13, л. 72]. В том же 1937 году КБ Юрченко была поставлена задача изготовить и представить в 1938 году на испытания три пулемета. Изготовить пулеметы удалось, но на испытания они не подавались по той же причине – большого количества отказов в стрельбе.

Только 13 ноября 1939 года пулемет Юрченко 1-й модели подготовили и подали для испытаний на Научно-исследовательский полигон авиационного вооружения (АВ) ВВС, но в их ходе он показал себя плохо по причине нестабильной работы автоматики, вызванной точностью соблюдения размеров канала ствола при его изготовлении и изменениями в состоянии начального участка его нарезной части из-за износа по мере настрела, что не давало стволу получить полный импульс движения во время движения по нему пули. Кроме того, пулемет давал большое рассеивание в горизонтальной плоскости, вызванное ударами кривошипа об ограничители при приходе подвижной системы в крайнее переднее положение [13, л. 93], допускал самовоспламенение патрона в патроннике, имел очень тяжелый спуск (38–40 кг) и неудобные рукоятки управления огнем. Несмотря на то, что пулемет Юрченко 1-й модели испытания не выдержал, полигон отметил хорошо сконструированную систему ленточного питания и высокий темп стрельбы. В целом полигон признал конструкцию пулемета Юрченко перспективной и рекомендовал продолжить работу по его усовершенствованию, причем именно в направлении разработки новой системы [13, л. 71].

Основываясь на итогах испытаний пулемета и его выявленных главных недостатках, К.С. Юрченко существенным образом перепроектировал оружие и создал 2-ю модель пулемета. В ней он заменил двигатель автоматики новым и также оригинальной системы – с неподвижным стволов и жестким запиранием, выключающимся специальным рычагом при смещении дна гильзы в пределах зеркального зазора в начальный момент выстрела, при этом отбрасывание затвора осуществлялось после отпирания остаточным давлением в канале ствола. По сути, пулемет был спроектирован заново, от пулемета 1-й модели остался только кривошипно-шатунный механизм затвора и механизм подачи ленты.

На полигонные испытания пулемет Юрченко 2-й модели в количестве трех экземпляров №№ 3, 4 и 5 был подан 13 февраля 1940 года, испытания закончились в марте 1940 года [13, л. 70]. По свидетельству самого К.С. Юрченко, пулемет, построенный на данном принципе автоматики вполне надежно стрелял, но обладал весьма существенным недостатком – после прекращения стрельбы длинной очередью (не менее 150 выстрелов) возникал сильный нагрев ствола и находящегося в нем патрона, приводивший к поперечному обрыву его гильзы в начале новой очереди. Кроме того, в этой модели пулемета опять обнаружилось большое горизонтальное рассеивание, выявились недоходы затвора в крайнее переднее положение из-за снижения мощности гильзового двигателя автоматики по мере износа (разгара) пульного входа, очень большие усилия спуска подвижных частей с боевого взвода (28–30 кг) и взведения подвижной системы (65–70 кг), большое неудобство заряжания лентой (требовалось приводить в действие два механизма одновременно), а также неудобные для авиационного пулемета рукоятки управления огнем типа пехотного пулемета «Максим». Темп стрельбы снизился по сравнению с пулеметом Юрченко 1-й модели с 3600 до 2700 выстрелов в минуту [13, л. 69]. Полигонные испытания пулемет не выдержал и отправился на доработку.

В процессе доработки пулемета К.С. Юрченко вновь изменил тип двигателя автоматики и после ряда экспериментов перешел к классическому откатному двигателю с отдачей

ствола при его коротком ходе (1,2 мм) и запиранием затвора двумя боковыми качающимися рычагами (личинками). Такое оформление конструкции пулемета очередной (3-й) модели позволило добиться достаточно надежной работы автоматики и исключить обрывы гильз при всех условиях стрельбы. Кроме того, получилось устранить и другие недостатки пулемета, в том числе рукоятку управления огнем, усилие спуска и взведения.

Наконец, 1 ноября 1940 года пулемет Юрченко 3-й модели был представлен на полигонные испытания, завершившиеся 25 января 1941 года [\[14, л. 4\]](#). В ходе испытаний из пулемета было сделано 13000 выстрелов. По итогам испытаний полигон пришел к заключению о том, что пулемет Юрченко испытания выдержал, все изменения в конструкции сделаны правильно – пулемет оказался легче предыдущей модели на 1 кг и не имел недостатков свойственных пулеметам предшествующих моделей. При этом был получен темп стрельбы 4000 выстрелов в минуту [\[13, л. 93\]](#). Предполагалось к 25 ноября изготовить и представить на полигон 1 пулемет, а к 15 декабря еще 3 пулемета для более широких испытаний и завершить их во второй половине декабря 1940 года. Далее предполагалось к 20 декабря разработать к пулемету синхронизатор для стрельбы через винт одномоторного истребителя, изготовить 2 синхронных пулемета, после чего перейти к проектированию на этом же принципе сверхскорострельной авиационной пушки [\[13, л. 90\]](#) и в 1941 году передать пулемет в промышленность для его серийного производства [\[13, л. 90\]](#). Наркомат тяжелого машиностроения с большим вниманием относился к работам КБ Юрченко, торопил его, обязал директора завода «Калибр» оказывать всю необходимую помощь в работе бюро, усиливал инженерными кадрами и обеспечил дополнительное финансирование опытных работ [\[13, л. 88\]](#).

Изучение документов Народного комисариата авиационной промышленности (НКАП) показывает, что доработка пулемета Юрченко, в ходе которой по надежности оружия удалось достичь удовлетворительных результатов, продолжалась до начала 1941 года включительно. По свидетельству самого конструктора, к 10 марта 1941 года его пулеметы в количестве 2 штук вместе с доработанной турельной установкой МВ-3 поступили на полигонные воздушные испытания, которые выдержали [\[14, л. 23\]](#), что считалось достаточным для перехода к войсковым испытаниям с перспективой принятия на вооружение [\[14, л. 37\]](#). Приказ НКАП №599сс от 30 июня 1941 года предписывал заводам №1, №21 и №22 к 1 октября 1941 года оборудовать 3 самолета МиГ-3, 3 самолета ЛаГГ-3 и один бомбардировщик Пе-2 синхронными и крыльевыми пулеметами Юрченко калибра 7,62 мм [\[15, л. 64\]](#) для проведения войсковых испытаний. К этому же сроку для вооружения самолетов предписывалось на заводе №2 изготовить серию из 19 пулеметов Юрченко, в том числе 12 синхронных, 4 крыльевых и 3 турельных, и 300 тысяч штук звеньев патронных лент к ним. Проведение войсковых испытаний самолетов, вооруженных пулеметами Юрченко, намечалось на период с 1 октября 1941 года по 1 ноября 1941 года. По итогам испытаний к 10 ноября 1941 года требовалось предоставить соответствующие выводы Совнаркому СССР [\[15, л. 64\]](#).

Вопрос об исполнении данного приказа в части выпуска серии пулеметов Юрченко пока остается открытым, но серийные номера сохранившихся до настоящего времени пулеметов последней модели «Шквал-3» свидетельствуют в пользу того, что их опытная серия была все же изготовлена, предположительно – на Ковровском заводе ИНЗ №2.

Об изготовлении действующего образца 12,7-мм пулемета Юрченко исчерпывающая информация пока не выявлена, но некоторые сведения все же удалось обнаружить, и

они косвенно свидетельствуют в пользу того, что такой пулемет все же был спроектирован и изготовлен. В документах из РГАЭ содержится текст доклада К.С. Юрченко на Коллегии Народного комиссариата тяжелого машиностроения (НКТМ), в котором он сообщает, что УВВС КА заключило с ним договор на проектирование крупнокалиберного сверхскорострельного пулемета калибра 12,7 мм по тактико-техническим требованиям заказчика со сроком исполнения в 1941 году [14, л. 31]. В марте 1941 года заместитель Наркома вооружения Барсуков письмом сообщил Наркому тяжелого машиностроения о том, что заводу №2 дано задание об изготовлении 10 стволов калибра 12,7 мм для Особого КБ НКТМ с окончанием работ 1 апреля 1941 года. 22 марта 1941 года НКВ довел до сведения ОКБ НКТМ (Юрченко), что ему выделены в числе прочих боеприпасов для проведения испытаний пулеметов 2000 штук патронов калибра 12,7 мм [14, л. 33]. В указанном выше приказе НКАП №599сс от 30 июня 1941 года в пункте 5в содержится указание о подготовке установок и самолетов для испытания пулемета Юрченко калибра 12,7 мм [15, л. 65].

Дальнейшая судьба проектов 7,62-мм и 12,7-мм пулеметов Юрченко теряется, но достоверно известно, что в годы Великой Отечественной войны пулеметы Юрченко не появлялись в числе участников значимых опытно-конструкторских работ по созданию новых систем авиационного стрелково-пушечного вооружения.

На момент написания статьи в документах и различных собраниях оружия в России авторы выявили четыре пулемета Юрченко двух модификаций. Изображение первой модели пулемета Юрченко с кривошипной автоматикой приведено в лекции историка авиационного вооружения О. Растренина [16]. Один пулемет второй модификации в турельном варианте находится в собрании оружия технического кабинета ЦКИБ СОО г. Тула (поступил из организации п/я-7 – НИИ-61 – в 1965 году), два пулемета третьей модификации «Шквал-3» (по одному в турельном (№1) и синхронном (№15) вариантах), находятся в собрании Техноцентра АО «Завод имени В.А. Дегтярева», г. Ковров. Еще один пулемет пока не установленной модификации находится в собрании оружия Центрального музея Вооруженных сил РФ.

3. Влияние схемы автоматики Юрченко на проектирование в СССР скорострельных авиационных пушек в послевоенные годы

Развитие заложенных в конструкцию пулемета Юрченко перспективных технических идей, в первую очередь, автоматики, основанной на свойствах кривошипно-шатунного механизма, прервала начавшаяся 22 июня 1941 года Великая Отечественная война. В силу особенностей организации опытно-конструкторских работ с вооружением в СССР, пулемет Юрченко оказался изолированным от внимания нового поколения конструкторов стрелково-пушечного вооружения. История, в которой пулемет Юрченко стал источником вдохновения для конструкторов-оружейников послевоенного поколения, достаточно подробно описана в нескольких книгах, посвященных творчеству выдающихся тульских оружейников В.П. Грязева и А.Г. Шипунова. Сводя содержащуюся в них информацию в единую смысловую конструкцию, обстоятельства «перерождения» пулемета Юрченко в новые стрелково-пушечные системы выглядят следующим образом.

В 1951 году после окончания обучения в Тульском механическом институте В.П. Грязев был распределен для дальнейшей работы в НИИ-61 в г. Климовск Московской области. Этот институт (в будущем ЦНИИТОЧМАШ) в то время являлся ведущей организацией в области стрелково-пушечного вооружения авиации. В то время в разных КБ страны велись активные работы по созданию новых скорострельных пушек для боевой авиации,

которой руководством страны и армии придавалось большое значение. В институте В.П. Грязев встретился со своим товарищем по обучению в ВУЗе А.Г. Шипуновым, который убедил его заняться проектированием авиационных пушек. К этому времени в институте конструктором НИИ-61 Александром Ивановичем Скворцовым (о нем: Приложение 2) уже была разработана 23-мм автоматическая пушка под патрон пушки ВЯ, причем в основе ее конструкции лежала схема автоматики Юрченко с кривошипно-шатунным приводом затвора [17, с. 101–102]. Достоверность описанной в мемуарной литературе истории знакомства А.И. Скворцова с пулеметом Юрченко, (Приложение 1, №2) вызывает большие сомнения. Тем не менее, использование в данной пушке главных принципов устройства автоматики является несомненным. Таким образом, в СССР на этапе разработки послевоенного поколения скорострельных автоматических пушек содержащиеся в пулемете Юрченко технические решения стали пригодными для реализации, но уже на новом уровне развития техники стрелково-пушечного вооружения авиации.

Спроектированная с использованием принципов автоматики Юрченко автоматическая пушка Скворцова имела массивный кривошип-маховик, поворачивающийся за цикл работы автоматики на 340 градусов. На одном цикле работы автоматики кривошип поворачивался в одну сторону, на следующем цикле – в другую сторону, при этом удар подвижной системы в крайнем заднем положении отсутствовал, что позволяло существенно увеличить темп стрельбы. Еще одной важной особенностью конструкции пушки Скворцова, отличающей ее от схемы автоматики Юрченко, было использование кривошипа с переменной длиной (радиусом) – т.н. «складывающегося» кривошипа. Это решение позволяло устранить один из главных недостатков кривошипно-шатунной схемы автоматики в виде прямой зависимости хода подвижных частей от радиуса кривошипа и существенно уменьшить поперечный габарит оружия. Однако проблема пушки Скворцова состояла в том, что она стреляла только одиночными выстрелами или короткими очередями с существенно меньшим темпом, чем предполагалось, и наладить стрельбу из нее полными очередями не удавалось.

Основываясь на конструкции пушки Скворцова, В.П. Грязев и А.Г. Шипунов разрабатывали свою пушку. Чтобы избежать проблем, имевших место в пушке Скворцова, требовалось выявить и предсказать процессы, происходящие в механизмах ее автоматики при стрельбе, что можно было сделать только на основе теоретического моделирования. В то время еще не существовало методов расчета автоматики кривошипно-шатунного типа, поэтому проанализировав особенности работы автоматики пушки Скворцова, А.Г. Шипунов и И. Бабичев с участием В.П. Грязева смогли разработать теорию функционирования кривошипного механизма с переменным радиусом. После этого Шипунов и Грязев приступили к разработке собственной автоматической пушки, используя в качестве основы кривошипную автоматику Юрченко со складывающимся кривошипом Скворцова.

В отличие от конструктивных схем Юрченко и Скворцова они реализовали решение, при котором кривошип во время стрельбы все время вращался только в одну сторону на полный оборот, что позволяло обеспечить плавный разгон досыпаемого патрона при его досылке и исключить удары подвижной системы в крайних положениях и, как следствие, связанные с ними потери ее скорости, а соответственно и снижение темпа стрельбы. Одноствольная 23-мм автоматическая пушка Грязева и Шипунова с безударной автоматикой под патрон ВЯ была спроектирована, получила индекс АО-7, а несколько позднее – ТКБ-513. При испытаниях пушка АО-7/ТКБ-513 показала выдающийся для одноканальной системы темп стрельбы – 2300 выстрелов в минуту [17, с. 123, 125]. Эта

пушка успешно прошла полигонные испытания, ее изготовление было освоено промышленностью, но по ряду причин на вооружение она не поступила.

Позднее, используя некоторые идеи, заложенные в конструкции этой пушки В.П. Грязев при участии А.Г. Шипунова спроектировал совершенно новую двуствольную 23-мм автоматическую пушку АО-9, которая была принята на вооружение авиации под обозначением ГШ-23, выпускалась на протяжение нескольких десятилетий и является блестящим примером успешного проектирования автоматического оружия высочайшего уровня сложности.

Кривошипно-шатунную схему автоматики в своем оружии также использовал Б.Г. Шпитальный, применив ее в разработанной в начале 1950-х годов 23-мм автоматической пушке Ш-3 и 7,62-мм пехотном пулемете. Пушка Шпитального Ш-3 проходила широкие полигонные испытания, но на вооружение не принималась.

4. Выводы

Подводя итоги исследования, стоит подчеркнуть, что настоящая публикация вводит в научный оборот новые сведения об особенностях опытно-конструкторских работ в области стрелково-пушечного вооружения в СССР в 1930-е годы. Кроме того, представляется обоснованным сделать общий вывод о влиянии концепции автоматики Юрченко на процессы создания в СССР скорострельных авиационных пушек. Роль разработок Юрченко, в частности, его пулемета в создании скорострельного автоматического оружия состоит не только в очень высоких значениях темпа стрельбы, достигнутых в середине 1930-х годов, а еще и в том, что общая идея автоматики пулемета Юрченко послужила основой для главных компоновочных решений нескольких разновидностей скорострельных автоматических пушек конструкции Б.Г. Шпитального, В.П. Грязева и А.Г. Шипунова.

Благодаря выдающимся боевым и эксплуатационным характеристикам пушки Грязева и Шипунова получили широкое распространение в советской и российской боевой авиации. При их проектировании конструкторам пришлось прибегнуть к разработке специальной теории работы механизмов автоматики кривошипно-шатунного типа, что позволило обеспечить стрельбу с точно заданным темпом при достаточном уровне надежности. Однако в отечественной истории проектирования вооружения начальный этап разработки данной схемы – пусть на интуитивном и экспериментальном уровне – относится еще к довоенному времени.

Приложение 1. Упоминания о пулемете Юрченко в литературе мемуарного характера

№ 1. «Полной противоположностью был в те времена пулемет ковровского конструктора Юрченко. По его мнению, скорострельность оружия ограничивают удары подвижных элементов автоматики. Он обратил внимание на то, что первое в мире самострельное оружие – пулемет Хирама Максима – носит на себе элементы скорострельного оружия. Затвор данного пулемета управляет кривошипно-шатунным механизмом, и поэтому скорость его изменяется по закону синусоиды. При таком законе движения затвора, даже при сокращении времени его движения, можно было рассчитывать на меньшие силовые нагрузки на патрон. Но в отличие от пулемета Максима, у которого кривошип поворачивался на угол несколько меньше 180 градусов, у пулемета Юрченко угол поворота составлял 350 градусов. Это исключало удар подвижных частей в крайнем заднем положении. При каждом таком повороте совершался полный цикл работы автоматики. Патрон разгонялся плавно, и инерционные усилия на пулю не превосходили

усилия запрессовки ее в гильзу. Юрченко подобно Шпитальному не стал извлекать патрон из ленты назад, а досыпал его вперед в ствол. Помимо удивительной простоты, ковровский конструктор добился и значительно большей скорострельности. Темп стрельбы пулемета Юрченко составлял 5000 выстрелов в минуту, что почти втрое выше по сравнению с тем же ШКАСом.

На своем одностольном пулемете Юрченко достиг рекордного для того периода темпа стрельбы. Он, по сути, опередил свое время, ибо для такой скорострельности просто не смогли придумать ствол, способный выдержать подобный темп стрельбы. Тот сгорал, как свечка» [\[17, с. 9–10\]](#).

№ 2. «Уникальный пулемет едва отыскали в каком-то сарае. Ржавый до неузнаваемости, он валялся, словно металлом на свалке. Молодые ребята-энтузиасты прошлись по нему сначала наждаком, потом напильником, разобрали по частям и поставили новый ствол. У них возникали вполне оправданные сомнения, будет ли он вообще стрелять при такой потрясающей простоте конструкции и неухоженном внешнем виде. Поставили его на установку, зарядили ленту из ста патронов, нажали спуск, и этот ржавый пулемет сорокалетней давности рявкнул, сделав положенные выстрелы за 1,2 секунды. И застыл. Замерили темп – 5000 выстрелов в минуту. Но сколько бы стволов из новейших материалов ни делали, все безрезультатно. Они не выдерживали подобной скорострельности. И все-таки это гениальное решение...» [\[17, с. 9–10\]](#).

Приложение 2. Краткие сведения о конструкторах стрелкового вооружения, не публиковавшиеся ранее (в алфавитном порядке)

№ 1. Калинин Иван Тимофеевич, инженер II отдела АНИИ, разрабатывал: 7,62-мм сверхскорострельный пулемет с приводом от авиамотора (рабочие чертежи изготовлены до лета 1934 года) [\[18\]](#); 20-мм сверхскорострельную зенитную пушку с приводом автоматики от мотора (чертежи пушки изготовлены до лета 1934 года); 45-мм авиапушку со свободным затвором (эскизный проект разработан до лета 1934 года); дульные тормоза артиллерийских орудий; прибор для установки дистанционной трубы в орудии [\[19, л. 110 об.–111\]](#).

№ 2. Сидоренко Александр Максимович. Родился 25 октября (ст. ст.) 1903 года в семье крестьянина д. Коваки, Брагинского р-на, Гомельской обл., БССР. Начальное образование получил сначала в Земской 4-хлетней школе, потом окончил Высшее начальное училище в м. Братине и поступил в организованную на базе этого училища трудовую школу II ступени, которую окончил в 1921 году. В этом же году поступил в Клинцовский Индустримальный Институт, преобразованный к началу второго учебного года в Индустримальный Техникум. Это учебное заведение оказалось на высоте, т. к. оно было организовано на базе бывшего среднего технического ремесленного училища с отличными мастерскими, а сам г. Клинцы в своей промышленности имел все необходимое для производственной практики студентов, что, собственно, и удержало всех студентов до окончания техникума после такой его реорганизации.

Окончив техникум со званием техника-механика по теплосиловым установкам, в июне 1924 года по путевке комсомола был направлен на спичечную фабрику и фанерный завод «Днепр» в г. Речице БССР. На фабрике с перерывом в один год (служба в Красной Армии), исполняя разные должности (техника по ремонту оборудования фабрики, зав. теплосиловой станции и главного механика), работал до августа 1927 года – до поступления в Ленинградский Технологический Институт Ленсовета на мехфак. Однако институт окончить не пришлось; по решению КПСС члены КПСС – студенты 4 курса с

хорошой академической успеваемостью были призваны в Военно-Техническую Академию Красной Армии, в том числе, и Сидоренко. В академии он был зачислен на артиллерийский факультет, отделение стрелкового оружия. Военно-Техническую Академию окончил в декабре 1931 года со званием артиллерийского инженера I разряда и оставлен при Академии. В 1932 году ВТА была реорганизована, в результате пять ее факультетов стали самостоятельными академиями – артиллерийский стал основой академии, носящей ныне название – Военно-инженерная орденов Ленина и Суворова Академия им. Ф.Э. Дзержинского.

Во время работы в Академии до декабря 1950 года, независимо от исполнения обязанностей по занимаемым должностям (старший инженер лаборатории стрелкового оружия, начальник лабораторий: стрелкового оружия, внешней и внутренней баллистики, начальник КБ, преподаватель кафедры проектирования и производства артиллерийских систем, начальник учебно-опытного завода), начиная с первых дней деятельности, был связан с учебным процессом, главным образом, по руководству дипломным проектированием по кафедре стрелкового вооружения, чтением лекций по основаниям устройства и проектированию автоматических пушек по кафедре проектирования и производства артиллерийских систем. Эти лекции читались Сидоренко и на факультете «А» в МВТУ в 1939–1941 годах.

Из работ, выполненных в стенах академии, которые следует отметить, были такие: «Атлас конструкций автоматического оружия» (А. Благонравов, А. Гнатенко, М. Гуревич и А. Сидоренко, 1933 год), «Атлас конструкций станков и пулеметных установок» (М. Гуревич, В. Малиновский и А. Сидоренко, 1935 год). В издании этих атласов Сидоренко занимался большим объемом работы по подбору, содержанию и руководству при выполнении всех графических работ, так как все они производились в возглавляемом им тогда КБ. Эти атласы в академии сыграли большую роль, как учебные пособия: при изучении матчасти стрелкового автоматического оружия, при выполнении курсовых и дипломных проектов, при написании учебника по материальной части стрелкового оружия, а также были полезными для других ВТУзов и конструкторских бюро НКВ, изобретателей и всех интересующихся изучением и конструированием стрелкового оружия.

В 1971 году в автобиографии Сидоренко писал: «Оглядываясь на свою жизнь, отмечу, что сложилась она несколько иначе, как это предполагалось, а сложилась так, как требовала этого КПСС, членом которой я состою с 27 февраля 1927 года, вдохновлявшая меня на борьбу за строительство светлого будущего – коммунизма, в торжество которого я твердо верю» [\[20\]](#).

№3. Скворцов Александр Иванович. Родился в 1912 году в Москве. С 1927 года работал на Ковровском пулеметном заводе в должностях ученика слесаря, слесаря-лекальщика. С 1933 года учился на Рабфаке, с того же года обучался в Транспортно-экономическом институте г. Москва (без отрыва от производства). С 1944 года работал в должности техника-конструктора завода №2 (г. Ковров). В 1944 году был переведен в НИИСПВА на должность инженера-конструктора, где занимался разработкой стрелково-пушечного вооружения. В январе 1952 года приказом МВ СССР А.И. Скворцов был переведен на работу на Днепропетровский машиностроительный завод №586 МВ (п/я 186), г. Днепропетровск [\[21\]](#).

№4. Юрченко Карп Сергеевич (биографические сведения приводятся по материалам Учетно-послужной картотеки ЦАМО РФ и личного дела [\[12; 22\]](#)) родился 2 апреля 1912 года в селе Княже-Криница, Монастырщинского района Винницкой области в

крестьянской семье. В 1912 году его отец уехал на заработки в США и вернулся только в 1920 году будучи выслан за сочувствие к Советской власти. В 1920–1925 году Юрченко отучился в 4-х летней школе, после чего поступил на дополнительное обучение в Балабановскую районную школу, но закончить ее ему не удалось по причине тяжелого материального положения. Возвратившись домой в 1927 году, К.С. Юрченко продолжил заниматься семейным сельским хозяйством, что ему скоро надоело и в 1929 году он уехал в г. Кировск, где поступил на работу в 21-й авиационный парк на должность столяра в мастерской по ремонту самолетов, там же вступил в Комсомол. В июне того же 1930 года по путевке комсомольской организации войсковой части, где работал К.С. Юрченко, он был направлен на учебу во 2-ю Вольскую авиатехническую школу ВВС РККА им. ВЛКСМ, которую закончил ускоренным курсом в 1932 году, получив воинское звание младшего авиатехника и был оставлен служить в той же авиашколе на должности инструктора самолетного курса. Еще в авиашколе К.С. Юрченко активно занялся изобретательской деятельностью в области авиационного стрелкового оружия и в 1934 году разработал оригинальный проект скорострельного пулемета. Его способности заметили и оценили на самом высоком уровне системы вооружения РККА и в 1934 году перевели для продолжения службы в НИИ ВВС РККА (г. Москва) на должность старшего авиатехника, а в 1936 году уволили из армии в запас в связи с переводом на работу в промышленность для реализации своего изобретения.

После увольнения из армии в 1936 году К.С. Юрченко был направлен в Артиллерийскую академию РККА им. Дзержинского (г. Ленинград) для реализации своего изобретения – авиационного сверхскорострельного пулемета. В Артиллерийскую академию он представил проект своего пулемета для проведения анализа его конструкции.

Работу над пулеметом К.С. Юрченко продолжил в 1934 году на НИПСВО ГАУ РККА куда его перевели на должность конструктора. С 1936 года К.С. Юрченко возглавил организованное для реализации проекта его пулемета специальное конструкторское бюро при заводе им. Серго Орджоникидзе в Москве, в котором он занимал должность начальника КБ и главного конструктора. В марте 1938 года КБ Юрченко перевели на завод «Калибр», располагавшийся на Ярославском шоссе [23, л. 273; 24, л. 386], где было образовано Особое конструкторское бюро, в котором он работал на тех же должностях, что и ранее. В 1939 году К.С. Юрченко присвоили воинское звание «Воентехник 1-го ранга». В своем ОКБ К.С. Юрченко проработал как минимум до ноября 1943 года, имея отсрочку от призыва до 31 декабря 1943 года.

15 апреля 1945 года К.С. Юрченко был арестован и 8 сентября 1945 года осужден Особым совещанием при Народном комиссаре внутренних дел СССР по статье 58-1а УК РСФСР. Сведения об освобождении отсутствуют [25]. По данным учетно-послужной карточки ЦАМО РФ, К.С. Юрченко участие в Великой Отечественной войне не принимал и в 1945 году был осужден по статье 58-1а УК РСФСР на 10 лет лишения свободы **за попытку** измены Родине и освобожден в 1954 году.

В дальнейшем, уже после отбытия наказания, К.С. Юрченко работал в ЦНИИМЭ (по состоянию на май 2025 года организация не функционирует) в должности главного конструктора механизированных комплексов по первичной переработке древесины, где специализировался на усовершенствовании механизмов, использовавшихся в лесообрабатывающей промышленности. Анализ базы изобретений советского периода показал, что он был талантливым инженером. Его разработки и предложения зафиксированы начиная с сентября 1955 года: «Лесоповалочная трелевочно-погрузочная машина» (1955 год) [26], «Замок для соединения много тросовых концов в

общей тросовой линии стягиванием поваленного леса» (1955 год) [\[27\]](#), «Клино-кольцевой канатоведущий шкив» (1956 год) [\[28\]](#).

Как минимум до 1950 года Юрченко Карп Сергеевич числился проживающим по адресу г. Москва, ул. Горького, д. 6, корп. 1, кв. 40 [\[23, л. 273; 24, л. 386\]](#). Последнее зафиксированное место его проживания указано в учетно-послужной карточке – д. Бородино Клинского района Московской области, д. 25. Жена – Барыкина Мария Исаевна (1907 г. р.), сын – Сергей (1944 г. р.).

Приложение 3. Воспоминания о К.С. Юрченко

№1. Воспоминания В.К. Кагана о его пребывании в ОКБ-172 (об ОКБ-172: [\[29, с. 223-227\]](#)) с лета 1946 года до конца 1951 года.

«Вот еще некоторые подробности об отдельных людях. Карп Сергеевич Юрченко – изобретатель-оружейник. Полуграмотный человек, он имел отличную смекалку и хорошие руки. Помню, как он на моих глазах изобрел шариковую гайку, расчет которой я позднее обнаружил не то в английском, не то в американском журнале. На воле у него было конструкторское бюро на московском заводе не то «Калибр», не то «Фрезер», куда даже директор завода не мог заходить. Создано оно было для него по указанию Сталина. Он там сконструировал и сделал опытный образец сверхскорострельного авиационного пулемета калибра 7,62 мм. Пулемет, однако, в серию не пустили: броня самолетов усилилась и потребовался больший калибр. Расстроенный этим, Юрченко, находясь в отпуске на Украине, по наущению односельчанина, с которым вместе выпивал, написал письмо американцам с предложением передать им свой пулемет (ведь союзники!). Односельчанин тут же на него донес. Телеграмму – приказ об аресте подписал Берия. Следствие по делу вел Шварцман, о котором я читал в одной из статей А. Ваксберга... Разумеется, Юрченко сам считал себя грамотным: умел чертить. Рассказывал, что знаменитый Дегтярев делать чертежи не умел» [\[30\]](#).

№2. Воспоминания В. Жука – бывшего сотрудника Центрального научно-исследовательского и проектно-конструкторского института механизации и энергетики лесной промышленности (ЦНИИМЭ).

«Во время войны он [Юрченко] оказался в действующей армии. И писал треугольные письма без марки. Такие армейские письма были приметой времени. Их писала своим родным и друзьям вся армия. Но не все представляли, как тщательно просматривается вся эта масса писем цензорой. В одном из таких треугольных писем жене Юрченко упомянул, где примерно он находится (и, следовательно, его воинская часть). В результате он оказался в ГУЛАГе и в конце концов (ему повезло) – в «шарашке». Из «шарашки» он попал в химкинский институт, где занимался разработкой дробилок – станков для дробления древесных отходов. Этой работе он отдавался с энтузиазмом и увлечением, как некогда конструированию авиапулеметов» [\[31\]](#).

Библиография

1. Тимофеева Р.А., Чумак Р.Н. Формирование системы проектно-конструкторских организаций по разработке стрелково-пушечного вооружения в СССР (1920-е-1930-е годы) // Исторический журнал: научные исследования. 2025. №4. С. 1–19.
2. Рихтер А.А. Логика конструкторского мастерства. М.: ЦНИИ информации, 1974. 56 с.
3. Белов А.Г. От пистолета до гаубицы: Жизнь и деятельность конструктора В.П. Грязева. Тула: Пересвет, 2003.

4. Ширяев Д. Первая кривошипно-шатунная авиапушка ТКБ-513 // Оружие. 2007. №1. С. 46–55.
5. Pap P. A Gebauer-féle motorgéppuska IV.rész // HADITECHNIKA. 2018. №52(6). РР. 49–56.
6. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 6Р. Оп. 1. Д. 603.
7. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 6Р. Оп. 1. Д. 211.
8. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 6Р. Оп. 1. Д. 583.
9. РГВА. Ф. 20. Оп. 24. Д. 341.
10. РГВА. Ф. 20. Оп. 24. Д. 342.
11. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 6Р. Оп. 1. Д. 203.
12. РГАЭ. Ф. 8259. Оп. 2. Д. 5577.
13. РГАЭ. Ф. 8243. Оп. 7. Д. 136.
14. РГАЭ. Ф. 8243. Оп. 7. Д. 229.
15. РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 545.
16. Олег Растренин. «Только большие пушки». Часть 6. Как в BBC КА появились крупнокалиберные автоматы. Мультимедийный документ. 00:55:38 (время воспроизведения) URL: https://vkvideo.ru/playlist/-163055852_73/video-163055852_456240507 (дата обращения: 04.05.2025). Доступно на: Вконтакте: сайт.
17. Белов А.Г. От пистолета до гаубицы: Жизнь и деятельность конструктора В.П. Грязева. Тула: Пересвет, 2003.
18. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 8. Д. 74.
19. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 6Р. Оп. 1. Д. 333.
20. ВИМАИВиВС. Первый исторический фонд. 3242/1.
21. Архив Центрального научно-исследовательского института точного машиностроения (АО «ЦНИИточмаш», концерн «Калашников»). Личное дело А.И. Скворцова.
22. ЦАМО РФ. Учетно-послужная карточка Юрченко К.С.
23. ЦГА Москвы. Ф. Р-3788. Оп. 69. Д. 3026.
24. ЦГА Москвы. Ф. Р-3788. Оп. 69. Д. 3028.
25. Электронный архив фонда Иофе. Ф. 016. Оп. 1. Д. 2. Л. 7 // Электронный архив фонда Иофе [Электронный ресурс]. URL: <https://arch2.iofe.center/person/44290#document-2231> (дата обращения: 10.04.2025).
26. РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 3. Д. 8010.
27. РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 3. Д. 8009.
28. РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 3. Д. 8011.
29. Шевырин С.А. Из истории особого конструкторского бюро №172 // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы X юбилейной всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 27–28 сентября 2011 г.): в 2-х т. Т. 2. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2011. С. 223–227.
30. Электронный архив фонда Иофе. Ф. 02 (Б-1). Оп. 1. Д. 15. Л. 3 // Электронный архив фонда Иофе [Электронный ресурс]. URL: <https://arch2.iofe.center/person/44290#document-2231> (дата обращения: 10.04.2025).
31. Жук В. «Здесь этот номер у вас не пройдет» // [Электронный ресурс]. URL: <http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer12/Zhuk1.php> (дата обращения: 10.04.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Известны слова Александра III о том, что у России есть два союзника: армия и флот. И действительно, тысячелетняя история России насыщена героическими победами, которые стали результатом мужества и доблести русского солдата и успеха русского вооружения. В этой связи вызывает важность изучение истории русского вооружения, что позволяет избежать многих ошибок в настоящем.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является сверхскорострельный пулемет Юрченко. Автор ставит своими задачами проанализировать разработку Юрченко конструктивных схем, обеспечивающих высокий темп стрельбы, а также рассмотреть влияние схемы автоматики Юрченко на проектирование в СССР скорострельных авиационных пушек в послевоенные годы.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать роль

скорострельного пулемета Юрченко в

развитии кривошипно-шатунной автоматики в отечественных разработках вооружения 1930-х-1950-х гг. Научная новизна статьи заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 30 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов Центрального архива Министерства обороны, Российского государственного архива экономики, Центрального государственного архива Москвы и др. Из используемых автором исследований отметим работу Р.А. Тимофеевой и Р.Н. Чумака, в центре внимания которых находились различные аспекты истории стрелково-пушечного вооружения в СССР в 1920-1930-е гг. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей вооружения, в целом, так и скорострельными пулемётами, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "в истории отечественного оружия существует ряд тем и образцов, информация о которых является очень важной в части развития оружейного дела, но требует серьезных исследований". В работе показано, что "среди множества скорострельных авиационных пулеметов, разработанных в СССР в 1930-х-1950-х годах, пулемет Юрченко выделяется тем, что его автоматика была построена по редкой для стрелкового оружия принципиальной схеме – с кривошипно-шатунным механизмом привода затвора". В работе показаны как новые факты биографии Юрченко, так и факты разработки скорострельных пулемётов в СССР в 1930-е гг.

Главным выводом статьи является то, что

"общая идея автоматики пулемета Юрченко послужила основой для главных компоновочных решений нескольких разновидностей скорострельных автоматических пушек конструкции Б.Г. Шпитального, В.П. Грязева и А.Г. Шипунова".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Рагимханов А.В., Александрова Е.А. Владимирский герб: взгляд в ретроспективу // Genesis: исторические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.7.70747 EDN: KHYHCA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70747

Владimirский герб: взгляд в ретроспективу

Рагимханов Алексей Валентинович

бакалавр; кафедра ДИИР; Владимирский Государственный Университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

600000, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Горького, 87

✉ welci@mail.ru

Александрова Елена Александровна

ассистент; кафедра ДИИР; Владимирский Государственный Университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

600022, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Завадского, 9А, кв. 42

✉ aleksa-aea@yandex.ru

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.7.70747

EDN:

KHYHCA

Дата направления статьи в редакцию:

15-05-2024

Аннотация: Объектом исследования является вопрос происхождения современного герба города Владимира, сыгравшего одну из ключевых ролей в становлении города Москвы, как политического, культурного и национального центра России. Подобный вопрос поднимался за последнее столетие в науке неоднократно, однако, основной посыл практически не изменился за прошедшее время, и определяет владимирский герб, как наследную эмблему местной ветви Юрьевичей, с опорой на изобилие львиной символики на стенах владимиро-суздальских соборов. При всём этом, не учитывается ограниченность в XII-XIII в. геральдики и гербовой системы странами, вовлечёнными в орбиту католической церкви и не принимается во внимание существование у князей

домонгольской Руси. Методология исследования Владимирского герба включает в себя изучение его происхождения, символики. Метод основан на историческом подходе, изучении и анализе работ учёных. Изучения белокаменного зодчества, церковного убранства и княжеских знаков Владимира-Сузdalской земли XII-XIII в.в. Произведён анализ геральдических источников, таких как сочинение «Титулярник» 1672 года. Научная новизна заключается в подходе и собрании воедино вседоступной информации по данному вопросу. Герб выражает конкретные качества львиного леопарда и является носителем некой идеи, стремлением, «ретроспективным отпечатком» будущей культурно-политической столицы, Москвы. Основным выводом проведённого исследования является – отдельная знаковая система маркирования собственности и документации. Таким образом, исследования официального герба города Владимира не позволяют проследить его бытование ранее второй половины XVII века. Полностью игнорируется огромный временной разрыв между годами постройки владимиро-суздальских соборов и моментом первого появления львиного леопарда на эмблеме города Владимира. Ввиду большой значимости данного центра для истории России, современность требует нового осмыслиения факта происхождения владимирского герба с более широким взглядом на исследуемый вопрос.

Ключевые слова:

Геральдика, Герб Владимира, Львиный леопард, Княжеские знаки, Владимиро-суздальская архитектура, Титулярник, Франц Санти, Ездец, Рельеф, Щит

Одним из важных составляющих исторической науки в той её части, которая напрямую связана с изобразительным искусством в частной и общественной жизни, является изучение знаковых систем прошлого. Исследование символов, маркирующих тот или иной объект или феномен, позволяет лучше понять причинно-следственный ряд, дать более точную характеристику явлению, проследить его культурные, политические и экономические связи.

При этом необходимо отметить, что зарождение и развитие знаковых систем в различные эпохи и на различных территориях проходило так же неодинаково, что не позволяет подвести данные процессы под общий временной знаменатель.

Русь, как одна из основных стран, формировавших мировую историю, так же прошла через последовательность стадий формирования своей индивидуальной знаковой системы, прежде чем вошла в классический для западноевропейской цивилизации геральдический круг. Оставляя за рамками данного исследования общегосударственную символику, имеет смысл обратиться к частному случаю формирования ныне существующего герба города, сыгравшего одну из ключевых ролей в становлении Москвы, как политического, культурного и национального центра России. Этим городом является Владимир, расположенный в 200 км восточнее нынешней столицы и некогда давший ей династию потомков князя Всеволода Юрьевича, главную святыню – Владимирскую икону Божией Матери – и культурно-политический код, на века, определившие опорные точки в процессе сложения великороссийской державности.

Если обратиться к официальным муниципальным документам [\[27\]](#), то нынешний герб Владимира выглядит, как «в красном поле стоящий на задних лапах лев, имеющий на голове железную корону. Лев держит в передней правой лапе длинный серебряный крест», что в свою очередь согласно решению местного горсовета [\[36\]](#), является

памятником «истории и культуры, имеющий древние исторические корни. Еще в XII веке изображение леопардного зверя было родовым знаком владимирских князей, атрибутом сильной власти, способной превозмочь феодальное дробление Руси».

Принимая во внимание, что само значение термина герб восходит к немецкому *erbe* — «наследство», имеет смысл рассмотреть, насколько нынешний символ города отражает заявленные в официальных документах «древние исторические корни» и вообще может быть соотнесён с многовековой историей Владимира и его ведущей в прошлом ролью в формировании основ великороссийской государственности.

Так как рассматриваемый город основан на рубеже XI-XII столетий^[6], то разумно учесть, что Средние века являются эпохой, в которой люди твёрдо ассоциируют верховную власть не с основным законом (*constitutio*) и не с выборными органами управления, а с отдельной семьёй, чьи представители облечены данным качеством. В силу некоего стартового договора между её родоначальником и представителями вверяемых в её попечение общин^[123, С.19]. Таким образом, государство в данную эпоху не будет исключительно механизмом юридическим, а скорее системой соподчинений, определяющим местом в которых становится родовое, а через это и социальное, происхождение того или иного субъекта.

Вступая во взрослую жизнь, цивилизованный человек, а именно таким было европейское, в том числе русское средневековье, неизбежно вступает в имущественные и прочие взаимоотношения с окружающими, что подчас требует внешнего подтверждения документации (договора, завещания и т.д.), либо маркирования собственности (земля, недвижимость, скот и т.д.). Таким образом, в случае Руси, получается, что высшей наглядной визой на манускрипте политического или экономического характера являлся знак (древнерусское «пятнь») того или иного князя.

Данная символика хорошо рассмотрена в соответствующей литературе (В.Л.Янин, П.Г.Гайдуков, С.М.Михеев), и не может быть отнесена к классической гербовой системе, которую изучает наука геральдики, по двум основным причинам. Во-первых, все княжеские знаки являлись своеобразной личной подписью того или иного представителя династии и их юридическая сила завершалась со смертью владельца, таким образом, отец не передавал свой «пятнь» сыну, что само по себе противоречит значению термина герб, как некоего наследного символа. Во-вторых, отношение волостя и города на Руси регулировалось «рядом», т.е. договором между ними и в случае нарушения его условий первый мог быть смешён с занимаемой должности, следовательно, личный знак правителя тем более не мог стать маркировкой последнего, ведь случаев изгнания князей русское летописание знает великое множество. Отсюда можно сделать логичный вывод, что герб Владимира, даже если бы он существовал с момента основания города и в первые полтора столетия его истории, изначально не мог нести династическую эмблематику, ввиду принципиального отсутствия таковой в устойчивом виде и, кроме того, частой сменяемости князей на местом троне.

Оставляя за рамками данного исследования вопрос, что же было символом Владимира в его первые века бытования, имеет смысл обратиться к критике взглядов учёных, в чьих трудах именно львиный образ утверждается, как семейный маркёр местной ветви Рюриковичей.

Первые научное заявление подобного рода сделал ещё до революции профессор А.И.Соболевский, назвавший без всякой аргументации льва «родовым знаком суздальско-ростовских князей»^[33, С.60-61], свою догадку учёный вывел из изучения

декора предметов церковного назначения. Ему вторил А.И Некрасов, так же относивший этот образ к местной династии в геральдическом смысле [19, С.29-30]. В данном случае автор сделал подобный вывод после изучения резного убранства XII-XIII в.в. местных белокаменных соборов, которые в изобилии украшены декоративными изображениями представителей рода Panthera. Развивая свою мысль, А.И.Некрасов в работе 1928 года уже напрямую называет льва – гербовым символом суздальских князей, делая основной упор на рельеф великомученика Георгия Победоносца 30-х годов XIII века с Георгиевского собора города Юрьев-Польского. Где действительно на щите святого размещена фигура хищного зверя, а так же на миниатюре Фёдоровского Евангелия XIV века с подобной иконографией великомученика Фёдора Стратилата [20, С.406-409].

Современник исследователя С.Фраткин видит в упоминаемом животном не льва, а, скорее, дракона, связывая его с житием великомученика Георгия Победоносца [37, С.94] и называя изображение гербом, впрочем, без отсылки к чему бы то ни было. При этом нужно отметить, что зверь на рельефе может быть опознан и как волк, образ которого сопряжён с данным святым в народных представлениях восточных славян [35], сопряжённых с византийскими культурными веяниями [10, С.121]. С учётом обилия мифических существ в резьбе домонгольских белокаменных соборов Ростово-Сузdalской земли, такое толкование представляется вполне допустимым.

Следом своё мнение, согласное с предыдущими исследователями, выразил академик А.В.Арциховский [3, С. 33-34], так же использовавший термин герб и относивший львиную символику к князю Юрию Долгорукому, как родоначальнику суздальской династии. Своё мнение учёный обосновывал одной единственной миниатюрой из Радзивилловской летописи конца XV века, лишённой всякой персональной конкретики. Впрочем, тот же геральдический посыл можно найти в работе О.И. Подобедовой [22, С.78], которая, тем не менее, считает, что крайний левый воин на иллюстрации и зверь с поджатым хвостом являются плодом труда другого мастера, как дополнение к уже существовавшему сюжету. Поддерживает взгляд А.В.Арциховского и академик Б.А.Рыбаков [27, С.186-187], но никаких собственных обоснований к этому не подводит. Следом за вышеупомянутыми авторами подобное мнение имеется в работах исследователей древнерусского культурного наследия. Таких как Г.К.Вагнера (с оговорками) [7, С.254-256], Н.Н.Воронина [8, С.296] [9, С.89], Н.А.Соболовой [32, С.16], К.А.Аверьянова [1, С.107] [2, С.141], А.Г.Силаева [30, С.56-58] и некоторых иных.

Сомнение в происхождении современного владимирского герба от неких домонгольских родовых знаков, особенно с изображением льва, высказаны Н.П.Лихачёвым [16, С.279], Г.И.Королёвым [13, С.60-67], Е.В.Пчеловым [24, С.64] и рядом других исследователей.

При этом, главным источником образа льва, как символа местной династии, для прежде упомянутых учёных являлись его изображения либо на религиозных постройках, либо на церковных предметах (утварь, двери, книжная миниатюра и т.д.), что само по себе должно в первую очередь истолковываться в рамках христианской семиотики, а уже после как-то иначе.

Действительно, резные образы на белокаменных соборах Владимира-Сузdalской земли выстроены в удивительно логичный и ясный с точки зрения церковного вероучения ряд, где каждая фигура занимает своё место и играет свою повествовательную роль [25]. Можно предположить размещение в этом ряду современного зрителю земного

правителя, как легата Царя Небесного, несущего ответственность за вверенный ему народ, согласно христианской концепции, «ибо нет власти не от Бога» [\[5, С.1240\]](#). Но уместно ли размещение сотен эмблем собственной семьи на нескольких белокаменных постройках, вся хронология которых укладывается в три поколения? По крайней мере, в средневековой изобразительной культуре подобных примеров не наблюдается нигде, нет их и на Руси.

Следует отметить, что и львы в резьбе владимиро-суздальских соборов и на произведениях прикладного искусства все разные: позы, сюжеты, вплоть до того, что некоторые из них контекстно отображают противоположность божественному началу, проецируют не святое, а дьявольское [\[10, С.128-130\]](#) [\[11, С.78-82\]](#). Наиболее же популярный в качестве наличного аргумента у упоминаемых выше исследователей камень с Георгиевского собора с резной иконой великомученика Георгия Победоносца, держащего в руке щит с неким диким зверем, хорошо соотносится с текстом церковной службы святому, где одна из метафор сравнивает его напрямую со львом: «*Твердым мудрованием уповав, самохотне дерзнул еси, якоже лев, славне, к страданию*».

Изображение хищного зверя на щите из сравнительно позднего времени по отношению к рассматриваемому памятнику Фёдоровского Евангелия имеет на Руси не единичный характер. Оно находит прямые аналогии в зарубежном средневековом искусстве, и так же может быть отнесено к символизму христианской иконы, чем к некоему гипотетическому общему гербу потомков владимирских Юрьевичей. Кроме того, как в случае с рельефом из Юрьев-Польского, зверь на книжной миниатюре не может быть однозначно опознан именно как лев.

Иными словами, имеется тенденция видеть геральдику и гербы в любом сколь бы то ни было подходящем образе, при этом не учитывается, что средневековая знаковая система развивалась не только в юридическом, сколько в богословском ключе и прежде чем осмыслять первое, необходимо исключить второе. Выяснить, с чем имеется дело: с явлением светским или религиозным. Что при условии полисемантичности отдельных символов не всегда аргументировано удаётся.

По какой-то причине перечисленные исследователи упускают и размещение упоминаемого выше личного княжеского знака на местных постройках. Два таких символа описывает профессор Воронин в своей фундаментальной монографии [\[8, С.258, 323-325\]](#), ещё один личный «пятнъ» князя Юрия Долгорукого сохранился на тёсаном известняковом камне из Суздаля (ныне в собрании ГВСМЗ), а во владимирском Успенском соборе такой рисунок имеется на домонгольской стенописи и требует дополнительного исследования. Присутствует он, при условии точной репликации в XVI веке, на иконе великомученика Димитрия Солунского из собора города Дмитрова (ныне в собрании ГТГ) [\[29, С.235-236\]](#). Интересна и пострадавшая в годы ВОВ фресковая роспись из церкви Спаса на Нередице конца XII столетия, где князь Ярослав Владимирович подносит Христу храм, маркированный тем же самым образом. Пусть она и не относится к рассматриваемому историческому региону, но тут сам важен принцип размещения подобных эмблем на постройках.

Получается, что на церковных сооружениях и убранстве Сузdalской земли и так присутствовали личные княжеские символы, некоторые из которых дошли до современности. Надо отметить, что эти же знаки присутствуют на свинцовых печатях (моливдовулах) представителей местной ветви династии Рюриковичей, часто в паре с патрональными святыми. То есть на тех предметах, которыми скреплялись документы, в

том числе государственные. Примечательно полное отсутствие во всём домонгольском сфрагистическом материале образа льва, то есть там, где он должен быть обязательно, как родовой юридический знак, его как раз и нет.

Итак, гипотетический символ рода суздальских Юрьевичей, который мог, по мнению упоминаемых выше исследователей, стать прототипом нынешнего герба города Владимира, таковым по ряду объективных причин не стал. А если и имеет смысл рассматривать какую-то общую для упоминаемой семьи эмблему, то таковой предположительно является так называемый «ездец» - изображение всадника в различных вариациях (с нимбом или без, с копьём или саблей, повержающего змея и т.п.). Однако впервые изображение всадника (ездцеца) можно увидеть только во второй трети XIII века на моливдовулах князя Александра Невского. И в дальнейшем его использование будет спорадическим, вплоть до окончательного утверждения *de facto* его в качестве государственной символики при последнем представителе старшей ветви рода суздальских Юрьевичей на троне – царе Фёдоре Ивановиче в конце XVI столетия.

Прежде чем обратиться к вопросу формирования нынешнего герба города Владимира, имеет смысл кратко рассмотреть вопрос зарождения гербовой системы как таковой. Французский архивист и палеограф Мишель Пастуро высказывает мнение о появлении особых знаков отличия, которые в дальнейшем легли в основу геральдики, в ходе массовых инициированных Римской католической церковью Крестовых походов. Необходимость в «узнавании» своих в первую очередь на поле боя, заставляла участников, лиц благородного происхождения, наносить на свои доспехи различные изображения. В начале I Крестового похода (1096 г.) никакой гербовой системы в Западной Европе ещё не существовало, а ко II Крестовому походу (1147 г.) она уже сложилась, как общераспространённое явление со своими установившимися правилами [\[12, С.228-229\]](#) [\[21, С.16-17\]](#) [\[39, С.138\]](#). Так как рисунки покрывали воинское снаряжение, в первую очередь щиты, то и их хартийные изображения помещались в соответствующий контур. Обычным делом было украшение шлема, т.е. головного убора, который так же становится частым атрибутом геральдического дизайна. Временами присутствует боевой пояс, на котором традиционно надписывали девиз (т.е. индивидуальный боевой клич). На рубеже XII-XIII веков широко распространявшиеся по Западной и Южной Европе эмблемы становятся наследными, собственно гербами, появляются первые гербовники. Тогда же геральдика выходит за рамки сословия синьоров, затрагивая духовенство и, что важно для данного исследования, города [\[38, С.215\]](#).

Таким образом, формирование гербовой системы символов пришлось, главным образом на XII столетие и было связано с насущной необходимостью распознавания «свой/чужой» [\[12, С.238\]](#) в процессе массовых военных мероприятий, проводившихся на значительном удалении от традиционных мест проживания западноевропейской католической аристократии.

Другим важным аспектом для появления геральдики являлся сам контекст эпохи, а именно всеобщая вовлечённость всех сословий Европы в рамки христианского вероучения, постулирующего восхождение к всемогущему небесному Прообразу через образ (*imago, εἴκων*) вполне себе земной и материальный. При всём том Запад шёл своим интеллектуальным путём, отличным от мистического пути христианского Востока, всё более приближаясь к рационально-умственному постижению божественного откровения к тому, что будет в дальнейшем расхоже названо схоластикой. Это подвигало католическую церковь к главенству юридических норм, к торжеству написанного документа, что в светском контексте неизбежно толкало к совершенствованию его

подлинности, к развитию визирования, через это к созданию сложной системы знаков и образов, принадлежащих конкретным субъектам права [\[4, С.46-47\]](#)

Разумно предположить, что данная система выросла не на пустом месте, что ей предшествовал определённый символический ряд, маркирующий в первую очередь тех или иных представителей служилой аристократии, а именно сословия рейтеров, шевалье, кабальеро и прочих. Начиная с каролингской эпохи VIII-IX в.в. сословия образовывались в пирамиду, которые позже назывались историками феодальной. Жалуемые за службу земли (лены, феоды) были подчас наследными и требовали соответствующей документации, которая в свою очередь требовала ясного семейственного обозначения. По мере усложнения феодальных отношений (в наиболее классическом виде сложившихся как раз на землях Каролингов), усложнялась и система эмблем, а Крестовые походы выступили в данном случае в роли ускорителя процесса сложения будущей науки геральдики [\[15, С.15\]](#).

Общеизвестно, что православная Русь в Крестовых походах не участвовала, а так называемые княжеские усобицы фактически не имели значительного размаха, который бы требовал особой системы внешнего маркирования персоналий с целью распознавания. Тем более, не было необходимости в частных родовых знаках, что происходило из самой системы управления, когда высшая власть равно принадлежала всем представителям мужского пола одного клана, возводившего своё происхождение к киевскому князю Владимиру Святославичу, и только вопрос чередования наследников играл хоть сколько-то существенную роль. Одновременно, русская церковь, будучи православной, не была вовлечена и в схоластическую модель богословия, так сильно повлиявшую на развитие юридической науки на христианском Западе.

Эти три отличия и не позволили Руси с её распространёнными частновладельческими эмблемами сразу же войти в общую для католического мира геральдическую систему, а дальнейшему её заимствованию в готовом виде помешали нашествие Батыевой орды (1238-1242 годы). Ориентированная после этого трагического контакта со степью сугубо на православную культуру политика первых зависимых князей.

На протяжении сер.XIII –XVII в.в. в качестве опознавательных символов династии использовалась совершенно различные образы, среди которых присутствует и лев (печати князей Василия Тёмного и Ивана Великого). Однако никакой длительной наследственной традиции в их использовании не наблюдается. При всём том, первой действительно устойчивой политической эмблемой на Руси, ставшей впоследствии первым гербом страны, является двуглавый орёл (с последней четверти XV столетия). Следует упомянуть, что он имеется на южной входной паре собора Рождества Богородицы города Суздаля на рубеже XII-XIII в.в., никогда не рассматривался исследователями, как некий ранний «прототип» или «прообраз» будущей государственной символики.

Важно и то, что в XV-XVI веках в России появляются и первые условные городские эмблемы, связываемые с землями, центры которых они обозначают. Их можно увидеть на печати царя Ивана Грозного и, одновременно, отметить, что с гербовой символикой тех же мест, появившейся значительно позднее, они не всегда соотносятся, а чаще всего не соотносятся вовсе. Так же следует отметить, что гипотетического предка «владимирского герба», тем более с львиным леопардом, среди этих символов нет.

Впервые как маркёр Владимира данный образ появляется без всякой ретроспективной привязки в сравнительно позднем произведении средневекового книжного искусства

«Титулярнике» 1672 года [26, С.56] [24, С.64], созданном в самом конце правления царя Алексея Михайловича. При этом эмблема отражает не собственно город, а его место в политическом титуле в ряду иных владений московского государя. Несмотря на то, что строгой геральдической системы в изображениях ещё не прослеживается (например, двуглавый орёл обозначает лишь первенствующий титул «московский»), заметно изобилие гербов иностранных государств и политиков, с которыми, так или иначе, взаимодействовал российский монарх. Отдельно нужно отметить, что именно последние и называются в первом издании «Титулярника» гербами, а то, что касается Руси, именуется печатями. Впрочем, лишь в отдельных случаях, так как большая часть символических изображений отмечена лишь названием территории. В дальнейшем понятия герб и печать становятся синонимами.

Таким образом, упомянутое сочинение 1672 года не даёт сведений о происхождении современного владимирского герба, а лишь констатирует факт присутствия львиного леопарда в маркировании города Владимира и, очевидно, его окрестностей касательно царского титула. Полное отсутствие визированием данным символом рабочей документации XVII - начала XVIII в.в. делает сомнительным практическое применение подобного изображения в указанную эпоху. Кроме того, касательно «Титулярника», до сих пор не проведена работа по формально-геральдическому изучению российских территориальных эмблем, размещённых в нём, не определены их источники, не сделаны общие выводы по принципам формирования наглядного материала [18].

Следует признать, что отдельные факты проникновения гербов и геральдических правил в символику Русского государства бывали на протяжении XV-XVII веков. Например, это резные изображения на углах Боровицкой воротной башни Московского кремля конца XV столетия. Эмблемы отдельных территорий размещены на конских щитах-налобниках, обрамляемых лентами ремней. «Печать магистра лифляндского» - эталонный западноевропейский герб - имеется на большой печати Ивана Грозного 1573 года [31, С.161, 164]. А в упомянутом «Титулярнике» образ всадника с копьём на двуглавом орле вписан в обрамление боевого щита [26, С.69]. Однако все эти спорадические заимствования не были в полной мере усвоены русской культурой допетровской эпохи и не составили какой-либо внятной системы.

При всём том, ближайшей к Москве страной, которая активно применяла наработки геральдики, была Речь Посполитая. Оставляя за рамками данного труда вопрос об участии польской аристократии в создании самого явления, нужно отметить, что именно эта страта тамошнего общества была буфером между тогдашней российской элитой и западноевропейской культурой в целом.

Особенно активно заимствования через Речь Посполитую шли в XVII столетии, его второй половине, что во многом было связано с возвращением земель, прежде отторгнутых от Руси и длительно находившихся в составе польско-литовского государства (Переяславская рада 1654 г., Русско-польская война 1654-1667 г.г.). Вместе с территориями и простолюдинами в подданство русского царя попало значительное количество прочно усвоившей европейские католические культурные ценности малороссийской шляхты, что, разумеется, не могло не повлиять на позитивные настроения уже русского дворянства в сторону этих ценностей [32, С.33]. Неудивительно, что и вдохновителем создания «Титулярника» 1672 года был близкий боярин, глава Малороссийского и Посольского приказов Артамон Сергеевич Матвеев (1625-1682) – один из первых убеждённых российских «западников» [40, С.22-23].

Итак, за оговариваемым выше отсутствием в местном материале ясного прототипа нынешнего владимирского герба, имеет смысл обратиться к вероятности заимствования его из геральдики Речи Посполитой, как наиболее близкой в культурном отношении к России в момент составления «Титулярика». То есть в момент первого появления львиного леопарда в истории, как условного маркёра города Владимира.

Одной из причин войн с Речью Посполитой было желание московского царя вернуть в орбиту восточно-христианского русского мира прежде православные земли, захваченные в прошлом иноплеменниками и иноверцами. Таковыми в первую очередь являлись территории западной и юго-западной части Древней Руси, оккупированные в разные времена литовскими и польскими агрессорами. Так же подвергнутые после Люблинской унии 1569 года и Брестской унии 1596 года полонизации и окатоличиванию. Так как данные земли были включены в административную систему Речи Посполитой, то имели и свой герб в виде щита со стоящим на задних лапах львиным леопардом [41]. Немецкий же гербовник конца XV в. относит эту эмблему к Малой России в составе Польши по статусу наравне с двумя иными, относящимися к данному государству – собственно польским белым орлом и литовской «погоней» [42].

При всей условности данного построения, именно притязания московских правителей на прежде русские земли должны были так иначе быть мотиваторами создания некой символической системы, ясно связывающей историю северо-восточной и юго-западной Руси. «Титулярик» 1672 года ведёт начало русской государственности от Рюрика, через киевского князя Владимира Святого, а далее потомков владимирских Юрьевичей к царю Фёдору Алексеевичу. Смена династии автора не смущает, важна суть самой власти – религиозное и политическое преемство, которое распространяется и на территории «дедов и отцов». То есть на заграничные к тому времени земли, собирание которых начал ещё титулярно владимирский князь Иван III Васильевич, чья объединительная идея, очевидно, нашла отражение и в современных ей письменных документах [17, С.300-301].

Сам же город Владимир, основанный Крестителем Руси – предтеча и зачинатель культурного кода будущего царства на Москве. Что активно вносили в летописи московские книжники XV-XVI в.в., создававшие первый общерусский свод, и что не соответствует исторической действительности [6] [8, С.39], как нельзя лучше олицетворял это преемство. В этом можно увидеть причину, почему современный «Титулярик» 1672 года герб Малой Руси в составе Речи Посполитой внезапно становится прототипом будущего герба города на Клязьме. С одной только деталью, что львиный леопард несёт в лапах крест, что и неудивительно при тогдашнем антагонизме христианских церквей востока и запада, каждая из которых считала себя единственной истинной и подкрепляла это мнение суровыми репрессиями.

Но «Титулярик» скорее иллюминированный политический буклет для пользования в высших эшелонах власти тогдашней России. Его незначительная изученность, о чём упоминалось выше, не позволяет современной науке сделать выводы о практическом применении большей части присутствующих в нём местных эмблем, в том числе и владимирской.

Таким образом, бытование владимирского герба, равно как и в целом геральдики в России сомнительно. По крайней мере, вплоть до петровской эпохи, а именно до создания при Сенате Герольдмейстерской конторы в 1722 году и участия в её работе приглашённого из Италии «для отправления геральдического художества» специалиста

в данной области - Франца Санти (Francesco Santi).

В первую очередь был начат сбор фактического материала, в провинции государства делались запросы о наличии гербов, а также о природных и исторических особенностях того или иного города или региона [32, С.52]. Уже само это наталкивает на мысль, что геральдическая система в России фактически создавалась «с нуля», и если для общегосударственной символики имелись более-менее устойчивые прототипы (в том числе позаимствованные из «Титулярника» 1672 года), то для большинства территориальных единиц гербы в прямом смысле слова приходилось выдумывать. При этом даже те эмблемы, что уже как полвека использовались русскими монархами в оформлении дворцов, знамён и прочих зримых атрибутов государственной власти, подчас не были известны в городах, которые олицетворяли, а, следовательно, не несли никакой юридической нагрузки дальше царского титула. Из Владимира в Герольдмейстерскую контору пришёл такой же ответ, как и из ряда других регионов, что ни о каком гербе местное начальство не знает.

Итак, Ф.М.Санти по пожеланию Петра Первого положил начало широкому распространению геральдики в России, по большей части сочиняя гербы городов ввиду их природных и исторических обстоятельств. Символика становилась обязательной и входила в провинциальный документооборот, сближая в этом смысле Русь и Западную Европу. Гербы получила и высшая знать.

Работа первого российского «геральдического художника» неизбежно производилась под влиянием воспоминаний о его родине Италии. Достаточно сравнить гербы городов Святого апостола Петра на Тибре и на Неве, чтобы отметить их структурную схожесть – формирование эмблемы второго находится под прямым влиянием первого. По всей видимости, не избежал некой «редакции» и герб Владимира. По крайней мере, старейшее его изображение XVIII века в «Реестре имеющихся в Военной коллегии рисунков гербов» 1728 года среди тех, что «рисовал Сантий» [34, С.115,197] предстаёт отличным от помещённого в «Титулярнике» 1672 года. Лев, размещённый на красном поле, шествует влево, а его голова повёрнута на зрителя, что вызывает ассоциации с историческим гербом Венеции.

Окончательное сложение современной официальной эмблемы города Владимира относится к эпохе императрицы Екатерины II и связано с проведением реформы местного самоуправления. В 1781 года вместе с прочими городскими гербами Владимирского наместничества она окончательно утвердила и юридический символ административного центра. А с 1785 года «Городское положение» предписывает «оный герб употреблять во всех городовых делах». По форме и виду это был: «В красном поле стоящий на задних лапах лев, имеющий на голове железную корону, держит в передней правой лапе длинный серебряный крест». Впрочем, как это убедительно показал Г.И. Королёв [14], упоминание «железной короны» не более чем канцелярская оплошность, так как в самых ранних описаниях XVII-XVIII веков она указана золотой.

Таким образом, ретроспективное исследование современной официальной символики Владимира, а именно его герба, утверждённого в документах органов местного самоуправления, как маркёр города, не позволяет проследить его бытование de facto ранее второй половины XVII столетия. В юридическом же отношении его окончательное «закрепление» в местной документации происходит только в 1785 году.

Как было показано выше, обстоятельства и условия бытования древнерусского общества в XII-XVII веках не предполагали наличия развёрнутой геральдической системы, и её

появление в определённую эпоху в России связано как с насущными требованиями государственной жизни, так и с волей царя-реформатора.

Герб, будучи с одной стороны выразителем конкретных качеств обозначаемого им субъекта, тем не менее, является и перманентным носителем некоей идеи, стремления, «ретроспективным отпечатком». Именно поэтому, как было показано выше, в определённую эпоху городу Владимиру, как культурно-политическому предшественнику Москвы, был усвоен характерный и своевременный символ-носитель идеи созиания бывших русских земель вокруг усиливающейся православной столицы.

Библиография

1. Аверьянов К.А. Из предыстории московской геральдики. Кто изображен на гербе Владимира? // История Московского края : проблемы, исследования, новые материалы. материалы научно-практических конференций, посвящённых 400-летию завершения Смуты в России. 2019. С. 100-110.
2. Аверьянов К.А. К вопросу о времени возникновения гербов в России // Музей. Памятник. Наследие, 1(7) / 2020. С. 11.
3. Арциховский А.В. Древнерусская миниатюра как исторический источник. – М., 1944. С. 352.
4. Бедос-Резак Б.М. Средневековая идентичность: знак и понятие [пер. с англ. Д.В. Байдужа] // Signum. Альманах Центра гербоведческих и генеалогических исследований ИВИ РАН. М., 2010. Вып. 5. С. 19-93.
5. Библия: книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1988. С. 1376.
6. Бунин А.И. О времени основания города Владимира на Клязьме. // Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. – М., 1898. № 5-6. С. 179-189.
7. Вагнер Г.К. К вопросу о владимиро-суздальской эмблеме// Историко-археологический сборник: А.В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной, педагогической и общественной деятельности. – М., 1962. С. 254-264.
8. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. В двух томах: Т. 1. XII столетие. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 584.
9. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. В двух томах: Т. 2. XIII–XV столетия. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 560.
10. Гладкая М.С. Каталог белокаменной резьбы Дмитриевского собора во Владимире: барабан, резьба четверика (регистр прясел над аркатурой) / М.С. Гладкая. – Владимир: Владимирская областная научная библиотека, 2019. С. 872.
11. Гладкая М.С. Символика и иконография изображений белокаменной резьбы Дмитриевского собора во Владимире: (композиции, сюжеты, отдельные образы и мотивы) / Гладкая М.С. – Владимир: Владимирская областная научная библиотека, 2019. С. 872.
12. Кин М. Рыцарство. М.: Научный мир, 2000 (англ. – 1984). С. 520.
13. Королёв Г.И. К вопросу о происхождении владимирского герба // Гербовед, № 95 – М., 2007. С. 60-67.
14. Королёв Г.И. О металле короны владимирского гербового льва // Гербовед, № 43 – М., 2000. С. 160.
15. Левандовский А.П. В мире геральдики / А.П. Левандовский. – М.: Вече, 2008. С. 226.
16. Лихачев, Н. П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. Л., 1929. С. 279.
17. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. – М.: «Наука», 1969. С. 556.
18. Наумов О.Н. «Титулярник» 1672 г. как памятник геральдики: проблемы изучения. // Румянцевские чтения: материалы научно-практик. конф. «Память России в книжной

- культуре». – М., 2001. С. 216-219.
19. Некрасов А.М. Из сузальско-владимирских впечатлений // Среди коллекционеров. 1924. № 3-4. С. 76.
20. Некрасов А. О гербе сузальских князей// Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академией наук по почину его учеников под ред. акад. В.Н. Перетца. – Л., 1928. С. 406-409.
21. Пастуро М. Геральдика / пер. с фр. А. Кавтаскина. – М.: Астрель: АСТ, 2003. С. 142.
22. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. – М.: Наука, 1965. С. 334.
23. ПСРЛ. Т.1. Лаврентьевская летопись. Вып.1: Повесть временных лет. Изд. 2-е. - Л.: Издательство АН СССР, 1926. С. 286.
24. Пчелов Е.В. Бестиарий Московского царства. Животные в эмблематике Московской Руси конца XV-XVII века. – М.: Старая Басманская, 2011. С. 204.
25. Рагимханов А.В. Дмитриевский собор, как каменная икона Небесного Иерусалима. // Развитие региональной художественной культуры: традиции, опыт, инновации [Электронный ресурс] : материалы всерос. науч.-практ. конф. Влади-мир, 31 мая 2023 г. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых; Пед. ин-т, Каф. дизайна, изобр. искусства и реставрации. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. С. 292.
26. РГАДА – Царский титулярник, 1672 (с водяными знаками архива) / РГАДА. Ф. 135. Древлехранилище. Отд. V Рубр. III. № 7. Л. 1-24;. С. 212.
27. Решение Владимирского городского Совета народных депутатов от 17.03.1992 N 50/7 "О гербе города Владимира". The Internet Archive: сайт. URL: <http://www.cfo.info.com/okrug3e/rajonvu/read7wdrqzn.htm> (дата обращения: 01.05.2024)
28. Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. Поиск автора "Слова о полку Игореве". – М.:Молодая гвардия, 1991. С. 288.
29. Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв. // «Советская археология», № 6, 1940. С. 227-257.
30. Силаев А. Г. Истоки русской геральдики. А. Г. Силаев. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. С. 238.
31. Соболева Н.А. Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. – М.: Языки славянских культур; Знак, 2006. С. 487.
32. Соболева Н.А. Старинные гербы российских городов. – М.: «Наука», 1985. С. 176.
33. Соболевский А. Медные врата// Русская икона. Сб. I. – СПб., 1914. С. 93.
34. Татарников К. В. Знамёна и гербы полков Российской армии царствований Екатерины I и Петра II (1725–1730) // История военного дела: исследования и источники. – 2012. – Т. I. С. 51-215.
35. Топорков А.Л. Сюжет о Егории Храбром – волчьем пастьре в славянском фольклоре и русской литературе первой трети XX в. // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Минск, 20-27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 529-557.
36. Устав муниципального образования города Владимира. Официальный сайт органов местного самоуправления города Владимира: сайт. URL: https://vladimir-city.ru/upload/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_10.2023.pdf (дата обращения: 01.05.2024)
37. Фраткин С. Рельефное изображение св. Георгия на портале Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском // Светильник. 1915. № 9-12. С. 11-12.
38. Черных А.П. Геральдика в средневековом городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М.: Наука, 2000. С. 214-222.

39. Черных А.П. Появление гербов как проблема гербоведения и истории XII века.// Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 74 (3-4). Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Наука. 2013. С. 124-149.
40. Щепотьев Л. Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев как культурный политический деятель XVII века. – СПб.: 1906. С. 151.
41. Großes Wappenbuch, enthaltend die Wappen der deutschen Kaiser, der europäischen Königs- und Fürstenhäuser, der Päpste und Kardinäle, Bischöfe und Äbte bis zu den lebenden Repräsentanten zur Zeit der Regentschaft Kaiser Rudolfs II. und Papst Gregors XIII. – BSB Cod.icon. 333. Bayerische Staatsbibliothek: сайт. URL: <https://bildsuche.digitale-sammlungen.de/index.html?c=viewer&bandnummer=bsb00002481&pimage=28> (дата обращения: 01.05.2024)
42. Das Wappenbuch Conrads von Grünenberg, Ritters und Bürgers zu Constanz – BSB Cgm 145. Bayerische Staatsbibliothek: сайт. URL: <https://bildsuche.digitale-sammlungen.de/index.html?c=viewer&bandnummer=bsb00035320&pimage=00051&einzelsegment=&v=100&l=ru> (дата обращения: 01.05.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня в условиях поэтапного усиления геополитического влияния России в нашем обществе наметился устойчивый интерес к родному прошлому. Строго говоря на переломных этапах всегда наблюдается возрастание интереса к истории: чего стоит только эпоха Перестройки, когда в условиях гласности началось обсуждение ранее запретных тем. Но, к сожалению, в условиях конца 1980-х - начала 1990-х гг. произошло насыщение рынка именно псевдоисторической литературой, а нередко и прямой фальсификацией. Именно поэтому в наше время так важно подлинно научное изучение отечественной истории, в том числе геральдической символики.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является герб города Владимир. Автор ставит своими задачами рассмотреть обсуждение природы владимирской символики, а также определить ее вклад в формировании московской символики.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать историю герба города Владимира. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 40 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Из привлекаемых автором источников укажем на Полное собрание русских летописей, а также документы из фондов Российского государственного архива древних актов. Из используемых исследований укажем на труды Г.И. Королева и А.М. Некрасова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения владимирской геральдики. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки

зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как геральдикой, в целом, так геральдикой Владимира-Сузdalской земли. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "исследование символов, маркирующих тот или иной объект или феномен, позволяет лучше понять причинно-следственный ряд, дать более точную характеристику явлению, проследить его культурные, политические и экономические связи". Автор показывает, что

"ретроспективное исследование современной официальной символики Владимира, а именно его герба, утверждённого в документах органов местного самоуправления, как маркёр города, не позволяет проследить его бытование de facto ранее второй половины XVII столетия". В работе показано, что "обстоятельства и условия бытования древнерусского общества в XII-XVII веках не предполагали наличия развёрнутой геральдической системы".

Главным выводом статьи является то, что

"в определённую эпоху городу Владимиру, как культурно-политическому предшественнику Москвы, был усвоен характерный и своевременный символ-носитель идеи собирания бывших русских земель вокруг усиливающейся православной столицы". Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Завьялова М.С. Научно-техническая деятельность аэродинамической лаборатории Санкт-Петербургского политехнического института в 1910–1920-е гг // Genesis: исторические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.7.71672 EDN: KGEGPP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71672

Научно-техническая деятельность аэродинамической лаборатории Санкт-Петербургского политехнического института в 1910–1920-е гг.

Завьялова Мария Сергеевна

ORCID: 0009-0002-0158-0003

аспирант; высшая школа общественных наук; Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого
Специалист Музея истории СПбПУ; ФГАОУ ВО "СПбПУ Петра Великого"

194064, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

[✉ marusya.zavjalova@yandex.ru](mailto:marusya.zavjalova@yandex.ru)

[Статья из рубрики "История науки и техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.7.71672

EDN:

KGEGPP

Дата направления статьи в редакцию:

09-09-2024

Аннотация: Объектом исследования выступает научно-техническая деятельность аэродинамической лаборатории Санкт-Петербургского политехнического института. Предметом исследования является организация и осуществление научно-технической деятельности аэродинамической лаборатории. Цель работы – исследование аэродинамической лаборатории как особо значимого исследовательского центра страны. В работе отражено значение лабораторного пространства в высшем учебном заведении и роль лаборатории в становлении новой научной отрасли знаний. Стремительное развитие авиации в начале XX в. напрямую связано с аэродинамическими исследованиями. При кораблестроительном отделении Санкт-Петербургского политехнического института в 1911 г. открывается аэродинамическая лаборатория, в которой были организованы прикладные аэродинамические исследования. Проведение исследований стало возможным при помощи специальной материально-технической базы. Научная статья предоставляет сведения об оборудовании, приборах, закупаемых

и создаваемых для нужд лаборатории. В работе указаны исследования, которые были организованы на базе лаборатории учеными-политехниками. При написании научной публикации применялись сравнительный и описательные методы. Принципы историзма и объективности позволили провести всесторонний анализ организационных особенностей и технических характеристик в вопросе создания и функционирования аэродинамической лаборатории. Научно-техническая деятельность аэродинамической лаборатории, открытой в 1911 г. при Санкт-Петербургском политехническом институте, открыла новые возможности для прикладных исследований в области авиации и аэродинамики. Свою исследовательскую деятельность осуществляли в лаборатории И. И. Сикорский, В. А. Слесарев, Г. А. Ботезат. В числе прикладных исследований, проведенных в лаборатории, были исследования моделей самолета «Илья Муромец», проектирование самолета «Святогор», изготавливались трубы Прандтля. Возможности лаборатории использовались для теоретической подготовки летчиков и мотористов, осуществляющей в стенах института. Техническое оснащение лаборатории, внушительный приборный ряд, постоянное обновление и пополнение материальной базы, а также грамотная организационная работа со стороны сотрудников Политехнического института привели к тому, что аэродинамическая лаборатория Политеха 1910–1920-х гг. являлась ведущим научно-техническим центром подобного профиля в стране.

Ключевые слова:

аэродинамическая лаборатория, Санкт-Петербургский политехнический институт, техника, наука, авиация, аэродинамика, кораблестроительное отделение, исследования, техническое оснащение, промышленные заказы

Исследование профинансирано Министерством науки и высшего образования РФ в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (соглашение № 075-15-2024-201 от 6 февраля 2024 г.)

The research was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under the strategic academic leadership program "Priority 2030" (Agreement 075-15-2024-201 dated 06.02.2024)

Введение

Лабораторное пространство – это сложноорганизованная научная структура [4, с. 1]. Процесс создания и развития лабораторий многогранен. Развитие и становление науки происходит благодаря исследованиям, которые выполняются в лабораториях. Исследования в свою очередь выполняются при помощи различных приборов и инструментария. Среди лабораторий выделяются те, которые функционируют в учебных заведениях. Учебные лаборатории выполняют ряд важнейших задач: развитие практических научно-исследовательских умений студентов, проведение научно-исследовательских работ профессорско-преподавательским составом. В таких лабораториях зачастую выполняются важные научные исследования и решаются прикладные задачи.

Санкт-Петербургский политехнический институт по своей задумке и реализации был нацелен на подготовку специалистов для новых направлений отечественной и мировой науки и техники. При создании института учитывались лучшие практики организации

учебных заведений, подготовка студентов велась ведущими учеными и преподавателями страны [\[15\]](#).

Учебная и исследовательская деятельность в институте сопровождалась наличием учебно-вспомогательных учреждений, в числе которых были библиотека, музеи при отделениях и многочисленные лаборатории.

Лабораториям было уделено особое внимание, так как подготовка практико-ориентированного инженера требовала наличия соответствующей научно-экспериментальной базы. При обустройстве лабораторий учитывался лучший опыт организации отечественных и зарубежных учебных заведений [\[8\]](#). Актуальность исследования обусловлена научным интересом к организации и научно-технической деятельности лабораторий Санкт-Петербургского политехнического института.

Одной из первых в Санкт-Петербургском политехническом институте появилась аэродинамическая лаборатория. Ее появление было сопряжено с открытием в 1909 г. в институте курсов воздухоплавания, которые заложили основы российскому авиационному образованию [\[14\]](#). Аэродинамическая лаборатория Политехнического института задумывалась не только, как вспомогательное учреждение, но и как научный исследовательский и экспериментальный центр [\[7, с. 84\]](#).

Аэродинамическая лаборатория находилась в структуре кораблестроительного отделения института. Для ее организации была создана комиссия, в которую входили декан кораблестроительного отделения – К. П. Боклевский (председатель), профессора А. П. Фан-дер-Флит, А. А. Лебедев, В. А. Кистяковский, В. Ф. Найденов, В. В. Кузнецов и инженер В. А. Слесарев, который курировал проведение всех работ [\[10\]](#). Позднее комиссия была пополнена новыми членами: профессором физической химии В. А. Кистяковским, преподавателями – В. И. Тихомировым, Г. А. Ботезатом, Д. М. Сокольцевым [\[10\]](#).

Лаборатория была размещена в здании бывшего студенческого общежития института [\[1\]](#). В 1909-1910 гг. активно велась работа по оснащению лаборатории специальной аппаратурой, которая производилась мастерскими института, изготавливавшаясь другими аэродинамическими лабораториями, предприятиями. Устройство Ренара-Рябушинского, которое применялось для испытания винтов, было заказано в Кучино [\[3\]](#). Изготовление необходимых узлов аппаратуры велось на петербургских предприятиях, например, был размещен заказ на изготовление специальной рамы на Санкт-Петербургском Металлическом заводе [\[14, с. 81\]](#).

Главным образом оборудование закупалось за границей. Для данных целей К.П. Боклевский, декан кораблестроительного отделения, в 1910 г. был командирован в Западную Европу. Он побывал в Геттинге и Париже [\[19\]](#), откуда он вернулся со списком приборов. К. П. Боклевский для участия в организации лабораторного пространства пригласил Н. Е. Жуковского, с которым познакомился в Аэродинамическом институте в Кучино в декабре 1910 г. Н. Е. Жуковский приезжал в Санкт-Петербург для ознакомления с проектом лаборатории и предоставил ряд значимых комментариев по организации [\[20\]](#). Ответственным за организацию аэродинамической лаборатории в Политехническом институте был назначен талантливый инженер В. А. Слесарев. В. А. Слесарева устроили лаборантом, и с 1910 г. он активно включился в процесс по созданию лаборатории [\[5\]](#). Стоит отметить, что он был учеником Н. Е. Жуковского, что

также сыграло свою положительную роль.

В начале 1911 г. аэродинамическая лаборатория официально начала свою работу [12]. На тот момент она была оснащена следующим оборудованием:

1. Большая аэродинамическая труба. Ее длина – 20 м, диаметр – 1,2 м. Скорость потока воздуха 15-20 м/с, что превышало скорость потока воздуха в аэродинамических трубах в лабораториях Д. П. Рябушинского и Л. Прайндля. Большая аэродинамическая труба занимала 2 этажа: на 1-м находился машинный зал с вентилятором типа «Сирокко»; на 2-м была размещена камера для наблюдения с выемкой в полу, где располагались измерительные приборы и имелось место для наблюдателя. Труба – всасывающего типа [16].

2. Малая аэродинамическая труба. Диаметр – 30 см, скорость потока воздуха до 50 м/с. Был также установлен вентилятор типа «Сирокко» с электромоторов в 5 л. с.

3. Приборы для исследования винтов. Для выполнения данных целей в лаборатории было двое весов Ренара-Рябушинского, про изготовление которых упоминалось выше, одни – с двумя взаимно перпендикулярными осями для измерения тяги и момента винта, другие – оригинальной конструкции.

4. Измерительные приборы. В. А. Слесарев сконструировал для измерения скорости потока особый прибор – анемометр. В качестве указателя скорости применялся вольтметр, который был включен в цепь с вентилятором. Для измерения давления использовались динамометры.

5. Шахта. Глубина шахты – 21 м (от чердака до подвала). В шахте был установлен прибор Н. Е. Жуковского, который состоял из двух систем у блоков с осями, соединенными бесконечной нитью. Специальный хронограф регистрировал время свободного падения тела, прикрепленного к нити.

6. Металлическая вышка для метеорологических наблюдений. Вышка была изготовлена на Металлическом заводе по специальному заказу института. Исследования и наблюдения за погодой были необходимы для авиации и аэродинамических исследований, так как неблагоприятные погодные условия ограничивали полеты первых самолетов [2].

Аэродинамическая лаборатория была также оборудована стендаами для испытания воздушных винтов, аэрологической лабораторией, музеем, библиотекой и лекционным залом. Построенная лаборатория считалась одной из лучших в мире [6].

Пользовалась спросом лаборатория и среди отделений института, которые там также проводили учебные занятия. Занятия с междисциплинарными элементами – это частое явление для Политехнического института. Так, электромеханическое отделение в 1911 г. в рамках VI Всероссийского Электротехнического Съезда в Санкт-Петербурге подготовило обзор на преподавание и описание лабораторий Санкт-Петербургского политехнического института. В данном обзоре указано, что в аэродинамической лаборатории имеется 6 двигателей общей мощностью в 73,5 л.с. Соответственно, лаборатория располагала достаточными техническими возможностями для всесторонних научно-технических исследований [21, с. 160].

Помимо учебных задач, в лаборатории проводились и исследования по заказу сторонних организаций. В аэродинамической лаборатории производились исследования

сопротивления воздуха движению железнодорожных поездов, ветру ангаров, вагонов однорельсовой дороги [\[10\]](#).

В аэродинамической лаборатории проводились прикладные исследования и ее создателем В. А. Слесаревым. Под его руководством в аэродинамических трубах велись исследования моделей самолета «Илья Муромец», конструкции И. И. Сикорского. В. А. Слесарев установил, что балкон, выступы на фюзеляже и крыле этого самолета существенно увеличивают аэродинамическое сопротивление. По результатам продувок была обеспечена рациональная компоновка самолета [\[14\]](#).

По предложению В. А. Слесарева для изучения картины обтекания моделей воздухом применялся метод «бенгальской свечи» – раскаленные частички алюминиевого порошка выбрасывались в воздушный поток и, увлекаемые этим потоком, давали на фотопластинке визуальную картину обтекания исследуемой модели [\[15\]](#).

Самостоятельное проектирование и экспериментальные пробы собственного самолета «Святогор» осуществляет В. А. Слесарев также в аэродинамической лаборатории Политехнического института [\[13\]](#).

Г. А. Ботезат – конструктор, который создал один из первых в мире вертолетов. В 1911 г. Г. А. Ботезат представил в Главное инженерное управление проект автоматически устойчивого самолёта [\[9\]](#). По ходатайству К. П. Боклевского и А. П. Фан-дер-Флита Георгию Александровичу были выделены деньги на исследования по созданию такого самолёта. С этого же года Г. А. Ботезат преподавал в Политехническом институте, осуществляя свои исследования в аэродинамической лаборатории. В лаборатории он проводил предварительные опыты на моделях в аэродинамической трубе. Цель опытов – обоснование технических характеристик разработанного аэроплана Г. А. Ботезата и разработка проекта системы аппарата.

В конце 1911 г. Г. А. Ботезат выступил с докладом на научном форуме, где заявил о результатах исследований в аэродинамической лаборатории Санкт-Петербургского политехнического института. Ученый рассмотрел условия устойчивости самолета, действие на него аэродинамических сил, значение носовых и хвостовых стабилизирующих поверхностей, проанализировал угловое движение самолета относительно поперечной оси изолированно от движения его центра тяжести.

В 1912 г. в Политехническом институте открываются Офицерские теоретические курсы авиации и воздухоплавания им. В. В. Захарова. В. В. Захаров – предприниматель, который пожертвовал средства на содержание курсов. Благодаряенным ресурсам аэродинамическая лаборатория и все учебно-вспомогательные учреждения при ней использовались для исследований и пополнялись новым оборудованием [\[11\]](#). С 1914 г. в институте, с началом Первой мировой войны, были организованы курсы для летчиков-добровольцев и мотористов-механиков. Эти курсы сыграли большую роль в деле подготовки специалистов для Императорского военно-воздушного флота. Кроме студентов в лаборатории прошли подготовку более 600 летчиков и 600 мотористов [\[15\]](#).

Революционные события, политическая и экономическая ситуация в стране не позволили вводу более крупных аэродинамических лабораторий, поэтому аэродинамическая лаборатория Политехнического института оставалась главным центром научных авиационных исследований в Санкт-Петербурге и стране. С 1918 года работа лаборатории была практически остановлена, оборудование устаревало, средства на

содержание лаборатории не выделялись.

Несмотря на трудности, в 1924 г. при финансовой поддержке «Остехбюро» была построена новая малая аэродинамическая труба (диаметр рабочей части 300 мм., скорость потока до 40 м/сек).

В 1925 г. заведующий аэродинамической лабораторией К. П. Боклевский и заведующий ее хозяйством Е. В. Краснoperов оценили стоимость перестройки устаревшей большой аэродинамической трубы и приобретение приборов в 17,5 тысяч рублей, но деньги от Наркомпроса не получили.

Институт вновь обращался в «Остехбюро» с просьбой о выделении средств на перестройку аэродинамической трубы. Суммы изначально в размере 8 тысяч рублей, а затем еще и 2 тысяч рублей «Остехбюро» выделяло, но взамен в лаборатории выполнялись исследования для «Остехбюро».

В феврале 1927 г. в Москве на Государственном Авиационном заводе № 8 «Пропеллер» был заказан 4-х лопастной винт для аэродинамической трубы, также институтом был получен 4-х лопастной пропеллер диаметром 2310 мм [\[17\]](#).

В 1927 г. аэродинамической лабораторией проводились исследования давления ветра на причальные башни. Были построены 5 моделей причальных башен, как сплошной, так и сквозной конструкции, исследованы распределение областей давлений и подсасывания по поверхностям этих моделей, пользуясь полученными результатами оставить новые нормы нагрузок или выяснить дальнейший план работ [\[18\]](#).

В 1927 г. аэродинамическая лаборатория исполняла заказы для Инженерного бюро «ЛОГЭ» на изготовление трубы Прандтля, для Отдела машиноведения Государственного института опытной Агрономии на изготовление микроманометра Крелля для измерения скоростей воздуха в пределах от 4 до 20 м/сек [\[17\]](#).

К 1928 г. удалось реконструировать и большую, и малую аэродинамические трубы. Большая труба с диаметром рабочей части 1,4 м и скоростью потока 45 м/сек. стала самой крупной в Ленинграде [\[17\]](#).

В 1930 г. произошла реструктуризация института и подготовка специалистов в области авиации, которая занимала особое место в Политехническом институте, влилось в состав другого учебного заведения – Московского авиационного института. Деятельность аэродинамической лаборатории продолжилась, но уже с обновленными задачами и другим коллективом.

Заключение

В заключении отметим, что организация, техническое оснащение и деятельность аэродинамической лаборатории Санкт-Петербургского политехнического института позволили провести ряд значимых исследований в области авиации и аэродинамики. Грамотная организационная работа, подбор, закупка и изготовление уникального оборудования, формирование материально-технической базы привели к тому, что аэродинамическая лаборатория Политеха 1910–1920-х гг. являлась ведущим научно-техническим центром подобного профиля в стране.

Библиография

1. Аэродинамическая лаборатория Политехнического института Императора Петра I //

- Вестник воздухоплавания. – 1911. – № 18. – С. 24-28.
2. Бычков В.Н. Аэродинамическая лаборатория Петербургского политехнического института / В.Н. Бычков // Авиация в России/ М.В. Келдыш, Г.П. Свищев. – М.: Машиностроение, 1988. – С. 224-226.
3. Воробьев Б.Н. Второй всероссийский воздухоплавательный съезд в Москве (11 апреля – 14 апреля 1912 г.). – 1912. – № 3. – С. 5-6.
4. Жарков Е.А. Лаборатория как вненаходимая сущность // Социология науки и технологий. – 2020. – № 4 (11). – С. 175-190.
5. Катышев В.Г. Крылья Сикорского / В.Г. Катышев, В.Р. Михеев. – М.: Воениздат, 1992. – 432 с.
6. Кружок электриков. Выпуск № 1: сборник докладов. – СПб.: Типо-Литография И. Трофимова, 1913. – 226 с.
7. Мандрыка А.П. Аэромеханические лаборатории Петербурга. – Л.: Наука, 1980. – 110 с.
8. Меншуткин Б. Н. История Санкт-Петербургского политехнического института (1899-1930) / Б. Н. Меншуткин; редактор-составитель биографических справок и примечаний Н. П. Шаплыгин. – СПб.: Изд-во Политехи, ун-та, 2012. – 508 с.
9. Музей истории СПбПУ: официальный сайт. – 2019. – URL: https://museum.spbstu.ru/print/news/georgiy_aleksandrovich_botezat.pdf?ysclid=m0nm38daf3830266026 (дата обращения: 15.08.2024). – Текст: электронный.
10. Повх И.Л. Первая высшая авиационная школа России. – 1948. – № 1. – С. 115-133.
11. РГВИА. Ф. 493. Оп. 8. Д. 84, л. 44-45.
12. Санкт-Петербургский государственный политехнический университет – историко-культурный архитектурный памятник. Справочная книга / Составитель Н.П. Гербылева. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2002. – 68 с.
13. Санкт-Петербургский политехнический институт: сборник № 2. – Нью-Йорк: Издание Объединения С.-Петербургских Политехников, 1958. – 244 с.
14. Смелов В.А. История кораблестроительной школы в Политехническом. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2005. – 267 с.
15. Смелов В.А. Санкт-Петербургский политехнический дореволюционный / В. А. Смелов. – Санкт-Петербург: Изд-во Политехнического ун-та, 2014. – 618 с.
16. ЦГА СПб. Ф. 3121. Оп. 3. Д. 562.
17. ЦГА СПб. Ф. 3121. Оп. 4. Д. 24.
18. ЦГА СПб. Ф.Р|3121.Оп.26|1. Д.32, л. 4.
19. ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп.1. Д. 2542.
20. Шавров В.Б. История конструкций самолетов в СССР до 1938 года / В.Б. Шавров. – М.: Машиностроение, 2002. – 703 с.
21. Шателен М.А. Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого. Электромеханическое отделение: Обзор преподавания и описание лабораторий. – СПб.: Печатный труд, 1911. – 340 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи является аэродинамическая лаборатория Санкт-Петербургского политехнического института. В работе избран интересный взгляд на историю науки через призму развития сложноорганизованной научной структуры лабораторного пространства. Санкт-Петербургский политехнический институт имеет насыщенную дореволюционную историю, связанную как с быстрой индустриализацией

Российской империи, так и с необходимостью развития передовых технологических решений. Одной из страниц этой истории является открытие аэродинамической лаборатории в 1909 году.

Методология исследования основана на принципе историзма, история лаборатории рассматривается в контексте важных научно-экспериментальных задач, которые стояли перед учеными, в частности описаны испытания, проводившиеся в аэродинамических трубах для оценки моделей самолетов «Илья Муромец» (конструкции И.И.Сикорского) и «Святогор».

Актуальность темы определяется современными тенденциями так называемых STS-исследований (исследование науки и технологий), междисциплинарной предметной области, рассматривающей научные достижения в сложном социально-экономическом и политическом контексте. Избранный пример лаборатории полностью согласуется с таким подходом. В качестве замечания можно отметить, что не хватает какого-то прим ера, который можно было бы взять для сравнения, чтобы понять, насколько (не)типичным был опыт внедрения аэродинамических испытаний, реализованный в Санкт-Петербургском политехническом институте.

Научная новизна обоснована полным и системным подбором исторических источников и литературы, помимо опубликованных исследований и материалов, автор вводит в научный оборот материалы, отложившиеся в фондах Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (прежде всего, фонда 3121 «Санкт-Петербургский государственный технический университет»). Важно, что в работе удалось проследить деятельность лаборатории вплоть до 1930 года, что обогащает наши знания о переходном периоде развития науки от имперской к советской организации исследований и экспериментов.

Помимо истории создания лаборатории в статье подробно описана и техническая сторона дела, в частности дается исчерпывающая характеристика оборудования (большая аэродинамическая труба, малая аэродинамическая труба, приборы для исследования винтов, измерительные приборы, 21-метровая шахта (от чердака до подвала) с прибором Н.Е.Жуковского, металлическая вышка для метеорологических наблюдений).

Стиль работы – академический, структура – ясная, стройная, содержание статьи полностью соответствует цели и задачам исследования.

Библиография полная подробная, единственным упущением является отсутствие указаний на зарубежную литературу.

Выводы – самостоятельные, обоснованные, интерес читательской аудитории к статье гарантирован. Можно полностью согласиться с оптимистически выводом о том, что «организация, техническое оснащение и деятельность аэродинамической лаборатории Санкт-Петербургского политехнического института позволили провести ряд значимых исследований в области авиации и аэродинамики». К недостатку статьи можно отнести отсутствие хоть каких-то сравнительных наблюдений: были ли конкуренты у аэродинамической лаборатории Политехнического института, в какой мере направление исследований поддерживалось индустриальными партнерами, учитывая всё возрастающую конкуренцию в авиационной промышленности, например, со стороны французских производителей (Гном-Рон).

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Селезенев Р.С., Козырева М.В. Иностранные языки в системе образования российского столичного дворянства в первой половине XVIII в // Genesis: исторические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.7.70713 EDN: KNPRNV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70713

Иностранные языки в системе образования российского столичного дворянства в первой половине XVIII в.

Селезенев Роман Сергеевич

кандидат исторических наук

доцент, кафедра всеобщей истории и международных отношений; Кемеровский государственный университет

650043, Россия, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Красная, 6, каб. 2435

✉ Roman3340@mail.ru

Козырева Марина Васильевна

ORCID: 0009-0005-6289-0090

старший преподаватель; кафедра истории, философии и социальных наук; Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева

650000, Россия, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, 13, кв. 34

✉ mv_kozyreva@mail.ru

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.7.70713

EDN:

KNPRNV

Дата направления статьи в редакцию:

12-05-2024

Аннотация: Предметом исследования является история изучения иностранных языков в контексте становления культуры российского столичного дворянства в первой половине XVIII в. Немецкий, французский, латинский и греческий языки, лежащие в основе социокультурного знания, служили инструментом его дифференциации на общеобразовательное и специализированное, техническое и гуманитарное. Тем не менее, иностранным языком, способствующим формированию культуры русского

дворянства, был французский язык, который в ряде образовательных учреждений Санкт-Петербурга, носил добровольный характер изучения. Вовлечение дворянского сословия в образовательный процесс целесообразно рассматривать как элемент формирования культуры российского общества. Данный процесс протекает синхронно с изучением иностранных языков, которые, в свою очередь, в рамках образования претерпевали трансформацию от средства общения с преподавателем-иностранцем до учебной дисциплины. Работа опирается на принципы историзма и объективности, предусматривающих анализ социокультурных явлений во взаимосвязи со спецификой исследуемого периода. Исследование основывается на применении комплекса общенаучных методов: анализа, синтеза, аналитического описания, классификации. Историко-сравнительный метод позволил выявить закономерности, принципы, технологии изучения иностранных языков. Аксиологический подход помог определить социокультурную значимость изучения различных языков. Новизна исследования заключается в комплексном анализе истории, принципов, методики изучения иностранных языков в различных типах учебных заведений Санкт-Петербурга и Москвы в первой половине XVIII в. и их роли в образовательном процессе. Освоение норм европейских традиций в различных видах профессиональной деятельности и внедрение их в культурное пространство России осуществлялось в интересах государства посредством иностранных языков. Их изучение изначально носило спонтанный характер в процессе разговорной практики русских дворян, обучающихся за границей, с носителями языка. Немецкий язык, имеющий социокультурную значимость для формирования общеобразовательного и технического знания, не удовлетворял интересы государства в приобщении русской аристократии к элитарной культуре. Классическое знание, соответствующее данным целям, выявило необходимость в обучении представителей высшего сословия «древним» языкам для чтения и переводов традиционных латинских и греческих авторов. В конечном итоге, учреждение классического университета послужило основой для воспитания нравственной личности.

Ключевые слова:

дворянство, обучение, воспитательно-образовательный процесс, иностранные языки, учебные заведения, Москва, Санкт-Петербург, культура, Морская академия, Академия наук

Первые шаги, способствовавшие генезису культуры русского дворянства (в широком смысле) и просвещению (в узком смысле) под влиянием западноевропейской традиции, осуществлялись Петром I с учетом интересов России. Преобразователь высоко ценил «значение теоретического знания, просвещающего ум и расширяющего его горизонты...» [1, с. 17]. Реформация данных процессов способствовала становлению системы воспитания и образования в Российской империи, предусматривающей создание различных типов учебных заведений на примере Санкт-Петербурга [2, с. 198-199]. Вектор качественных преобразований был направлен, в первую очередь, на воспитание нравственной и образованной личности, что соответствовало формированию новых принципов вовлечения служилых людей в процесс обучения, уделяя должное внимание изучению иностранных языков. Основная роль в реализации замыслов Петра Великого была отведена русской элите, которой пришлось приспособливаться к изменившимся нормам социального уклада жизни.

Целью статьи является анализ истории внедрения и изучения иностранных языков в

контексте формирования культуры русского столичного дворянства в первой половине XVIII в.

Статус иностранных языков со временем трансформируется в системе мировоззрения от «средства общения и понимания иностранцев» в «учебную дисциплину». Одновременно с этим преобразовывается и социокультурная роль языков: от их функционального значения в системе развивающихся международных отношений России с другими государствами (профессиональная деятельность) к воспитанию «нравственной личности» (духовная сфера), следовательно, формированию определенного уровня культуры российского общества.

Осознание роли иностранных языков в просвещении российского народа происходят на рубеже XVII-XVIII вв. под непосредственным контролем Петра I и при участии русского просветителя И. Ф. Копиевского. В 1700 г. последний составляет и печатает книги, основная цель которых – ознакомление русского народа с иностранными языками и основными науками. Среди этих книг – «Грамматики славянская и латинская», «Разговоры на трех языках – латинском, русском и немецком», «Книга, учащая морского плавания» – перевод с одного голландского учебника» и др. [\[3, с. 38\]](#).

Ценное отношение Петра I к образованию как «практическому общественному институту» [\[4, с. 71\]](#) оказывает влияние на формирование российской государственности. Открытие школ военной направленности и интенсивный технический характер обучения дворян изменили образ жизни русского дворянства, приобщив его представителей к образовательной практике [\[5, с. 226\]](#). В частности, в период с 1712 по 1719 гг. в Петербурге были открыты Артиллерийская школа, Морская академия и Инженерная школа. Известно, что в провинциальных «цифирных» школах обучались грамоте дети различных сословий. Тем не менее, следуя примеру европейских государств, Петр I, в большей степени, стремился апробировать «новое» знание в интересах российской элиты. Учреждение первых учебных заведений в Санкт-Петербурге, направленных на формирование основного, специализированного, научного и элитарного знания происходило в весьма небольшие сроки, при этом, поглощая ряд прототипов московских заведений. Например, Морская Академия была учреждена на базе старших классов Навигацкой школы; Инженерная школа в Санкт-Петербурге была связана с аналогичным московским заведением.

При приеме дворян в Морскую академию, претендовавшую на статус первого «регулярного» учебного заведения России, действовали принципы исключительности/избирательности, проявляющиеся в двух аспектах. Во-первых, исходя из неформальных правил Академии, исключалась возможность обучения в ней «совершенно неспособных» и безграмотных недорослей. [\[4, с. 42, 66; 3, с. 129\]](#). Во-вторых, «все кадеты должны быть из лучших семей страны, и люди с достатком, потому что они должны в будущем стать морскими офицерами, как это обыкновенно повсюду, где есть подобные заведения» [\[4, с. 60\]](#).

В соответствии с «Проектом для сочинения Морской академии» кадеты должны освоить следующие дисциплины: письмо, рисование, математику, экзерции, фехтование, копейное и мушкетное учения, картографию и т. п., однако в данном перечне отсутствует изучение иностранных языков. Тем не менее, из «Представления Сент-Илера Петру I» (1715 г.) следует, что одной из причин, свидетельствующих об иллюзорности обучения большого количества кадетов в Морской академии, является невозможность найти достаточно большое количество «искусных профессоров» в государстве. В качестве решения

данной проблемы барон Сент-Илер предлагает пригласить иностранных специалистов из Голландии и «иных немецких краев», которые будут обучать кадетов экзерцициям на голландском и немецких языках [4, с. 56-58].

Ф. Вебер, ганноверский резидент в царствование Петра I и автор записок «Преображенная Россия», описывая деятельность государя в период с 1714 по 1719 гг., отмечает, что знатный дворянский двор направляли на учебу в Морскую академию, где их обучали иностранным языкам [6, с. 164-165; 7, с. 76]. Гипотетически, иностранный язык являлся средством общения между преподавателями-иностраницами и учениками, и, соответственно, в нормативной документации не определена методика его изучения. Получая иноязычное знание, соответствующее техническому направлению, кадеты фактически усваивали разговорные нормы языка непосредственно от их носителей.

Роль иностранных учителей, в том числе молодых, в образовательном процессе русской аристократии и практическую пользу владения немецким языком для постижения наук описывает Г. Фик (1720-1730 гг.). В различных проектах, направленных на реформу светского образования, он отмечает необходимость формирования нормативных документов, регламентирующих «защиту, безопасность, свободу и средства к существованию» для привлечения в российское государство иностранных студентов, способных привить юношам добродетель и порядочность [4, с. 75-76]. Кроме того, такой социокультурный процесс мог содействовать трансляции межъязыковой практики, что, в конечном итоге, позволило бы привлечь опытную иностранную молодежь в качестве школьных или домашних учителей.

Генрих Фик, принимая опыт шведской традиции в образовательном процессе, представляет документ, составленный им в 1721 г., – «Реляция, каким образом молодые графы, бароны и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывают». В этом документе, как и в предыдущих записках, он отмечает необходимость трехуровнего обучения: первая (начальная) ступень – домашнее обучение, вторая – обучение в школах и академиях, третья – предполагает получение знаний в поездках за границу [4, с. 77-78].

Данная практика уже была частично реализована во втором десятилетии XVIII в. по инициативе Петра I. Указ государя «О посыпке в Венецию, Францию и Англию дворянских детей для определения в морскую службу» от 2 марта 1716 г. [8] положил начало отправки молодых дворян в страны Западной Европы для освоения дисциплин, которым не обучали в России. Вектор знаний был преимущественно направлен на формирование навыков в морском и военном деле [5, с. 226]. Однако необходимые нововведения столкнулись с рядом негативных факторов. Прежде всего, отсутствие как нормативной базы, обеспечивающей требования к образованности населения, так и светской институциональной образовательной системы, а также незнание иностранных языков – все это отрицательным образом отразилось на принятии опыта обучения за границей.

И. И. Неплюев описывает личный опыт пребывания и получения знаний в Европе, связанных с морским делом и формированием военных навыков. Однако Иван Неплюев отмечает, что в 22 года, в марте 1715 г., был направлен Меншиковым для обучения основам математики в г. Новгород, в июне этого же года поступает указ о его переводе в навигационную Нарвскую школу, а с октября 1715 г. – зачислен кадетом в Морскую академию. В 1716 г. Неплюев был определен гардемарином в г. Ревель на корабль, где капитаном был англичанин Рю, а затем направлен в другие крупные европейские порты.

При этом Неплюев отмечает сложность восприятия иностранных языков, что оказывало негативное влияние на освоение практических навыков в военно-морском деле [\[9\]](#).

В. Н. Татищев, сторонник петровских преобразований, подвергает критике способность специализированных школ дать конструктивные знания, необходимые русской аристократии. Наделяя европейские языки статусом базовой науки, просветитель подчеркивает отсутствие умений и навыков у молодых дворян читать необходимые книги для освоения математики и других дисциплин. В частности, к таким учебным заведениям относятся: Адмиралтейская (математическая), Артиллерийская, Инженерная школы. Например, уровень обучения дворян не соответствует реальным ожиданиям в силу лишения изучения некоторых наук, в том числе европейских языков, что приводит к неумению читать европейскую литературу, формированию знаний исключительно по математике и «фортификации теоретической на бумаге». По окончании обучения выпускников производят в офицеры, но инженеров, обладающих истинно профессиональными знаниями, среди них недостаточно [\[10, с. 115\]](#).

В связи с развитием торговых отношений Петр I осознает необходимость обучения восточным языкам (турецкому, персидскому и арабскому). Так, способных юношей, обучающихся в московских школах, государь приказывает направить изучать иностранные языки в Астрахань [\[3, с. 130\]](#).

Желание императора воспитать культурно-нравственную личность в западноевропейской традиции послужило основанием для учреждения Академии, предназначеннной для изучения языков, наук, «знатных художеств» и переводов книг. При Академии Наук были созданы академические университет и гимназия [\[11, 12, 13, с. 8\]](#).

Апогеем высшего «литературного или энциклопедического» образования была признана Академия наук, оставляя за собой статус высшего элитарного заведения. Несмотря на национальную идею Петра I создания одновременно и научного, и учебного заведения, реализация образовательного процесса осуществлялась преподавателями-иностранными по учебной литературе, написанной на иностранных языках, «...за неготовностью русского языка к выражению предметов высших наук».

Н. И. Костомаров подчеркивает, что аналогичное образование можно было получить в Московской славяно-греко-латинской академии и в славяно-греко-латинских школах в г. Харьков, где преобладали нормы обучения, характерные для духовенства: акцент делался на изучении классических древних языков и различных элементов античной культуры [\[3, с. 576-577; 14, с. 69\]](#). Поэтому сохранение в учебной сетке таких дисциплин как «Православное исповедание» и «Православная вера исповедания» свидетельствуют о незавершенном процессе формирования светского образования в системе гуманитарного знания.

Целесообразно отметить формальную определенность образовательно-воспитательной деятельности в системе учебных заведений при Академии наук. В частности, речь идет о документах, формально и/или фактически выполняющих роль учредительных и определяющих структуру учебного заведения, распорядок учебного дня, требования к организации учебного процесса, перечень учебных дисциплин, а также характер самого образования.

В 1725 г. между президентом Академии Л. Л. Блюментростом и профессором древностей из Пруссии, Ф. С. Байером, был заключен фирменный контракт, на основании которого последний организовал образовательный процесс в Академической гимназии по

представленному им проекту. В данном случае контракт выполнял своеобразную учредительную функцию, обеспечивающий организацию образовательно-воспитательной деятельности. В частности, Гимназия была разделена на два отделения: немецкую («приготовительную») и латинскую школы. Необходимость выделения немецкой школы была обусловлена языковым барьером, поскольку преподаватели-немцы не знали русский язык и, соответственно, ученикам, в первую очередь, требовалось освоить лексику и грамматику немецкого языка в течение трех лет обучения. Образование в немецком отделении соответствовало общеобразовательному уровню, а в латинском – специализированному, научному, знанию, после усвоения которого ученики могли быть зачислены в штат студентов Академии Наук [\[3, с. 573; 4, с. 223, 228; 12, с. 7\]](#).

Д. А. Толстой в труде «Академическая гимназия в XVIII столетии: по рукописным документам архива Академии Наук» отмечает взаимный языковой барьер между учениками (Адодуров и Кондоиди) и академиком Мюллером, несмотря на владение обучающимися основами латинского языка. Для понимания слов и речевых оборотов, сложных для восприятия, преподаватель заменял «тяжелую» латинскую лексику простой, разговорной, что, в результате, помогло ученикам освоить грамматику латыни и понять содержание сложных текстов.

С точки зрения организации учебно-воспитательной деятельности в Академической гимназии сформировался дифференцированный подход, в основе которого была заложена цель обучения – освоение всего гимназического курса или только отдельных предметов, в том числе и иностранных языков. Такой подход противоречил принципам педагогики, так как не определял возрастной ценз при приеме учеников в Гимназию. Например, «принятым <...> Синявину и Делену было 6 лет, а некоему Тодорскому 24 года, и против него было означено: “приехал по-немецки учиться”» [\[12, с. 4-7\]](#).

Первое положение о Гимназии Байер ввел только в 1731 г., закрепив ранее существовавшую структуру учебного заведения, однако его образовательная функция в воспитательной деятельности высшего сословия продолжала снижаться, особенно в связи с учреждением Кадетского корпуса. Проект устройства Гимназии от 7 августа 1733 г., подготовленный Иоганном Эбергардом Фишером, адъюнктом Академии, мог способствовать повышению ее престижности. Структура Гимназии отражала перечень дисциплин, изучаемых, соответственно, на немецком и латинском языках. Академическая гимназия была представлена как учебное заведение, предназначенное для «образования юношества в латинском языке и гуманиорах». Наравне с гуманитарными дисциплинами предполагалось изучение «других реальных» дисциплин, таких как история, логика и философия, география и французский язык. Фактически обучение в Гимназии было направлено на изучение «гуманиорум» (начальных наук), преподаваемых на фундаментальном, немецком языке, что соответствовало «программе» общеобразовательного обучения и подготовке гражданских служащих. Особая социокультурная значимость и практическая польза отведена изучению немецкого языка [\[3, с. 573; 4, с. 223\]](#). Данный проект предписывал функциональное отличие Академической гимназии от простой школы за счет введения в образовательный процесс изучение немецкого, латинского и греческого языков. Л. В. Московкин акцентирует внимание на перерыве в преподавании греческого языка, связывая данное обстоятельство с отъездом И. Э. Фишера [\[12, с. 9-10; 15, с. 165; 16\]](#).

Последующие записки Фишера, уже в качестве ректора Гимназии, были направлены на реорганизацию учреждения путем выделения немецкой школы в самостоятельное учебное заведение непосредственно для изучения немецкого языка. Успешное

овладение немецким языком на первом уровне гарантировало продолжение обучения в Гимназии у немецких преподавателей, что в свою очередь, облегчало изучение других наук [12, с. 14].

В рамках переустройства Гимназии в проекте документа, переведенного с немецкого языка и опубликованного на русском языке как «Покорное мнение на сообщенное мне предложение о учреждения здешния санктпетербургская гимназия» от 17 июня 1737 г. [4, с. 225], определена одна из потенциальных целей – формирование «технического» знания. Основной акцент делался на изучении «приличных и потребных наук», т.е. иностранных языков и математических наук.

На основе представленных предложений в 1738 г. был составлен Регламент «Reglament des Gymnasii bey der Kaiserl. Academie der Wissenschaften in St. Petersburg» («Регламент Гимназии при Императорской Академии Наук в Санкт-Петербурге») [12, с. 15]. Как отмечают А. Костин и Т. Костина, основным документом, регламентирующим деятельность Гимназии, являлся Регламент, подписанный на Конференции Советом профессоров 24 ноября 1738 г. Юридически процедура принятия этого документа может быть квалифицирована как утверждение основного учредительного документа Гимназии [4, с. 228]. В 1739 г. был принят окончательный вариант «Регламента» Крафта, возможно утвержденный в Сенате, и действовавший до 1748 г. Данный документ отразил как положения организации образовательного процесса, действовавшие в различных проектах на стадии ее переустройства, так и вносил новшества, касающиеся, в частности, требований к роли иностранных языков в образовательном процессе. Так, изучение немецкого и французского языков наравне с обучением рисованию и танцам в немецком классе рассматривалось как «некоторое превосходство перед простой школою» [12]. Отмечено, что образование в латинском классе также осуществлялось на немецком языке, что увеличивало навыки и эффективность его изучения на первом, немецком, уровне.

Методика изучения немецкого языка представляла собой двухуровневую систему согласно классам: в обучении младших учеников упор делали на чтение, а старших – изучение грамматики. Например, в пятом классе учащиеся занимались чтением Библии на немецком языке, изучением немецкой грамматики и основ латыни и улучшением навыков чистописания. Также старшие ученики немецкой школы по понедельникам-вторникам, четвергам-пятницам с 8 до 10 часов утра проходили «немецкие авторы и разговоры», а по средам и субботам в эти же часы – «русского автора и письма». А. А. Костин и Т. В. Костины отмечают наличие обязательного квалификационного требования для перехода к следующему уровню обучения в Академической гимназии – латинскую школу – непременное знание немецкого языка и владение навыками чтения и письма на латыни [17, с. 165, 172]. С 1740 г. курс геометрии читается на немецком языке для учеников немецкого класса, а не на латинском, как ранее [4, с. 229, 231].

Изучение французского языка в немецких классах в соответствии с «Регламентом» Крафта было факультативным и основано на принципах волеизъявления учащегося, добропорядочности его действий и особых способностей к изучению языков, за исключением старшего класса, где изучение данной дисциплины носило обязательный характер.

В латинской школе гимназисты целенаправленно осваивали весь необходимый для потенциальных занятий с профессорами Академии наук курс латинского языка:

грамматику, чтение текстов различного уровня сложности, включая стихотворения [\[4, с. 229-231\]](#).

В разработанном Фишером проекте устройства Гимназии «Расположение гимназии в 1748 году» целесообразно отметить изменения в методике изучения языков в сравнении с предыдущим Регламентом. Документ сохранял структуру Гимназии, однако общий срок обучения сократился до семи лет. В латинской школе освоение учебной программы продолжалось четыре года (п. 30) [\[12, с. 105\]](#).

Прежде всего, в нижнем немецком классе предусмотрены: изучение лексики и грамматики, навыки чтения и письма (по-русски, по-немецки и на латыни), «легкие переводы из «Ланговых разговоров». Базовые знания, необходимые для формирования владения немецким языком, гимназисты получали практически два раза в день: с понедельника по субботу, с 11 до 13 часов, а также с 15 до 17 часов по понедельникам-вторникам, четвергам и пятницам. Каллиграфии обучали в течение одного часа четыре раза в неделю. В целом занятиям по немецкому языку было отведено 20 аудиторных часов в неделю, тогда как, для сравнения, учитель арифметики и геометрии взаимодействовал с гимназистами всего 8 часов (пункты 11, 15-16 Расположения Гимназии, 1748) [\[12, с. 98-100\]](#).

Традиционное преподавание немецкого языка в первом немецком классе включает: изучение речевых норм и характерных особенностей немецкого языка, толкование несложных текстов, письменную и устную технику перевода с немецкого языка на русский и, наоборот. Количество часов, отведенных на изучение немецкого языка, сокращается до 8-ми в неделю, однако Фишер указывает, что продолжительность занятий с немецким учителем составляет 12 часов за счет преподавания им же истории и географии. Кроме того, на изучение французского языка отведено 4 часа в неделю (пункты 12, 17-18 Расположения Гимназии, 1748) [\[12, с. 98-99, 100-101\]](#).

Учебные занятия по латинскому языку в нижнем латинском классе, направленные на формирование навыков переводов «Ланговых разговоров», проходят 4 раза в неделю – по понедельникам-вторникам, четвергам и пятницам на протяжении трех аудиторных часов, с 10 до 13. Отдельное учебное время выделено для повторения латинской грамматики и знакомству с «Целариевым лексиконом». Также сохраняется изучение французского языка четыре раза в неделю не более одного часа, при этом в документе не определен его добровольный характер (п. 23, 26 Расположения гимназии, 1748).

Программа изучения латинского языка в первом латинском классе была ориентирована на формирование практических навыков красноречия, «фигурного сочинения» и включала непосредственное чтение текстов Юлия Цезаря, Теренция и Цицерона – по 8 часов в неделю. На формирование стиля был уделен один час в неделю. В конце обучения программой предусмотрено изучение основ греческого языка по одному часу четыре раза в неделю. По-прежнему сохраняется изучение французского языка (п. 24, 27 Расположения Гимназии, 1748) [\[12, с. 102-104\]](#).

На протяжении существования Гимназии основная роль в образовательном процессе отведена немецкому как основному языку обучения. Объективность привилегированного положения немецкого или латинского языков по отношению к русскому языку определялась целями обучения в каждой из школ, исходя из которой, соответствующий язык являлся базовой дисциплиной. Соответственно, преподавание наук в немецкой школе осуществлялось немецкими учителями целенаправленно на их родном языке, что

облегчало ученикам навыки владения им (п. 20 Расположения гимназии). Тем не менее, пребывание учеников в немецкой школе, в сравнении с латинской, было на один год меньше. Данное обстоятельство ректор Гимназии объяснял социокультурной практикой языкового обмена между русскими и немецкими учениками, так как в латинском классе образовательный процесс был единым независимо от языковой принадлежности. Такой подход способствовал более успешному и быстрому освоению норм немецкого языка. И, напротив, увеличение сроков обучения в немецком отделении, где действовал принцип языковой дифференциации при организации классов, привело бы к искажению техники владения немецким языком. В это же время в курс гимназии вводится итальянский язык, локальная практика изучения которого сохранялась до конца XVIII в. [\[12, с. 21, 29, 101\]](#).

Сохранившийся с момента учреждения Гимназии принцип дифференцированного обучения был взят за основу формирования «ректорского класса», обеспечивающего прохождение полного гимназического курса, где наряду с обязательным изучением истории, географии, арифметики и геометрии, в качестве обязательных наук преподавали классические древние языки – латинский и греческий. Освоение полного цикла дисциплин, предусмотренные уставом Гимназии 1750 г., было необходимо в качестве предшествующего, для получения «высшего университетского образования» [\[12, с. 22\]](#).

В. Н. Татищев в трактате «О пользе наук и училищ» размышляет о необходимости употребления латинских слов в русской культуре в контексте выражения мыслей на родном языке, отмечая использование «чужой» лексики от «людей-хвастунов», совершенно не знающих никакого языка. Подчеркивается важность изучения языков с младенчества (до 12 лет), что способствует формированию знания и освоению наук как в интересах государства, так и самой личности [\[10, с. 12, 30-31\]](#).

Практическая ценность иностранного языка, как одной из полезных наук, проявляется в его многоаспектном характере, что определяет его социокультурную роль в различных сферах деятельности [\[10, с. 80, 100, 102-104\]](#):

во-первых, знание иностранных языков приобретает большое значение в различных международных процессах: и в торговле, и в дипломатических связях, и в военных действиях;

во-вторых, владение европейскими языками способствует личностному росту принесении государственной службы, в частности, получению «важного чина»;

в-третьих, иностранные языки оказывают непосредственное влияние на познание других наук, например, владение дворянами латинским и греческим языками дает возможность изучить основополагающие идеи древних философов. Татищев отмечает, что философские трактаты переведены и на французский язык. Высокая социокультурная значимость этого языка определяет отношение к знатному роду, так как лучшие книги, необходимые для воспитания дворян и обучения их наукам, написаны на французском языке;

в-четвертых, основная, профессиональная, роль отведена немецкому языку, который был самым употребляемым в соседних государствах.

в-пятых, в зависимости от географического расположения губерний возникает необходимость в изучении татарского, сарматского языков, а китайского, монгольского и турецкого языков – для заимствования в соседних государствах научных знаний и

создания предпосылок для изучения их истории.

В эпоху правления Анны Иоанновны сохраняется традиция создавать учебные заведения при Академии Наук в Санкт-Петербурге, подобно Академической Гимназии. Это способствовало комплексному получению и теоретических знаний, и формированию практических навыков в рамках изучения иностранных языков [18, с. 90-91]. В 1731 г. именным Указом императрицы в Санкт-Петербурге создается Кадетский корпус, который оказал существенное влияние как на формирование качественных нововведений в образовательном процессе, так и в целом культурного образа жизни российского общества. Коллектив авторов (А. О. Малофей, А. Н. Харечкин, Ю. О. Харечкина) отмечают, что «Кадетские корпуса – это интересная страница истории отечественной системы образования. Значение накопленного в них педагогического опыта выходит далеко за рамки военной сферы, так как военно-учебные заведения вплоть до эпохи либеральных реформ 60 - 70-х гг. XIX в. давали своим воспитанникам не только специальное, но и самое широкое гражданское образование» [19]. В отличие от Академической гимназии Кадетский корпус был предназначен для воспитания и обучения юношей высшего сословия. Учебно-воспитательный процесс охватывал все уровни обучения: начальное, среднее и высшее.

В соответствии с Указом Анны Иоанновны от 29 июля 1731 г. «Об учреждении Кадетского корпуса» (г. Санкт-Петербург), шляхетские дети от 13 до 18 лет Российских, Эстляндских и Лифляндских Провинций, имеющих способности к военному, политическому и гражданскому обучению, должны изучать иностранные языки [20, с. 13-14; 21, с. 87; 22]. Успешному освоению иностранных языков (немецкого, французского) способствовало не только их постоянное изучение на протяжении всего срока обучения в Кадетском корпусе, но и языковая практика. В частности, кадетам позволяли за счет собственных средств иметь эстляндских и лифляндских «служителей», «дабы тем способом всякой наилучше другим языкам обучаться и к оным привыкать...» (п. 4) [18, с. 91].

Стоит отметить, что знание иностранных языков в Российской империи предшествовало изучению других наук в силу нехватки учителей, с одной стороны, и низкого уровня профессионализма, – с другой. Данный аспект свидетельствует о недостаточном уровне просвещенности и грамотности русских учителей (п. 12) [18, с. 93].

Проверка знаний по иностранным языкам, наравне с науками, осуществлялась в форме публичного генерального экзамена два раза в год: 15 сентября и 15 марта, в присутствии сенатора, профессоров и учителей Академии Наук, Адмиралтейской академии и Инженерного корпуса. Особое место языков и их предметная связь с научными дисциплинами в системе «дворянского обучения и воспитания» подтверждает факт его сдачи в качестве партикулярного экзамена во второй позиции, после экзерций (практических навыков).

Методика изучения языка способствовала повышению уровня владения им. Так, на начальном этапе обучающиеся изучали иностранные слова и грамматику [23, с. 56], что помогало приобретению навыков разговорной практики, техники и норм перевода. Умение кадета писать собственные сочинения на иностранных языках позволяло определить стиль изложения речи [24, с. 208-209]. Тем не менее, В. Н. Татищев отмечает, что хорошему владению иностранными языками предшествовало домашнее обучение (несмотря на его критику), поскольку обучение в Кадетском корпусе, в значительной

степени, носило специализированный характер. Просветитель указывает на необходимость учреждения школ повсеместно для детей младшего возраста (пяти-шести лет) для изучения иностранных языков [10, с. 139, 157].

Во второй половине XVIII в. в дворянской среде превалирует накопившееся пренебрежение нормами воспитания и образования в связи с увеличением привилегий высшего сословия. В 1750 г. школу при Сенате, учрежденную с целью подготовки к госслужбе молодых дворян, последние уже не посещают. Ценностное отношение к просвещению как со стороны педагогического состава, так и ученичества сохранялось в Сухопутном кадетском корпусе и Морской академии, в которых процесс обучения был ориентирован, в большей степени, на специализированное знание. Соответственно, социокультурная значимость изучения иностранных языков в этих учебных заведениях отражала необходимость их применения в профессиональной сфере. Сухопутный кадетский корпус обеспечивал подготовку дворян к государственной службе, где среди иностранных языков предпочтение отводилось немецкому языку, в то время как выпускников Морской академии отправляли в Англию для углубленного изучения английского языка, так как его знание было необходимо в морском деле [3, с. 741-742].

Востребованность государства в образованной и нравственной личности и осознание необходимости в «генеральном обучении» способствовало учреждению в России, Москве, в 1755 г. первого университета для дворян и разночинцев, по примеру европейских университетов. Чтение лекций в Университете осуществлялось либо на латинском, либо на русском языке, с одной стороны, в зависимости от принадлежности профессора к государству (русский или иностранный), с другой – «по приличеству материи» (§ 9) [25]. Поэтому изучению русского и латинского языков была отведена важнейшая роль в образовательно-воспитательном процессе, а владение ими подчеркивало достоинство дворянского рода. Представитель дворянского сословия, желающий обучаться в Университете, должен владеть латинским и иностранными языками [26], а также основами начальных наук.

В структуре Московского университета выделялись три факультета: философский, юридический и медицинский. Обязательное обучение на философском факультете соответствовало базовому, высшему, уровню образования и свидетельствовало о формировании не только знания, но и определенного уровня культуры студента, способному быть вовлеченному в межкультурное пространство. После окончания философского факультета можно было продолжить специализированное обучение либо на юридическом, либо на медицинском факультете.

Проект учреждения Московского университета предписывал жесткую организацию учебного процесса. В документе отсутствует методика обучения иностранным языкам, однако «дисциплина» образовательного процесса предполагала, что «каждый профессор должен, по крайней мере, два часа в день, выключая воскресные и в табели предписанные праздничные дни, также и субботу, в университете доме публично и не требуя от слушателей особливой платы о своей науке лекции давать, кроме того, вольно ему за умеренную плату кого хочет приватно обучать только чтоб оттого в его публичных лекциях никакой остановки и препятствия не происходило» (§ 6). Формально утвержденный институт частного обучения, с нашей точки зрения, мог способствовать углубленному специализированному знанию, соблюдая, при этом, программу и содержание публичного образования.

Выбор определенной методики обучения и учебной литературы в целях

усовершенствования понимания и усвоения дисциплины носили императивный характер и принимались в присутствии директора и совета профессоров (§ 7-8). На изучение каждой науки (дисциплины) отводился один год. Контроль знаний проводился два раза в год, перед наступлением «vakанций», посредством проведения диспутов. Перед обсуждением изученного материала один студент представлял краткое содержание курса на латинском языке, другой, по окончании – резюмировал на русском языке. Такой подход подчеркивал значимость международного научного языка, способствовал заимствованию стандартов западноевропейского образования и вовлечению русской аристократии в систему европейских ценностей.

Привилегированное положение директора, профессоров, учителей и в целом Московского университета в структуре организации социального порядка общества (см. § 2-3) свидетельствует о его автономности. Тем не менее, создание университета в Москве, в большей части, соответствовало социокультурным потребностям государства в образованных гражданах, особенно, в отношении дворянского рода, а географическое положение города позволяло принять на обучение учеников из соседних местностей [25].

В связи с неразвитостью и отсутствием начальных и средних учебных заведений, формирующих необходимый уровень знания, позволяющего продолжить обучение на следующем уровне, при Московском университете были учреждены две гимназии, одна из которых предназначена для обучения высшего сословия, а другая – разночинцев (§28). Национальная идея народного просвещения, заложенная Петром I, являлась основой создания учреждений системы образования в Москве, что частично наблюдалось в их структуре. В частности, основа структурного деления Гимназии на школы (российскую, латинскую, «первых оснований наук» и «знатнейших европейских языков») соответствовала целям обучения в Академической гимназии, где значительная роль была отведена изучению языков (§ 29) [25]:

- обучение в российской школе было направлено на изучение грамматики и чистоту стиля, «стихотворства» и «оратории»;
- в латинской школе ученики осваивали основы латинского языка, технику перевода с русского языка на латинский и, наоборот, знакомство с литературой на латинском языке;
- почетное место основных наук сохраняли: арифметика, геометрия, география и основы философского знания;
- в школе иностранных языков – в двух нижних классах молодые дворяне изучали грамматику и лексику немецкого и французского языков с переводом на русский язык, в двух старших классах – чистоту стиля изложения упомянутых языков.

Одновременно утвержденный Проект предписывал свободу выбора групп изучаемых дисциплин в гимназии в зависимости от потенциальной профессиональной деятельности (например, духовная сфера (искусство) или военная служба). В таком случае, по желанию родителей, можно было исключить из образовательной программы изучение латинских языков и/или некоторых основ наук. Немаловажно отметить, что законодательством допускалось изучение только немецкого или французского языка, способность к которым определяли педагоги [25].

Таким образом, в первой половине XVIII в. были заложены основы формирования российской культуры под влиянием западноевропейских традиций. Формирование культурного пространства требовало от государства проведение образовательных реформ, направленных на создание и развитие регулярных учреждений различного

уровня образования, которые, в своем большинстве, размещались в Санкт-Петербурге.

Основную роль в социокультурном освоении культурных европейских норм выполняли иностранные языки как источник трансформации всех сфер жизнедеятельности и средство адаптации к наметившимся преобразованиям в интересах государства. Вовлечение высшего сословия, как основного актора, в культурно-образовательный процесс объяснялось сформировавшейся практикой приобретения социокультурного опыта за границей, что, с точки зрения экономических затрат, было возможно только для дворян. Поэтому, на данном этапе, иностранные языки (преимущественно немецкий) были ориентированы на получение технического знания, что в масштабах культуры было недостаточным для воспитания нравственной личности.

В 1720-ые гг. в Российской империи наблюдаются первые попытки формирования основ системы гуманитарного знания, где важная роль отводится классическим международным языкам – латинскому и греческому. Однако для освоения этих языков необходим немецкий язык, признанный базовой дисциплиной. Немецкий язык служит инструментом (средством) диалога между иностранным учителем и русским учеником и входит в программы общеобразовательного обучения.

Преобладание специализированных учебных заведений (Морская академия, Кадетский корпус и др.), ориентированных на военно-техническое знание, с одной стороны, способствовало стратегическим интересам России, но, с нашей точки зрения, препятствовало формированию культурного пространства. С другой стороны, такое знание, отчасти включающее «гражданский курс обучения» и основанное на изучении немецкого и французского языков, также занимало важное место в системе воспитания русского столичного дворянства.

С учреждением классического университета в Москве, отвечающего западноевропейским образовательным стандартам, в Российской империи формируются предпосылки элитарной культуры, где ключевая роль отводится воспитанию и становлению морально-нравственной личности, в образовании которой преобладает латинский язык. Тем не менее, рассматривая систему начального гимназического образования в период с 1727 по 1755 гг. как в Санкт-Петербурге, так и в Москве, целесообразно выделить дифференцированный подход к выбору дисциплин, которые необходимы ученикам, в качестве предшествующих, для получения потенциального специализированного образования и дальнейшей профессиональной (служебной) деятельности. На этот процесс оказал влияние развивающийся институт домашнего обучения, который является отдельным предметом исследования.

Библиография

1. Фирсов Н. Н. Петр I Великий, Московский царь и император Всероссийский. Петр Великий как хозяин. М.: Директ-Медиа, 2012. Университетская библиотека онлайн. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=97870> (дата обращения: 07.09.2023).
2. Глушкова В. Г. Дворцы Санкт-Петербурга. Наследие Романовых. М.: Вече, 2018.
3. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Директ-Медиа, 2016. Университетская библиотека онлайн. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=38885> (дата обращения: 11.11.2023).
4. «Регулярная академия учреждена будет...»: образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / науч. ред. и сост. И. Федюкин, М. Лавринович; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Школа актуальных гуманитарных исследований. М.: Новое издательство,

2015. Университетская библиотека онлайн. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=363071 (дата обращения: 17.10.2023).
5. Кинан П. Санкт-Петербург и русский двор, 1703–1761 / перевод с англ. Н. Л. Лужецкая; научн. ред. перевода Е. В. Анисимов. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
6. Вебер, Ф. Преображенная Россия / пер. П. П. Барсов. М.: Директ-Медиа, 2010. Университетская библиотека онлайн. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=64301> (дата обращения: 11.11.2023).
7. Сурина О. П. Иностранные языки в системе образования России XVIII века // Педагогическое образование. 2008. № 3. С. 74-84.
8. О посылке в Венецию, Францию и Англию дворянских детей для определения в морскую службу (Именной указ, данный адмиралу Апраксину 2 марта 1716 г.) // П.С.З., т. V. Сб. док. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937.
9. Неплюев И. И. Жизнь Ивана Ивановича Неплюева. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1892. Университетская библиотека онлайн. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=71495> (дата обращения: 20.10.2023).
10. Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. Москва: Унив. тип. (М. Катков и К°), 1887. Университетская библиотека онлайн. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=72666> (дата обращения: 25.11.2023).
11. Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицентных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга. С приложением проекта об учреждении Академии: именной указ, объявленный из Сената. 28.01.1724 / Законодательство Петра I. 1696-1725 годы. М.: Зерцало, 2014. Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/> (дата обращения: 19.11.2023).
12. Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии: по рукописным документам архива Академии Наук. Репр. изд. 1885 г. М.: Директ-Медиа, 2014. Университетская библиотека онлайн. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=52452> (дата обращения: 02.12.2023).
13. Новиков М. В. Становление университетского образования в России // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1, № 4. С. 7-19.
14. Колобкова А. А. Интегративный подход при становлении учебной литературы для иноязычного обучения в Российской империи-XVIII века-первой половины XIX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. №. 6-2. С. 68-72.
15. Костина Т. В. Кто и как преподавал языки в Петербургской академии наук в XVIII в.? // Вивлиофика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2020. Т. 8. С. 159-168.
16. Московкин Л. В. Языковое образование в Академическом университете и гимназии в XVIII веке. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019.
17. Костин А. А. «Русский автор» в 1739 году: Г. З. Байер, И. И. Тауберт и формирование русского школьного канона // Slověne. 2019. Т. 8, № 2. С. 163-197.
18. Устав Кадетского Корпуса от 18.11.1731 г. (опубликован 30.11.1731 г.) // Законодательство императрицы Анны Иоанновны / сост. В. А. Томсинов. – Москва: Зерцало-М, 2009. Университетская библиотека онлайн. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=56112> (дата обращения: 01.04.2023).
19. Малофей А. О. Педагогический вклад И.И. Бецкого в разработку научно-практических основ образования в XVIII веке, как важная структурная единица современной системы образования (на примере кадетских корпусов) // Научно-методические проблемы подготовки инструкторско-педагогических кадров по боевой и физической подготовке для органов внутренних дел : сборник материалов VIII

- межвузовской научно-практической конференции, Ставрополь, 28 апреля 2015 года.
Ставрополь: Издательство «АГРУС», 2015. С. 21-26.
20. Буковская Т. И. Кадетские корпуса: История, этапы становления и развития военного образования в России: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб.: 2003.
21. Об учреждении Кадетского корпуса от 29.07.1731 г. // Законодательство императрицы Анны Иоанновны / сост. В. А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2009. Университетская библиотека онлайн. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=56112> (дата обращения: 01.04.2023).
22. О записке дворян в Кадетский корпус от 04.12.1731 г. // Законодательство императрицы Анны Иоанновны / сост. В. А. Томсинов. – М.: Зерцало-М, 2009. Университетская библиотека онлайн. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=56112> (дата обращения: 01.04.2023).
23. Заяц И. Г. Обучение иностранным языкам офицеров российской армии в XVIII–XIX веках // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2018. № 1(9). С. 54-57.
24. О правилах для публичных испытаний в науках воспитанников Кадетского Корпуса. Доношение (10 сентября 1737 г.) // Законодательство императрицы Анны Иоанновны / сост. В. А. Томсинов. – М.: Зерцало-М, 2009. – С. 204-210. Университетская библиотека онлайн. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=56112> (дата обращения: 01.04.2023).
25. Об учреждении Московского университета и двух гимназий. С приложением высочайше утвержденного Проекта по сему предмету. Исторический факультет МГУ. URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/HisUni/Ustavi/U1755.htm> (дата обращения: 17.11.2023).
26. Замятина М. Р., Черных Ю. Н., Лисов П. Б. Социокультурные условия формирования языковой личности в учебных заведениях России XVIII-начала XX веков // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. Т. 10. №. 5-2. С. 73-75.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Иностранные языки в системе образования российского столичного дворянства в первой половине XVIII в.»

Предметом исследования являются иностранные языки в системе образования российского столичного дворянства в первой половине XVIII в.

Методология исследования. Автор рецензируемой статьи не касается в статье методологии исследования и не раскрывает этот вопрос. Но из контекста изложения текста можно определить, что методология исследования базируется на общенаучных и специальных исторических методах исследования. При написании статьи использованы следующие исторические методы: конкретно исторический, историко-генетический, периодизации и др.

Актуальность. Автор отмечает, что Петр I проводил реформы в стране и «основная роль в реализации замыслов Петра Великого была отведена русской элите», которая, чтобы соответствовать новым задачам, выдвинутым царем-реформатором необходимо было быть образованными, что предполагало и знание иностранных языков, а также создание различных типов учебных заведений, которые могли дать хорошие знания и подготовить нужные кадры. Реформы в системе российского образования последних десятилетий также направлены на повышение уровня образования, особое внимание уделяется и

изучению иностранных языков. Актуальность темы определяется тем, что несомненный интерес представляет изучение иностранных языков и роли иностранных языков в «формировании культуры русского столичного дворянства в первой половине XVIII в.» (элиты того времени).

Новизна статьи определяется постановкой проблемы и задач исследования. Новизна также определяется тем, что в статье сделана попытка объективно показать на основе широкого круга источников показать особенности становления и развития обучения иностранным языкам в учебных заведениях разного типа в первой половине XVIII в.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом можно отнести к научному, но есть и элементы описательности. Структура работы направлена на достижение цели статьи, которая заключается в том, чтобы показать историю внедрения и изучения иностранных языков в учебных заведениях страны в исследуемый период и процесс формирования культуры русского столичного дворянства. В начале статьи автор раскрывает актуальность темы и ее цель. Затем в хронологической последовательности показано как шло внедрение иностранных языков в учебный процесс, какие факторы определяли внедрение в учебный процесс в отдельных учреждениях иностранных языков. Автор отмечает работы, в которых вопрос изучения и преподавания иностранных языков затрагивался (Г. Фик, И. И. Неплюев, Н. И. Костомаров, Д. А. Толстой, И. Э. Фишер и др.). Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен. В статье много интересных данных о методике обучения иностранным языкам, о роли иностранных учителей в обучении иностранным языкам детей дворян, о регламентации изучения языков в тех или иных учебных заведениях, уделяет особое внимание обучению иностранных языков в Академии наук, в Морской академии, Кадетском корпусе, МГУ и т.д., а также о языках, которые преподавались в учебных заведениях в разные годы первой половины XVIII в., о том, как проводилась проверка знаний учащихся и о многом другом.

Библиография статьи насчитывает 28 источников (это монографии, статьи, интернет ресурсы по теме исследования и смежным темам), и в полной мере отвечают цели статьи и ее задачам. Грамотное использование источников дало возможность подготовить интересную и актуальную статью.

Апелляция к оппонентам. Апелляция к оппонентам представлена в полученных автором данных и проведенном автором анализе в ходе работы над статьей. Апелляция к оппонентам представлена также в библиографии

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья подготовлена на интересную тему и будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Угрюмова М.В., Фоменко М.В. Похозяйственные списки и похозяйственные книги 20-х - 40- х гг. ХХ в. как документы по истории сельского управления // Genesis: исторические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.7.75287 EDN: KNUDUI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75287

Похозяйственные списки и похозяйственные книги 20-х - 40- х гг. ХХ в. как документы по истории сельского управления

Угрюмова Мария Викторовна

ORCID: 0000-0001-5717-9214

кандидат исторических наук

доцент; кафедра истории и документоведения; Российский технологический университет МИРЭА

119454, Россия, г. Москва, р-н Тропарево-Никулино, пр-кт Вернадского, д. 78 стр. 4

[✉ mugruymova@mail.ru](mailto:mugruymova@mail.ru)

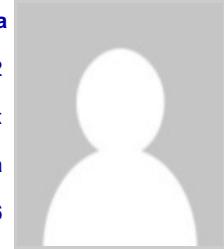
Фоменко Марина Викторовна

ORCID: 0000-0003-0986-2312

кандидат философских наук

доцент; кафедра истории и философии; Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

115054, Россия, г. Москва, р-н Замоскворечье, Стремянный пер., д. 36

[✉ maryfom@mail.ru](mailto:maryfom@mail.ru)

[Статья из рубрики "Историософия, историография, источниковедение"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.7.75287

EDN:

KNUDUJ

Дата направления статьи в редакцию:

24-07-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования явились похозяйственные списки и похозяйственные книги 20-40-х гг. ХХ века. Объектом исследования были определены особенности и технологии разработки и введения в делопроизводственную деятельность сельских советов форм документов для учета жителей и хозяйств на уровне сельских

территорий. Основными аспектами исследования стали особенности и условия появления похозяйственных списков и похозяйственных книг в системе сельского администрирования в условиях начального становления органов власти на местах, коллективизации и войны. Начальной хронологической датой определен 1927 г., когда в сельской системе управления появились похозяйственные списки, которые с 1935 г. правительство официально заменило похозяйственными книгами. Конечной датой исследования явилось окончание войны и переход к управлению в условиях становления мира. В качестве основных источников автором использованы правительственные материалы и книги Усть-Ницинского сельского совета Свердловской области, а также других территорий России. Автором были использованы специальные методы документоведения и источниковедения: метод унификации и стандартизации документов; метод формуллярного анализа; метод экспертизы ценности документов, хронологический метод и метод источниковедческого анализа. Основным ограничением исследования явилось отсутствие оцифрованные материалов на официальном уровне, что усложнило поиск, получение и обработку материалов. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в хронологическом порядке проанализированы условия и особенности разработки, заполнения, использования и хранения таких форм документов как похозяйственные списки и похозяйственные книги в системе сельского администрирования в период 20-40 гг. XX в. на территории СССР. Похозяйственные списки и книги явились уникальным и основным историческим источником по истории сел, сельских артелей, колхозов и совхозов, сельских школ, больниц и других учреждений, поскольку даже косвенные данные дают нам четкое представление о: жителях и работниках, структурах семьей (родственный состав, гостевой состав, поколенный состав, численный состав, возрастной состав, дети и взрослые, главенство в семье), трансформации семьи по годам, в том числе и в части исторических событий; наименований коллективных и сельских хозяйств, должностях и прочее, что стало очевидным при изучении ПХК Усть-Ницинского сельского совета.

Ключевые слова:

похозяйственные списки, похозяйственные книги, исторический источник, документ, администрирование, сельский совет, управление, хозяйство, архив, постановление

Похозяйственные списки и похозяйственные книги (ПХГ) в истории отечественных органов сельского самоуправления, сельской экономики, состояния населения и этнодемографических аспектов становятся все более востребованным источником информации для исследователей самых разных направлений. Подворные карточки и подворные переписи дореволюционной России ушли в прошлое, а перед складывающейся новой структурой администрирования на местах, в условиях коллективизации и преодоления голода, стояли другие задачи по учету. Первичный учет в сельских советах, создававшийся по инициативе с мест, до сих поря является востребованным и уникальным событием в управлении сельскими территориями России, о чем говорит живучесть похозяйственных книг, которые сегодня переживают новейший этап своей жизни - цифровую трансформацию.

К похозяйственным книгам и спискам в своих исследованиях обращаются ученые различных направлений науки, краеведы, генеалоги и родоведы. Самой большой группой исследователей, обращающихся к похозяйственным книгам являются авторы трудов об этнографии, этнологии и истории отдельных народов, среди которых стоит

выделить работы А. Е. Тер-Саркисянца [18], Е.В. Фадеевой [20, 21], А. В. Юсуповой [26], Г. Р. Столяровой [17], А. Ю. Васькиной [2], Л. Р. Павлинской [12], А. Н. Ямскова [27], А. Г. Воропаевой [4]. Особняком стоят труды краеведов, родоведов и генеалогов, источниковой основой для которых также стали похозяйственные книги (см., например, А. В. Пушкин [14], Ю. К. Чернявская [24], А. Д. Магомедов и Х. А. Юсупов [8], А. В. Автаев [11], И.В. Чернова [22], Т. Б. Смирнова [16]). Интерес вызывают исследования в области права (Г. В. Савенко [15]), филологии (Л. Д. Горелова [6]), исторической генеалогии (Н. Ю. Новинкова [11]), истории экономики (Е. А. Волжанина [3], М. А. Мирошкина [9], С. М. Трошина [19], А. А. Гоппе и Н. В. Люля [5]), социологии (В. Л. Шабанов [25]), истониковедения (Ю. А. Ковтуненко [7]).

Предвестниками похозяйственных книг стали похозяйственные списки, о которых в молодом советском государстве ратовали, прежде всего, статистические учреждения. Там, где советская власть устанавливалась, через 2-4 года закладывался и опыт разработки и заполнения похозяйственных списков сельского населения. Из небольшого вопроса об улучшении работы органов власти в деле делопроизводства «похозяйственные списки» вырастали в многогранную проблему в работе с документами в части статистики, демографии, сельского хозяйства (Брянский А. Статистическая методология и практика. К вопросу о похозяйственных списках // Дальневосточное статистическое обозрение. - Хабаровск, Благовещенск - 1927, № 1-2. С.99-104).

Региональная и сельская власть особенно понимали проблемы недоучета и переучета, всевозможных поправок, поэтому вопрос появления похозяйственных списков назревал по всей стране, а появление похозяйственных книг оставалось вопросом времени. Все это направляло местное самоуправление и статистическую мысль на постоянные поиски новых методов учета. К этой идеи с положительным интересом относились и работники низовых структур государственного аппарата, поскольку было очевидным, сельские советы, по многим направлениям своей работы, по-прежнему выполняли роль дореволюционных писарей, собирая разног рода статистические сведения, требуемые разного рода ведомствами. Сельские советы в первые годы, действительно, забрасывались сотнями анкет и учетных документов на самые разные темы. В то же время, не стоит сбрасывать со счетов, что сотрудник сельского совета, работавший с подобного рода информацией, вряд ли ранее с такой работой в своей жизни встречался, а «сборщики» информации, приходившие на помощь, зачастую только усугубляли ситуацию, поскольку являлись малограмотными. Переживая перечисленные трудности, похозяйственные списки, для оптимизации своей работы власти на местах начинали вести по собственной инициативе, создавая некий банк данных на бумажной основе.

Интересен опыт Урало-Сибирских и Дальневосточных территорий, где действия властей определились на основе следующих принципов: а) списки охватывали все населенные пункты, не отнесенные к городским по переписи 1926 г.; б) заполнение списков велось представителями сельского совета путем опроса домохозяев или уполномоченных на то представителей семей, с возможным подтверждением информации другими документами и скреплением всей предоставленной информации личной подписью хозяина (в случае, если у работников сельсовета имеются сомнения, они вправе самостоятельно измерить площади и пересчитать скот); в) учет хозяйств оформлялся в форме прочно переплетенной книги, где весь разворот (две страницы) отводился одному отдельному хозяйству, в том числе однохозяйственному коллективу (например, крестьянскому комитету, школьному посеву).

Списки рассчитывались на пять лет (1927-1931), после чего передавались в статистические органы для дальнейшей обработки, а на местах часть записей переносилась и продолжалась вновь, с расчетом на пять лет.

На деле становилось понятным, что такие списки невозможно вести в режиме постоянно меняющейся ситуации, поэтому подворовые обходы по составлению и изменению списков начинались в конце посевной (примерно с середины июня) и занимали около двух-трех недель. Помимо обозначенных недочетов ведения похозяйственных списков: ошибки, допущенные в спешке при заполнении списков; частые исправления из-за малограмотности работников сельского совета и недоверия местного населения к идеи учета хозяйств.

Тем не менее, уже в первые годы составления похозяйственных списков определились и положительные результаты, к которым местные власти относили следующие: впервые в списки попали населенные пункты, часть из которых ранее никогда не была учтена; все административные органы получили упорядоченную систему сведений о главнейших элементах сельского хозяйства на определенный момент времени, упорядоченную как территориально, так и по содержанию; облегчилась работа сельсоветов по предоставлению информации на ведомственные запросы.

Похозяйственные списки было легче анализировать для дальнейшего ведения статистических данных (количество населенных пунктов и хозяйств; численность населения по полу и возрасту; размеры посевных площадей с указанием сельскохозяйственных культур; численность скота с указанием всех его видов и возраста; виды промысловости хозяйств; численный и внутренний состав коллективных хозяйств; размеры покосов, площадей паровых земель, озимых и общественных запашек).

В 1924-1925 гг. в ряде губерний вышли инструкции по заполнению похозяйственных списков, в этой связи интересна «Инструкция по ведению похозяйственных списков в Омской губернии», где приведены списочные формы: похозяйственный список (76 граф); сводная таблица (75 граф); неземледельческие занятия и промыслы (76 граф) - плотничество, сапожничество, портняжничество, валяние обуви, смолокурение, дёгтекурение, гончарный промысел, извоз, рыболовство, охота, пчеловодство, кузнецкий промысел, мукомольный промысел, маслобойный промысел, маслоделие, слесарный промысел, служба каких-либо учреждениях и предприятиях, свободные профессии (в том числе служение религиозным культурам), торговля. Кроме этого, инструкция содержала список таблиц с нумерацией форм, которые в определенные даты необходимо было предоставлять в районные исполнительные комитеты, которые в свою очередь передавали данные в статистические органы.

Сегодня такой документ, как похозяйственный список в должном сохранном состоянии, обнаружить очень сложно, хотя часть из списков оцифрована. Сохранившиеся документы дают возможность утверждать, что структура списков постоянно менялась в отдельных территориях. в связи с потребностями органов власти. К 1934 г. страна определилась с переходом от списков к книгам, которые за период второй половины 30-х гг. XX в. также сохранились не везде. Несмотря на неполную сохранность, исследователи оценивают похозяйственные книги как документы, дающие возможность представить жизнь наших предков за достаточно продолжительный период времени с информацией об их семьях, имуществе (Павлова М.Г. Похозяйственные книги – важная составляющая в учете сельского населения / Исторический архив Омской области // 38.Pavlova_pohoz_knigi.pdf [https://iaoo.ru/files/articles/2015/38.Pavlova_pohoz_knigi.pdf?](https://iaoo.ru/files/articles/2015/38.Pavlova_pohoz_knigi.pdf)

ysclid=mdg1k4lp34893006122. Дата обращения: 23 июля 2025 г.)).

В январе 1934 г. в «Известиях ЦИК Союза ССР и ВЦИК» было опубликовано постановление Совета народных комиссаров «О первичном учете в сельских советах», целью которого стало упорядочение и упрощение первичного учёта в сельских советах. Советом народных комиссаров СССР был утвержден перечень форм учета первичной документации для сельских советов на 1934 г., где каждая из форм должна была быть утверждена и подписана начальником Центрального управления народнохозяйственного учёта (ЦУНХУ) Госплана Союза ССР, без подписи которого она считалась недействительной. Советы народных комиссаров союзных и автономных республик, краевые и областные исполнительные комитеты обязывались ввести установленные формы первичного учёта, в том числе Похозяйственную книгу учета выполнения государственных обязательств не позднее 1 июля 1934 года. Советам народных комиссаров союзных и автономных республик, краевым и областным исполнительным комитетам впредь разрешалось, до обеспечения их новыми книгами и формами учёта, вести первичный учёт в сельских советах по формам, установленными прежде. Перечень форм и первичной документации, в отличии от похозяйственных списков, уже не мог изменяться без разрешения СНК СССР. Право производить, вызываемые местными территориальными и диалектическими особенностями, упрощения и уточнения форм первичного учёта для сельских советов некоторых республик, краёв и областей без расширения перечня форм учёта, принадлежало только начальнику ЦУНХУ Госплана СССР. Никакие подчистки и, неоговоренные текстовой записью, поправки в похозяйственных книгах не допускались. Книги должны были храниться наравне с денежными и ценностными бумагами.

К Постановлению СНК был приложен перечень форм учета и первичной документации в сельских советах, куда вошли: «Журнал учёта основных производственных показателей колхоза и выполнения им обязательств перед государством»; «Похозяйственная книга основных производственных показателей хозяйств (для колхозников и для единоличников)»; «Похозяйственная книга учёта выполнения населением обязательств перед государством»; «Список хозяйств, объединяемых сельским советом, и расписки о вручении обязательств»; «Записная книжка уполномоченного сельского совета»; «Журнал учёта хода сельскохозяйственных кампаний» (Постановление Совета народных комиссаров №185 «О первичном учете в сельских советах» от 26 января 1934 г. // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 28 января 1934 г. №23).

Стоит отметить, что именно эти позиции стали основой для появления целого ряда новых документов в деятельности сельских советов, среди которых: кассовые книги, книги доходов и расходов бюджета, книги подотчётных лиц, описи инвентаря, ведомости учёта материалов, книги записей актов гражданского состояния (которые сегодня тоже востребованными исследователями таких областей знаний, как краеведение, демография, этнография, генеалогия и родоведение и пр.); книги протоколов заседаний сельских советов.

К середине 30-х гг. XX в. по территориям СССР из центра были разосланы распорядительные документы, а на их основе местными властями разработаны собственные документы. Например, в Журнале Заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Башкирской А.С.С.Р размещено Постановление «Об Изготовлении похозяйственных книг №3 учета выполнения населением обязательств перед государством на 1935 года»(Башкирская АССР. Центральный Исполнительный комитет. Президиум. Журнал заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Башкирской А.С.С.Р : протокол. – Уфа., б.и., 1931-1934. 1934 г., № 109. -

1934).

Необходимость срочно изготовить новый тираж похозяйственной книги сельсоветов по учету выполнения населением обязательств перед государством на 1935 г. была в начинающейся кампании по мясопоставкам. Так, УНХУ БАССР в двухдневный срок должен был с сельских советов собрать данные по необходимому количеству книг и передать заказ в печать Отделения Союзторгучета с переводом на башкирский язык. Закончить печать книг предполагалось не позднее 15 сентября 1934 года. Районные исполнительные комитеты (Рики) были обязаны принять меры к немедленному доведению книг до сельсоветов и организации инструктажа секретарей и счетоводов по ведению этих книг, оказанию практической помощи в их ведении. Контроль за предоставлением книг на места был, исключительно, индивидуальным. Председатели Риков были предупреждены о строгой ответственности и в определенных случаях о привлечении лиц, виновных в «неправильном использовании похозяйственных книг к уголовной ответственности» (Башкирская АССР. Центральный Исполнительный комитет. Президиум. Журнал заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Башкирской А.С.С.Р. – Уфа., б.и., 1931-1934. 1934 г., № 109. – 1934).

Постановлением Совета Народных Комиссаров «О первичном учете в сельских советах на 1935 год» от 20 ноября 1934 г. перечень граф похозяйственных книг был обновлен. Несельскохозяйственное население учитывается в отдельных книгах по форме №2а. Для облегчения подсчётов производственных показателей по сельскому хозяйству в целом и по отдельным группам хозяйств составляются следующие вспомогательные списки: вспомогательный итоговый список по учёту населения и скота; вспомогательный итоговый список обложения сельскохозяйственным налогом; вспомогательный итоговый список начисления страховых платежей; список хозяйств единоличников, облагаемых сельскохозяйственным налогом по доходам от неземледельческих заработков; список хозяйств единоличников, облагаемых сельскохозяйственным налогом по доходам от продажи сельскохозяйственных продуктов по рыночным ценам (Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. Отдел первый. – М., 1948. С.913-916).

В Постановлении СНК «О первичном учете в сельских советах на 1936 год» от 7 декабря 1925 г. сохранялись действующие формы первичного учёта и делопроизводства сельских советов, а новшествами явилось: объединение похозяйственной книги учёта основных показателей хозяйств с книгой по учёту выполнения обязательств перед государством; для учёта рабочих, служащих и прочих групп несельскохозяйственного населения применить похозяйственную книгу упрощённой формы; учёт временно проживающего населения вёлся по упрощённому списку (Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1935 г. Отдел первый. – М., 1947. С.957-958).

Еще через год, в декабре 1936 г. вышло очередное Постановление СНК «О формах первичного учета в сельских советах в 1937 году», по которому: упразднялась специальная форма похозяйственной книги для учета рабочих и служащих, раздел по расчету сельскохозяйственного налога и страховых платежей, вспомогательный список по учету населения и поголовья скота, вводился перечень форм «Список по доведению плана развития животноводства до хозяйств колхозников и единоличников». Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР за 1936 г. № 32-65. Отдел первый. – М.: Гос. изд-во Сов. законодательство, 1936. С.782.

В 1937 г. в СССР вышел сборник законодательных и ведомственных материалов об орденах, почетных званиях, а также о правах и льготах награжденных. Сборник

предназначался как для награжденных, так и для учреждений и должностных лиц, по этой причине данные о награждении вносились, в том числе, в похозяйственные книги. Например, в похозяйственных книгах ставилась особая отметка (в том числе с номером, датой документа, кем выдан), на основании которой определялась льгота (Виноградов Б.М. Ордена и почетные звания. Сборник законов и ведомственных постановлений / Сост. Б. М. Виноградов. - 2-е доп. изд. М.: Сов. законодательство, 1937).

В 1938 г. в соответствии с постановлением ЦИК СССР от 21 марта 1937 г. перечень первичного учета форм (вспомогательные списки к похозяйственной книге) в сельских советах был сокращен Постановлением СНК от 11 августа 1937 года. Сельские советы освобождались от ведения лицевых счетов в похозяйственных книгах, сохраняя за собой обязанность вести книги, за исключением этого изменения (Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1937 г. № 40-76. Отдел первый. — М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. С.508).

В период 1934-1939 гг. формуляр похозяйственных книг фиксировал объем показателей для различных групп сельского населения страны. Данные о колхозниках и единоличниках заполнялись в формулярах по единой форме, а информация по рабочим и служащим, которые не платили сельскохозяйственный налог и не облагались натуральными поставками государству, заносилась по следующим графам и строкам: фамилия, имя и отчество домохозяина; фамилия, имя и отчество домочадцев; национальность каждого члена хозяйств; социальное положение; род занятий; место работы; состав членов семьи по отношению к главе семьи; пол; год рождения; место рождения. Кроме этого, учитывались данные о скоте, приусадебном хозяйстве.

Новый закон о сельскохозяйственном налоге 1939 г. установил особый порядок обложения рабочих и служащих, проживавших на сельских территориях и имевших доходы от ведения собственного сельского хозяйства, которое облагалось налогом наравне с хозяйствами колхозников. Такие данные вносились при условии, если по найму трудился не только глава семьи, но и другие трудоспособные домочадцы (за исключением домашней хозяйки) и если количество скота в хозяйстве не превышало норм, установленных «Уставом сельскохозяйственной артели для колхозников».

В похозяйственные книги первой волны (1935-1940 гг.). вносились основные сведения о личном подсобном хозяйстве: фамилия, имя и отчество, дата рождения гражданина, которому принадлежал земельный участок для ведения хозяйства, а также фамилии, имена, отчества, даты рождения совместно проживающих с ним членов его семьи и участников совместного ведения хозяйства, площадь земельного участка, занятого посевами и посадками сельскохозяйственных культур, плодово-ягодными насаждениями и огородными культурами; количество скота, сельскохозяйственных животных, птиц и пчел; количество и наименования сельскохозяйственной техники и оборудования, транспортных средств. В 1930-е гг. в похозяйственных книгах обозначалось имущественное положение граждан со следующими формулировками: «зажиточный», «бедняк», «середняк». Введение в сельский быт и сельское администрирование похозяйственных книг, имевшее целью наведение порядка в хозяйственной статистике и отчетности сельских советов, дает нам сегодня понять всю сложность ситуации тех лет для страны, которая только пережила начальный период сплошной коллективизации, голод, и, вся ее экономка перестаивалась на «военные рельсы»

Особый интерес сегодня представляют похозяйственные книги второй волны (1941-1945 гг.), совпавшей с периодом Великой Отечественной войны. Явившись уникальным источником по истории тылового села военных лет (именно в тыловых селах этот вид

документа сохранился практически в полном объеме), ПХК предоставляют нам данные по учету социальных, демографических, экономических процессов отдельного населенного пункта и каждой семьи, родившейся здесь, либо эвакуированный с фронтовой территории. Похозяйственные книги к началу войны были лишены субъективных оценок и комментариев, они содержат, в основном, количественные и хорологические данные, что наиболее полно, без предвзятости, позволят изучить отдельные вопросы.

Рассмотрим некоторые вопросы на примере одного из старейших населенных пунктов Свердловской области – села Усть-Ницинское (ранее относившееся к Тобольской губернии).

В администрации Усть-Ницинского сельского поселения сохранилось десять книг периода 1940-1945 годов. Одна из ПХК 1940-1942 гг. села Усть-Ницинского была утрачена, но сохранилась аналогичная книга 1943-1945 годов. Работа с этим видом документа дает очень ценные сведения о ветеранах Великой Отечественной войны (ВОВ), ушедших в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) на фронт из села: фамилия/имя/отчество, возраст, состав семьи, статус в семье, уровень образования, профессия, сфера деятельности, год призыва, данные о смерти (гибели).

Согласно ПХК 1940-1945 гг. села Усть-Ницинского в РККА было призвано или мобилизовано 177 человек, среди которых две женщины – Зиновия Васильевна Калова и Елизавета Романовна Мальцева. Около 59% ветеранов ВОВ по статусу в семье были их главами, т.е. являлись для своих семей основным источником средств для существования. По сути, в результате мобилизации более трети всех домохозяйств было обезглавлено. Из экономики села были изъяты грамотные мужчины (94% ветеранов были грамотными, а 44% имели профессию). Кроме того, в РККА были призваны представители администрации двух колхозов, которые располагались на территории села (бригадиры, заведующие, председатели), что привело к резкому снижению качества управления хозяйством и селом в годы войны.

Похозяйственные книги учета Усть-Ницинского сельского совета (1941-1945 гг.) позволили увидеть данные, когда из семьи уходило на фронт сразу несколько человек. Так Андрей Сергеевич Прохоров 1892 г.р. - глава семьи и три его сына Яков, Павел и Семен были призваны в РККА. В четырех семьях было мобилизовано по три человека: на фронт ушли Прохоров Платон Данилович, Воронин Петр Никифорович, Годунин Василий Дмитриевич, каждый с двумя сыновьями. Из семьи Мухина Алексея Павловича три сына – Степан, Федор и Александр. Кроме того, из двенадцати семей ушло на фронт по два человека. В течение первого года войны было мобилизовано 89,2% новобранцев, и, это свидетельствует о том, что уже на второй год войны мобилизационный потенциал села был фактически исчерпан. В последующие годы призывались только лица, у которых подходил возраст призыва или освобожденные от уголовного преследования граждане.

Существенный интерес представляет анализ возрастного состава жителей Усть-Ницинского, ушедших на фронт по личному желанию или призыву РККА, в соответствии с книгами. Так, 10 человек на момент призыва не достигли совершеннолетия, а 2 человека были старше 50 лет. Например, Гагарину Александру Петровичу и Потапову Ивану Алексеевичу на момент призыва было 54 и 56 лет соответственно. Более половины (54,3%) призывников были в возрасте от 17 до 20 лет. Средний возраст ветеранов составил - 29,5 лет.

Усть-Ницинские похозяйственные книги отразили данные об эвакуированных гражданах СССР: фамилия, имя, отчество; место, откуда был эвакуирован гражданин,

национальность, род занятий и прочие данные. Так, в годы войны в селе появились ветеринар и швея, парикмахер и учитель, а некоторых из них были белорусами, евреями, украинцами.

Советские похозяйственные книги с момента их появления становились фундаментом для других форм документов (похозяйственные карты, списки плательщиков налогов и др.), заполняемых также на местах. В годы войны в СССР были определены пояснения для заполнения Списков плательщиков военного налога, что отразилось в трудовом законодательстве военного времени – «О военном налоге. Инструкция Народного комиссариата финансов от 17 октября 1942», изданной на основании ст. 17 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1941 г. «О военном налоге» (Трудовое законодательство военного времени. Сборник. - 2-е изд. (дополненное). - М.: Профиздат, 1943).

Страницы похозяйственных книг заполнялись в следующей очередности: колхозники и члены их хозяйств; единоличники и члены их хозяйств; остальные плательщики, оплачивающие налог по ставкам, установленным для колхозников и единоличников. В соответствующей строке графы «Категория плательщиков» составителем соответственно вносились: «колхозник», «единоличник», «прочий плательщик». В этой связи, именно похозяйственные книги стали основой для заполнения «Списков плательщиков военного налога», особенно в части граф №№1-5.

В графе №1 указывался порядковый номер хозяйства по похозяйственной книге сельского совета; в графе №2 – порядковый номер граждан по категории плательщиков; графа №3 содержала записи о всех членах хозяйства 18 лет и старшее, в том числе данные о гражданах, освобожденных от налоговых льгот, а также о гражданах, уплачивающих налог по месту работы по ставкам, установленным для рабочих и служащих и других, кроме «колхозников» и «единоличников». Первыми в графе №3 отражались данные о главе хозяйства, далее шли члены семьи по отношению к главе, и, после каждой заполненной строки о члене хозяйства должны была быть оставлена пустая строка (по всей видимости для обозначений по возможным изменениям в ближайшем будущем). Графа №4 содержала информацию о году рождения каждого члена хозяйства, что заполнителям книг рекомендовалось «в необходимых случаях» проверять по документам. В графе №5 указывался род занятий: «колхозник», «единоличник», «домашняя хозяйка», «член промартели», «работаем по найму», «учащийся» и другие. Далее шли графы (6-8), связанные с налоговыми данными и условиями исчисления самого налога для каждого члена хозяйства, высчитанного налоговым агентом (Трудовое законодательство военного времени. Сборник. - 2-е изд. (дополненное). - М.: Профиздат, 1943).

В середине 50- х гг. XX вв. в районных органах власти неоднократно слушались вопросы о проверке размеров приусадебных участков колхозников и не колхозников, проживавших на землях сельских хозяйств и наведении порядка в записях похозяйственных книг военных лет (см., например, Государственный архив Ставропольского края. Ф.Р-3464. Оп.1. Д.90. Л.85-86).

Как правило, сегодня похозяйственные книги хранятся в администрациях сельских советов, но часть книг более раннего периода, либо периодов изменений административных границ сельских советов или районов, уже передана в государственные архивы субъектов Российской Федерации, муниципальные архивы районов. Например, в муниципальном архиве – отделе Администрации Усть-Ишимского муниципального района Омской области имеется тридцать архивных фондов,

содержащих в своем составе похозяйственные книги, большинство из которых попали в фонды архива, как раз, по причине территориальных и административных изменений. В Государственном архиве Иркутской области насчитывается более двух ста архивных фондов, содержащих в своем составе похозяйственные книги.

Похозяйственные списки и книги явились уникальным и основным историческим источником по истории отечественных сел, сельских артелей, колхозов и совхозов, сельских школ, больниц и других учреждений, поскольку даже косвенные данные дают нам четкое представление о: жителях и работниках, структурах семьей (родственный состав, гостевой состав, поколенный состав, численный состав, возрастной состав, дети и взрослые, главенство в семье), трансформации семьи по годам, в том числе и в части исторических событий; наименований коллективных и сельских хозяйств, должностях и прочее. Внимание к таким документам сегодня должно быть особым со стороны местных властей и архивных структур, поскольку книги передаются в архивы в достаточно хаотичном порядке, хранятся в администрациях недолжным образом, при том при всем, что уже новые ПХК ведутся в цифровом формате, а книги прошлых лет так и не удостоились особого внимания по процедуре оцифровки.

Библиография

1. Автаев А.В. Поездка на родину предков (деревня Киприно Пермского края и село Новая Малыкла Ульяновской области). В сборнике: Материалы 14-й Уральской родоведческой научно-практической конференции. Екатеринбург, 2023. С. 62-64.
2. Васькина А.Ю. Похозяйственные книги как источник по изучению депортации и калмыцкого народа: перспективы и проблемы // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2023. № 11. С. 373-377. DOI: 10.37386/2687-0592-2023-11-373-377.
3. Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX – начале XXI века: Диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.07. Тюмень, 2007. 199 с.
4. Воропаева А.Г. Динамика этнической идентичности украинцев Молчановского района Томской области в 1950–1970-е гг. (по данным похозяйственных книг) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 2 (22). С. 45-53. DOI: 10.17223/22220836/22/5.
5. Гоппе А.А., Люля Н.В. Личное подсобное хозяйство колхозной крестьянской семьи Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (по материалам похозяйственных книг) // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28. № 4. С. 63-68. DOI: 10.15372/HSS20210409.
6. Горелова Л.Д. История фамилий жителей с. Чигорак Борисоглебского района Воронежской области: 1746–2010 гг.: Автореферат дисс. ... кандидата филологических наук : 10.02.01. Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2011. 19 с.
7. Ковтуненко Ю.А. Похозяйственная книга как исторический источник (по фондам Государственного архива Иркутской области). В сборнике: Краеведение Приангарья. Материалы II краеведческих чтений. Иркутск, 2020. С. 161-177.
8. Магомедов А.Д., Юсупов Х.А. Похозяйственные книги сельсоветов 30-40-х годов XX века как уникальный источник по культуре Дагестана советского периода // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2017. № 11. С. 111-117.
9. Мирошкин М.А. Налогообложение крестьянства в похозяйственных книгах Урала 1930-х годов // Историко-педагогические чтения. 2007. № 11. С. 150-155.
10. Мирошкин М.А. Похозяйственные книги сельсоветов как источник информации о сельском населении 1930-х годов // Историко-педагогические чтения. 2005. № 9. С. 166-171.
11. Новикова Н.Ю. Домовые и похозяйственные книги как источники в генеалогическом исследовании. В сборнике: Генеалогия и семейная история населения Средней и

- Нижней Волги и Дона. Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества. Материалы докладов Всероссийского коллоквиума Российской генеалогической федерации и Международной научной конференции, посвящённой 10-летию Царицынского генеалогического общества. Волгоград, 2017. С. 221-230.
12. Павлинская Л.Р. Похозяйственные книги как этнографический источник. В сборнике: Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты Музея антропологии и этнографии РАН в 2014 г. Ответственный редактор: Ю.К. Чистов. Санкт-Петербург, 2015. С. 308-314.
13. Пригарин А.А., Стороженко А.А. Традиционные варианты сетевых сообществ в доцифровую эпоху: староверы-часовенные Сибири по данным похозяйственных книг 1920–1950-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 54-76. DOI: 10.17223/2312461X/38/4.
14. Пушкин В.П. Похозяйственные книги колхозников как источник по истории крестьянского хозяйства Верхокамья 1940–1942 гг. В сборнике: Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2021. С. 140-148. DOI: 10.18101/978-5-9793-1674-1-140-148.
15. Савенко Г.В. Похозяйственная и земельная шнуровая книги как источники информации о правах на земельные участки // Публично-правовые исследования. 2013. № 4. С. 4.
16. Смирнова Т.Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX-начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы: Автorefерат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.07. Ин-т археологии и этнографии РАН. Омск, 2009. 49 с.
17. Столярова Г.Р. Похозяйственные книги Советов местного самоуправления как источник для изучения этнодемографических процессов в современном селе (пример с. Старое Суркино Республики Татарстан) // Историческая демография. 2009. № 2 (4). С. 79-81.
18. Тер-Саркисянц А.Е. Похозяйственные книги сельских администраций как этнографический источник для изучения семьи // Проблемы и методы исследований современной семьи. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 45-50.
19. Трошина С.М. О ведении похозяйственных книг в современных условиях // Законодательство и экономика. 2013. № 4. С. 25-32.
20. Фадеева Е.В. Похозяйственные книги и актовые записи как источники по современной этнографии негидальцев // Историческая демография. 2011. № 1 (7). С. 80-82.
21. Фадеева Е.В. Похозяйственные книги и актовые записи как источники по современной этнографии нивхов. В сборнике: Восьмая Дальневосточная конференция молодых историков. Сборник материалов. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. 2004. С. 268-274.
22. Чернова И.В. История и культура украинских переселенцев д. Новорождественка конца XIX – начала XX в. по архивным материалам. В сборнике: Этнография Алтая и сопредельных территорий. Материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. 2015. С. 169-171.
23. Чернова И.В. Семья и хозяйство восточнославянского населения Омского Прииртышья в 1930–1950-е гг. по данным похозяйственных книг // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 4 (12). С. 99-104.
24. Чернявская Ю.К., Дегтярева О.В., Колоткин М.Н. История села Кольцовка: по

- материалам похозяйственных книг 1946–1949 гг. // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2018. № 6. С. 129-137.
25. Шабанов В.Л. Динамика уровня жизни сельского населения России в условиях социально-экономической трансформации села: Автореферат дис. ... доктора социологических наук: 22.00.03. Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2017. 42 с.
26. Юсупова А.В. Этнический состав села Быстрый Исток: история и современность (по материалам анкетирования населения и похозяйственным книгам села) // В сборнике: Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2007 г.: Археология, этнография, устная история. 2009. С. 188-191. EDN: SGEXT.
27. Ямсков А.Н. Как с помощью похозяйственных книг узнать то, чего в них не записано // Вестник антропологии. 2017. № 4 (40). С. 119-132. DOI: 10.5281/zenodo.1156903.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня на наших глазах происходит возрождение экономического потенциала российской деревни, в связи с чем представляется важным обратиться к изучению советского опыта формирования села. Конечно, советский опыт далеко не однороден: сравним, например, нэповские 1920-е гг. и период коллективизации 1930-х гг. В этой связи вызывает интерес обратиться к системе сельского самоуправления 1920-х гг. в Советской России, когда на смену старым формам активно приходили новые.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются похозяйственные списки и похозяйственные книги 1920-х - 40- х г. как документы по истории сельского управления. Автор ставит своими задачами проанализировать библиографию вопроса, рассмотреть похозяйственные списки различных волн, а также определить роль похозяйственных книг и списков как уникального источника.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать похозяйственные списки и книги как источник по истории сельского самоуправления и экономики. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 30 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников отметим материалы Государственного архива Ставропольского края, опубликованные документы и материалы. Из используемых исследований отметим работы А.Ю. Васькиной, А.Д. Магомедова и Х.А. Юсупова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения похозяйственных списков. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто

интересуется как русской деревней, в целом, так и источниками по русской деревне в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "уже в первые годы составления похозяйственных списков определились и положительные результаты, к которым местные власти относили следующие: впервые в списки попали населенные пункты, часть из которых ранее никогда не была учтена; все административные органы получили упорядоченную систему сведений о главнейших элементах сельского хозяйства на определенный момент времени, упорядоченную как территориально, так и по содержанию; облегчилась работа сельсоветов по предоставлению информации на ведомственные запросы". В работе показано, что "сегодня похозяйственные книги хранятся в администрациях сельских советов, но часть книг более раннего периода, либо периодов изменений административных границ сельских советов или районов, уже передана в государственные архивы субъектов Российской Федерации, муниципальные архивы районов". Так, например, отмечает автор, "в муниципальном архиве – отделе Администрации Усть-Ишимского муниципального района Омской области имеется тринадцать архивных фондов, содержащих в своем составе похозяйственные книги, большинство из которых попали в фонды архива, как раз, по причине территориальных и административных изменений".

Главным выводом статьи является то, что

"списки и книги явились уникальным и основным историческим источником по истории отечественных сел, сельских артелей, колхозов и совхозов, сельских школ, больниц и других учреждений".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекции по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Макаров Е.П. Этнокультурная составляющая пребывания британской регулярной армии в западном приграничье Виргинии в середине XVIII в // Genesis: исторические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.7.71480 EDN: KOLUEJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71480

Этнокультурная составляющая пребывания британской регулярной армии в западном приграничье Виргинии в середине XVIII в.

Макаров Егор Павлович

ORCID: 0000-0002-1105-0260

кандидат исторических наук

доцент; кафедра "Философия и социально-гуманитарные науки"; Самарский государственный технический университет

443100, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Циолковского, 1

✉ egor.makarov.esq@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.7.71480

EDN:

KOLUEJ

Дата направления статьи в редакцию:

14-08-2024

Аннотация: В статье рассматриваются этнокультурные аспекты присутствия британских регулярных войск на колониальной границе Виргинии в середине XVIII в. Предметом исследования выступают морально-этические установки, которых придерживались британские солдаты, расквартированные в фортах западного приграничья Виргинии. Объектом исследования выступают экономические, культурные и политические процессы, которые сопровождали пребывание британской армии в Виргинии и на которые солдаты и офицеры были вынуждены реагировать сообразно собственным представлениям о государственных интересах и региональной специфике их службы. Важное внимание уделено анализу бытовых представлений британских солдат о проявлении лояльности королю и местной колониальной администрации. Особая роль отводится изучению формирования у британских солдат представлений о собственной идентичности, обусловленных постоянным контактом с потенциально враждебными

представителями французских колоний и местными индейскими племенами. В своей работе автор использует хронологический и историко-сравнительный методы исследования, которые позволяют произвести более полный анализ процесса формирования у солдат британской регулярной армии представлений о вопросах собственной лояльности и идентичности, характерных для западного приграничья Виргинии середины XVIII в. В качестве выводов проведённого исследования можно сформулировать несколько тезисов. Во-первых, британские этнокультурные стереотипы были исторически понятны Франции, однако оказались совершенно чуждыми коренному населению Северной Америки. После окончания Франко-индийской войны 1754–1763 гг. всё чаще стали проявляться негативные этнокультурные стереотипы по отношению к племенам. Во-вторых, на фоне отсутствия у Великобритании желания поддерживать союзы с индейцами, после 1763 г. произошло резкое охлаждение взаимоотношений с ними. Новые способы поддержания обороноспособности на колониальной границе включали культивирование среди солдат мировоззрения, согласно которому индейцы и белые представлялись чуждыми друг другу. Нежелание привыкать к несправедливым условиям отношений стало причиной приграничных конфликтов, продолжавшихся в период 1763–1766 гг. В-третьих, восстание Понтиака можно рассматривать как вариант антиколониалистского выступления племён, которые утратив своего союзника в лице Франции, потеряли возможность выстраивания равноправных торговых и дипломатических взаимоотношений с европейцами.

Ключевые слова:

Великобритания, Виргиния, Франко-индийская война, восстание Понтиака, Северная Америка, колониальная политика, лояльность, идентичность, британская армия, восемнадцатый век

Исследующие военную историю колоний Северной Америки учёные по традиции уделяют большое внимание анализу боевых действий, проблем тактики и стратегии, а также рассмотрению биографий отдельных персонажей, внёсших значительный вклад в дело войны и мира. Большинство подобных исследователей, также как Стивен Брамвелл и Джюлиан Корбетт признают, что комплексный анализ британского военного присутствия в Северной Америке попросту невозможен без изучения повседневного быта солдат и офицеров, обусловленного сопровождавшими его локальными экономическими, политическими и культурными явлениями [\[1, 2\]](#).

Важное место в формировании особенностей армейской повседневности занимают этнокультурные явления и процессы, которые объективно менее изучены по сравнению с экономическими и политическими аспектами. Историк Уолтер Борнеман отмечал, что особая историческая ценность исследования данных процессов и явлений заключается в том, что вооружённые столкновения на колониальной границе на протяжении большей части XVIII в. представляли собой противостояние сторон, которые были разделены не только разной государственной принадлежностью, но что не менее важно, этнокультурной идентичностью [\[3\]](#).

Постепенно развивавшийся на западе Виргинии колонизационный процесс последовательно устанавливал всё новые линии демаркации. Сопутствовавшие колонизации вооружённые конфликты трансформировали огромное социокультурное пространство Америки, а их итогом часто становилось преобладание одних этносов над

другими [4]. На месте одних форм этнокультурной идентичности возникали другие, в том числе и малозаметные ранее варианты множественной идентичности, и её носителями в первую очередь становились британские солдаты и офицеры. Пребывавшая на колониальной границе регулярная армия сильнее всего ощущала этнический аспект вооружённых конфликтов, поскольку независимо от идеологических лозунгов, боевые действия всегда имели этнокультурную составляющую, заключавшуюся в представлениях противников друг о друге. Даже официальные названия войн, которые Великобритания вела в Северной Америке для защиты собственного колониального пространства, подчёркивали этнокультурную природу конфликта. Рассматривая период середины XVIII в., в данную логику укладывались Франко-индейская война 1754-1763 гг. и война Понтиака 1763-1766 гг. [5, с. 1239-1246].

В Виргинии XVIII в. главными носителями британской идентичности были именно регулярные королевские войска. Своим постоянным присутствием на колониальной границе армия укрепляла имперские институты и показывала коренным народам потенциальную опасность противодействия им. В то же время представления центрального правительства о пребывавшей в колониях регулярной армии часто вовсе не соответствовали реальности, ведь длительное взаимодействие с местным сообществом и с потенциально враждебными соседями постепенно и часто незаметно преобразовывало взгляды военных на собственную этнокультурную идентичность. Данные процессы непосредственным образом были связаны с пребыванием британских регулярных войск в колониях, и в особенности касались взаимодействия с социальными группами представителей иной этнической, национальной или региональной принадлежности [6].

В условиях колониального пространства Северной Америки XVIII в. поле боевых действий было пространством, где естественным образом пересекались носители различных этнических идентичностей. Военные конфликты всегда сосредотачивались на национальных и государственных границах, и даже в мирное время взаимодействие соседствовавших сторон всегда имело этническую окраску [7, р. 23-48]. На примере широкого пространства виргинского западного приграничья на всём протяжении XVIII в. вплоть до начала Американской войны за независимость можно было наблюдать деление на «свой народ» и находившийся за пределами зоны его расселения «чужой народ». В самые драматические периоды обострения взаимоотношений с соседствовавшими индейскими племенами региона или французскими колонистами, британские солдаты однозначно воспринимали их как врагов, в отношении которых временно снимался запрет на убийство. Важно понимать, что местные жители виргинского западного приграничья, а также солдаты и офицеры регулярной британской армии всегда умели отличать «свой народ» от «чужого народа» [8, с. 3142-3150]. Для этого применялись испытанные временем средства дифференциации, такие как культурные, языковые и религиозные особенности соседей. На практике дифференцировать «своих» и «чужих» было достаточно просто, ведь в абсолютном большинстве случаев культура, язык и религия французов, испанцев и коренных жителей региона сильно отличались от тех, которые характеризовали жителей сопредельных британских провинций Северной Америки [9].

Центральной власти Британской империи всегда был необходим потенциально враждебный «чужой народ», культурные различия которого определяли бы потенциальную или реальную возможность прибегнуть к насильственному характеру взаимоотношений с ним. Идеологический контекст пребывания британского воинского

контингента в Северной Америке всегда востребовал проверенный временем постулат о том, что защита протестантизма требует противодействия франко-испанской католической угрозе. Для абсолютного большинства британо-американских колонистов было очевидно, что идея британской империи имела в основе протестантскую веру, общую для всех граждан империи [\[10, с. 125-132\]](#).

В современном понимании, определение британцев как единого народа было наднациональной идентичностью, совершенно не означавшей, что английское ядро в культурном и политическом плане поглотило шотландскую и валлийскую периферию. Напротив, без явного англоцентризма за счёт религиозно-политических интеграционных возможностей протестантской веры, происходило реальное объединение национальных интересов англичан, шотландцев и валлийцев. При этом именно британская регулярная армия стала мощным инструментом продвижения этой наднациональной идентичности во всех частях стремительно разраставшейся империи. Подобную имперскую идентичность можно считать множественной, поскольку само её перманентное конструирование происходило параллельно расширению территории империи. Одним из наиболее ярких примеров носителей такой множественной идентичности были шотландцы, открыто демонстрировавшие свою локальную горскую принадлежность непосредственно в процессе ведения боевых действий в защиту интересов Британской империи [\[11\]](#).

Британская регулярная армия стала проводником, который привнёс явление множественной идентичности в культурное пространство Виргинии и других североамериканских провинций. Локальная идентичность виргинца или американца поначалу была успешно встроена в имперскую модель и, идентифицируя себя в пространстве колонии, всю первую половину XVIII века местные жители не забывали о том, что расширяя границы провинции, они служат интересам империи, и как поданные монарха несут британскость на неосвоенные пространства Северной Америки [\[12, р. 763-792\]](#). Таким образом, регулярная британская армия и местное ополчение разделяли множественную идентичность, сочетавшую наднациональную, национальную и региональную составляющие до тех пор, пока принадлежность к имперскому государству несла им больше выгод, чем доставляла проблем. Пребывая на территории западного приграничья Виргинии, британские солдаты приобретали ещё и чувство принадлежности к локальному сообществу конкретного региона.

Мобилизация для участия в Семилетней войне востребовала людей из разных частей империи. Сама имперская идеологическая установка предполагала, что в войне с Францией в североамериканском пространстве этой разнородной массе людей предстояло быть едиными в роли носителей британских ценностей и проводников британской политики. После победы в войне ситуация стала более сложной, ведь за счёт присоединения французских территорий в западном приграничье Виргинии империи пришлось иметь дело с ещё большим этническим, религиозным и культурным разнообразием [\[13\]](#).

И во время войны, и в послевоенный период, регулярная армия как внешнее воплощение британской империи должна была поддерживать внутреннюю целостность империи, которая на деле всегда оставалась лишь формальной. На послевоенное усложнение этнокультурной системы региона центральная власть отреагировала привычным способом, попытавшись актуализировать имперскую иерархию этносов с указанием на доминирование победителей над побеждёнными. В подобной вертикальной социально-политической системе метрополия доминировала над колониями, а сами колонии были

неравны в степени своей политической и культурной близости к имперскому центру [\[14, р. 307-328\]](#).

Несмотря на то, что наиболее культурно отдалёнными от метрополии оказалось население отвоёванных у Франции земель, британское правительство было заинтересовано в том, чтобы сохранять баланс отношений, при котором англоговорящее и исповедовавшее протестантизм население американских провинций чувствовало бы своё превосходство над французами, и вместе с тем не забывало о бесспорном доминировании лежавшей за океаном Англии. Имперское пространство объединяло множество народов, связанных с Англией как своей метрополией. В подобных условиях проводником политики поощрения подданных и наказания врагов оставалась именно регулярная армия. Она представлялась центральной власти Великобритании в виде условного обоюдоострого меча, который сокрушал противников и который висел над головами старых и новых подданных короля, напоминая им о необходимости безоговорочного послушания. Для колоний Северной Америки в целом, и Виргинии в частности, регулярная армия была самым явным олицетворением центральной имперской власти. Как наиболее успешный британский интеграционный институт XVIII в., армия позволяла создавать и поддерживать множественную идентичность, объединявшую различные формы самоидентификации с лояльностью империи [\[15, р. 506-536\]](#).

Будучи лишь до некоторой степени однородным организмом, армия обнаруживала этнические различия, как между собственными солдатами, так и между своими военными и солдатами противника. Если французы были исторически хорошо знакомы и понятны с культурной точки зрения врагом, то повсеместно встречавшиеся в виргинском приграничье индейские племена были новым и малоизвестным соседом. Имперская экспансия Великобритании ещё в XVII в. привела к первым политико-культурным контактам с коренными народами региона. По мере того, как армия вместе с колонистами продвигалась на запад, границы провинций расширялись, и вместе с этим менялись концепции отношения к племенам. По сравнению с ситуацией начала столетия, к середине XVIII в. скрытые ранее противоречия между Великобританией и местными коренными народами значительно обострились. Многие племена открыто выступили противниками британцев во Франко-индейской войне 1754-1763 гг., а после поражения французов не сумели выстроить с американскими провинциями Великобритании, а следовательно и с метрополией, необходимых доверительных и конструктивных отношений [\[16\]](#).

В этих культурно-политических процессах послевоенного времени регулярная армия играла очень важную роль, поскольку хорошо усвоенные ею шаблоны имперского мироощущения отводили коренным народам естественный подчинённый статус, которому часто сопутствовало нарочито пренебрежительное отношение. Даже учитывая взаимозависимость колонистов и представителей индейских племён, а также сложную систему их экономического и социального взаимодействия, представители коренных народов на протяжении всего XVIII в. определялись британцами как явно чуждое сообщество, которое было практически невозможно культурно интегрировать в имперское пространство. Американские провинции весь XVII в. и первую половину XVIII в. учились сосуществовать с индейскими племенами, поскольку ни подчинить, ни уничтожить их в короткий срок попросту не представлялось возможным. Франко-индейская война стала в этом плане поворотным моментом, поскольку многие племена открыто выступили на стороне Франции в борьбе за контроль над всем востоком Северной Америки [\[17\]](#).

Великобритания также как и Франция имела индейских союзников. В британском правительстве ясно осознавали, что племена, поддерживая одну из сторон конфликта, всегда преследовали лишь свои собственные интересы. Несмотря на это обстоятельство, как только была одержана победа в войне, потребность британцев в коммерческом и военном партнёрстве с племенами практически полностью сошла на нет. Для британских солдат и офицеров даже во время войны, и в особенности в послевоенный период, ценность подобного индейского союзника была крайне сомнительной. Армия долгое время оставалась главным посредником между центральной властью метрополии и племенами, но на всех уровнях это взаимодействие было пронизано влиянием этнокультурных стереотипов [\[18, р. 1-14\]](#).

В основе торгово-экономического и военно-политического взаимодействия британских военных и представителей коренных народов лежала сложная система межличностных договорённостей. Очень часто британцам не удавалось разобраться в истинных мотивах племён и как с противниками-индейцами, так и с союзниками-индейцами, возникали ситуации недопонимания, приводившие к серьёзным конфликтам. Находившимся в регионе западного приграничья Виргинии офицерам как представителям центральной власти прямо предписывалось поддерживать формальные отношения со всеми племенами, выразившими желание такие контакты установить [\[19, р. 39-76\]](#).

При этом в основе взаимодействия коренных народов с военными лежало множество уровней соподчинения интересов. В такой сложной системе взаимодействия и интересов, зачастую коренным образом противоположенных друг другу, неудивительно, что между британскими военными и индейскими племенами, дружелюбными или нет, часто возникали недоразумения, недопонимания и конфликты. Стоит признать, что на институциональном уровне регулярная армия, как главный проводник государственной политики, стремилась поддерживать конструктивные формальные отношения с коренными народами. Это включало установление политических или военных союзов, а также торговых связей [\[20\]](#).

Гибкость данной модели взаимоотношений заключалась в том, что по мере необходимости британские военные переходили от одного этнокультурного стереотипа об индейцах к другому, представляя представителей коренного населения региона как дикарей, или хитрых и потенциально вероломных союзников, или высококвалифицированных проводников и разведчиков. Данное оперирование стереотипами всегда преследовало целью извлечение максимальной выгоды из взаимоотношений с представителями коренных народов. Оборотной стороной оперирования стереотипами были манипуляции самих племён. Индейцы умело использовали патерналистские установки и британцев, и французов, вследствие чего всегда получали желаемые товары и военное снаряжение. Племена стремились показать британцам преимущества добрососедских отношений, но не были наивными настолько, чтобы полностью и безоговорочно принять подчинённое положение. Несмотря на то, что этнокультурные практики противоположенной стороны чаще всего принимались именно представителями коренных народов, они также стремились всячески демонстрировать самобытность собственных традиций и форм культурного устройства, от выживания в дикой природе до символического обмена дарами, курения трубки мира, ритуалов скальпирования и каннибализма [\[21, р. 247-279\]](#).

Поражение французской стороны в войне и изменение колониальных границ после заключения Парижского мира 1763 г. существенно изменили общую военно-политическую ситуацию на огромных пространствах западного приграничья Виргинии.

Хрупкий дипломатический баланс отношений между Францией, Великобританией и индейскими племенами был нарушен, и британская сторона по праву победителя решила насилием навязать коренным жителям региона менее выгодную для них, патерналистскую систему взаимоотношений. В её основе лежали идеи жёсткого и безапелляционного предъявления сопредельным племенам собственных условий, чему часто сопутствовали откровенно ксенофобские практики. В воззваниях к коренным народам, в большей или меньшей степени зависимым от политики империи, содержались предложения о поддержании мира на границе и развитии коммерческого обмена на условиях свободного рынка. Однако представители племён не могли рассчитывать на полное равенство возможностей с европейскими колонистами. Применительно к ситуации в виргинском приграничье стоит отметить, что главным медиатором взаимоотношений с племенами все три четверти XVIII в. оставалась не колониальная администрация, а высшие офицеры регулярной армии. После победного окончания Франко-индейской войны 1754-1763 гг. усилиями командующего британскими силами в Северной Америке Джеффри Амхерста торговля с индейскими племенами была поставлена под жёсткий контроль. Все комплементарные дипломатические практики довоенного времени были свёрнуты, а затем произошёл сознательный отказ от традиции преподнесения вождям ценных даров. Главной мерой, на которой настаивал Д. Амхерст, был практически полный запрет на продажу коренным народам британского оружия, боеприпасов и амуниции [22].

С 1763 г. индейцы столкнулись с новыми условиями коммерческого обмена, которые большинство племён сочли крайне невыгодными. Их ропот и протест сначала выражался в стремлении путём переговоров вернуться к довоенным условиям взаимодействия, а после и в открытом крупномасштабном восстании, получившем название войны Понтиака. Меры Д. Амхерста по ограничению торговли с племенами показали высокую эффективность, и после окончательного подавления восстания Понтиака в 1766 г. отношение британцев к коренным народам стало ещё более пренебрежительным. После устраниния Франции как опасного конкурента в процессе освоения долины Огайо, власти метрополии перестали рассматривать индейские племена в качестве потенциального союзника и как следствие, скрывать собственное неприятие к ним [23].

Рассматривая данную ситуацию с точки зрения расхожих этнокультурных стереотипов, стоит отметить, что и британские военные, и жители виргинского западного приграничья отводили племенам исключительно подчинённое положение. За длительный период взаимодействия с коренными народами, военные привыкли воспринимать индейцев либо как союзников, либо как врагов, контакты с которыми были достаточно тесными. Это обстоятельство приводило к тому, что и индейцы, и британские солдаты в процессе данного тесного взаимодействия неизбежно обменивались военными и культурными практиками. В интересах имперской политики, армейской дисциплины и сложившейся в колониях классовой системы, было крайне невыгодно поддерживать и развивать конструктивное взаимодействие с племенами. Именно поэтому в последние годы Франко-индейской войны, а затем в период войны Понтиака британское армейское командование всячески поддерживало в отношении индейцев негативные этнокультурные стереотипы. Такие упреждающие меры были залогом поддержания приемлемой для империи социальной и культурной дистанции между британским солдатом и индейцем, и как следствие, залогом обеспечения стабильности на имперской границе [24, р. 162-185].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать ряд важных выводов относительно особенностей этнокультурной составляющей пребывания британской

регулярной армии в виргинском западном приграничье.

Во-первых, традиционные и характерные для Европы британские этнокультурные стереотипы были исторически понятны Франции, однако оказались совершенно чужды коренному населению Северной Америки. После окончания Франко-индейской войны 1754-1763 гг. произошло резкое усиление влияния негативных этнокультурных стереотипов в отношении к племенам, из-за чего индейские союзники Великобритании почувствовали себя преданными, а бывшие враги полностью уверились в том, что выстроить доверительные взаимоотношения не удастся.

Во-вторых, на фоне отсутствия у Великобритании потребности поддерживать союз с индейцами в послевоенное время, с 1763 г. произошло резкое одностороннее, а затем и обоюдное охлаждение взаимоотношений. Новые способы поддержания обороноспособности на колониальной границе включали культивирование, прежде всего среди солдат, нового мировоззрения, согласно которому индейцы и белые представлялись совершенно разными и чуждыми друг другу. Нежелание привыкать к новым, оскорбительным и несправедливым условиям взаимоотношений, слало причиной многочисленных приграничных конфликтов, продолжавшихся в период 1763-1766 гг. и ставших заметной частью войны Понтиака.

В-третьих, восстание Понтиака можно рассматривать как локальный вариант антиколониалистского выступления племён, которые утратив своего союзника в лице Франции, потеряли возможность выстраивания равноправных торговых и дипломатических взаимоотношений с европейцами. Британская империя практически сразу после заключения Парижского мира в 1763 г. указала племенам на их подчинённый статус, гарантом которого была сила регулярных войск, поддерживавших ксенофобскую идеологию жесткого разделения «своего народа» и «чужого народа».

Библиография

1. Brumwell S. Redcoats: The British Soldier and the War for the Americas 1755–1763. New York: Cambridge University Press, 2002.
2. Corbett J. S. England in the Seven Years War: A Study in Combined Strategy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
3. Borneman W. R. The French and Indian War: Deciding the Fate of North America. New York: Harper Perennial, 2007.
4. Babits L. E., Gandulla S. The archeology of French and Indian war. Gainesville, FL.: University Press of Florida, 2015.
5. Макаров Е. П., Федотов В. В. Влияние Франко-индейской войны 1754-1763 гг. на экономическое развитие Виргинии середины XVIII в. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 4 (109). С. 1239-1246.
6. Titus J. The Old Dominion at war: society, politics, and warfare in late colonial Virginia. Columbia, S.C.: University of South Carolina Press, 1991.
7. Morgan G. Virginia and the French and Indian War: A Case Study of the War's Effects on Imperial Relations // The Virginia Magazine of History and Biography Vol. 81, No. 1 (Jan., 1973). P. 23-48.
8. Макаров Е. П., Курочкин М. В. Проблемы взаимодействия британской власти с коренными народами Северной Америки после Франко-индейской войны 1754-1763 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 7 (100). С. 3142-3150.
9. Anderson F. The War That Made America: A Short History of the French and Indian War. London: Penguin Books, 2006.

10. Макаров Е. П. Битва на Авраамовых полях и битва при Сен-Фо в восприятии изменений североамериканского театра боевых действий Семилетней войны в 1759–1760 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 125–132.
11. Merritt J. T. At The Crossroads: Indians and Empires on the Mid Atlantic Frontier, 1700–1763. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.
12. Kelton P. The British and Indian War: Cherokee Power and the Fate of Empire in North America // The William and Mary Quarterly, Vol. 69, No. 4 (October 2012). P. 763–792.
13. Stanley G. F. G. New France: The Last Phase, 1744–1760. Toronto: McClelland and Stewart, 1968.
14. Ferling J. Soldiers for Virginia: Who Served in the French and Indian War? // The Virginia Magazine of History and Biography, Vol. 94, No. 3, Virginians at War, 1607–1865 (Jul., 1986). P. 307–328.
15. Carroll B. D. The Effect of Military Service on Indian Communities in Southern New England, 1740–1763 // Early American Studies, Vol. 14, No. 3 (Summer 2016). P. 506–536.
16. Berleth R. Bloody Mohawk: The French and Indian War & American Revolution on New York's Frontier. Hensonville: Black Dome Press, 2009.
17. Calloway C. G. The American Revolution in Indian Country: Crisis and Diversity in Native American Communities. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
18. Kawashima Y. Forest Diplomats: The Role of Interpreters in Indian-White Relations on the Early American Frontier // American Indian Quarterly, Vol. 13, No. 1 (Winter, 1989). P. 1–14.
19. Parmenter J. After the Mourning Wars: The Iroquois as Allies in Colonial North American Campaigns, 1676–1760 // The William and Mary Quarterly, Third Series, Vol. 64, No. 1 (Jan., 2007). P. 39–76.
20. Ware T. Maryland in the French and Indian war. Charleston, SC.: The History Press, 2023.
21. Ward M. C. «The “Peaceable Kingdom” destroyed: The Seven years war and the transformation of the Pennsylvania backcountry» // Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies. Vol. 74, No. 3, 2007. P. 247–279.
22. Dowd G. E. War under Heaven: Pontiac, the Indian Nations, and the British Empire. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004.
23. Middleton R. Pontiac's War: Its Causes, Course and Consequences. Philadelphia: Routledge, 2007.
24. Hornor E. Intimate Enemies: Captivity and Colonial Fear of Indians in the Mid-Eighteenth Century Wars // Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies, Vol. 82, No. 2 (Spring 2015). P. 162–185.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В последние годы в нашей стране усилился интерес к фронтальной тематике. И действительно, долгое время в культуре, будь ли это литература, либо кинематограф, превалировала тема североамериканского фронтира, но ведь освоение Сибири было не легче, чем во многом насильственная колонизация Дикого Запада. Тем не менее и тематика североамериканского фронтира все еще нуждается в подлинно научном изучении.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование

статьи, предметом которой является британская регулярная армия в западном приграничье Виргинии в середине XVIII в. Автор ставит своими задачами определить роль британской армии в формировании имперского сознания в американских колониях, рассмотреть отношение армии и колонистов к индейцам, а также определить роль военных действий в изменении фронтальных отношений.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать этнокультурную составляющую пребывания британской регулярной армии в западном приграничье Виргинии в середине XVIII в.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 24 различных источника и исследования. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором трудов отметим работы Е.П. Мартынова, Г. Моргана, П. Миддлтона, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения североамериканского фронтира. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как североамериканским фронтиром, в целом, так и дилеммой "свой"- "чужой", в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определенной актуальность темы, показывает, что "комплексный анализ британского военного присутствия в Северной Америке попросту невозможен без изучения повседневного быта солдат и офицеров, обусловленного сопровождавшими его локальными экономическими, политическими и культурными явлениями". В работе показано, что "постоянным присутствием на колониальной границе армия укрепляла имперские институты и показывала коренным народам потенциальную опасность противодействия им". Автор отмечает, что "и британские военные, и жители виргинского западного приграничья отводили племенам исключительно подчинённое положение". Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи,

"по мере необходимости британские военные переходили от одного этнокультурного стереотипа об индейцах к другому, представляя представителей коренного населения региона как дикарей, или хитрых и потенциально вероломных союзников, или высококвалифицированных проводников и разведчиков".

Главным выводом статьи является то, что

"традиционные и характерные для Европы британские этнокультурные стереотипы были исторически понятны Франции, однако оказались совершенно чужды коренному населению Северной Америки".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсе лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале

"Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Кан Ш. Досуговые практики в городской жизни Порт-Артура (1898–1904 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.7.75151 EDN: KOMKTR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75151

Досуговые практики в городской жизни Порт-Артура (1898–1904 гг.)

Кан Шисинь

ORCID: 0009-0002-1441-8048

аспирант; Исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, Ломоносовский пр-кт, д. 27 к. 4

✉ liliiliang123@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.7.75151

EDN:

KOMKTR

Дата направления статьи в редакцию:

14-07-2025

Аннотация: В данной статье исследуется социокультурная трансформация города Порт-Артур (Люйшунь) в период российской аренды с 1898 до 1904 гг. Анализ осуществляется через призму досуговых практик городского населения. Центральным предметом исследования выступают в качестве ключевых аспектов городской повседневности и развлечений следующие явления: потребление алкоголя; развитие ресторанных бизнеса, в частности ключевые заведения, их клиентура и роль в общественной жизни; функционирование военных клубов и организация светских мероприятий; развитие театральной жизни; а также активное развитие и специфика секс-индустрии. Автор рассматривает, как скуча, тоска по родине и духовный вакуум гарнизонной жизни в условиях изолированного колониального анклава стимулировали формирование индустрии развлечений и специфических моделей потребления, выступая катализатором процессов урбанизации и трансформации городского пространства. Исследование основано на анализе фонда АВП РИ, периодики («Новый Край» – ключевая хроника) и мемуаров современников. Для интерпретации данных и выявления тенденций использованы сравнительно-исторический метод и историко-научный анализ. Автор

также провел полевую работу в Люйшуне для сбора локальных сведений. Введение в оборот новых материалов о русском досуге в Порт-Артуре (1898–1904 гг.), пополняя содержание в истории «русского» Квантуна. Впервые комплексно исследована роль досуга как фактора урбанизации колониального города. Основные выводы в том, что во-первых, синтез русской потребительской культуры с локальными элементами создал уникальную городскую среду. Во-вторых, досуг (особенно массовое потребление алкоголя), стимулированный тоской и скучой гарнизона, стал катализатором развития индустрии развлечений и трансформации пространства. В-третьих, развитие отражало противоречия колониальной урбанизации: социальная сегрегация детерминировала сегрегацию досуга; попытки репликации столичных моделей (театр) наталкивались на изоляцию; регулирование секс-индустрии обнажало социально-экономические противоречия. Порт-Артур – характерный пример сложной траектории развития дальневосточных городов в рамках российской имперской политики.

Ключевые слова:

Порт-Артур, Люйшунь, Дальний Восток, Квантунская область, городская жизнь, ресторанная жизнь, театральная жизнь, сексуальные услуги, досуговые практики, потребление алкоголя

Порт-Артур в период российской аренды быстро урбанизировался: формировался европейский Новый город, развивалась городская инфраструктура и одновременно проходили процессы в сфере культуры. Эти процессы были сходны с тем, что проходило в российской провинции на рубеже XIX–XX веков, но безусловно, жизнь в Порт-Артуре отличалась спецификой колониального города.

В дореволюционный и советский периоды российская историография концентрировала внимание на изучении военной истории Порт-Артура, при этом анализ и интерпретация событий Русско-японской войны 1904–1905 гг. являлись ключевой темой данных исследований. Качественный прорыв в изучении истории собственно Порт-Артура произошёл в постсоветский период. С 1990-х гг. В.Г. Дацышен начал формировать новое направление социальной истории «русского» Квантуна [\[5\]](#). Среди исследователей в этой области также необходимо упомянуть Д.Б. Павлова и И.В. Лукоянова. Они достигли значительных результатов в колониальных исследованиях Порт-Артура: не только опубликовали множество научных статей на эту тему, но и совместно составили сборник источников по истории города [\[23\]](#). Особенno обратить внимание на монографию А.В. Лысева [\[12\]](#), где в центре внимания являются условия проживания, питания, обмундирования, проведения досуга участников обороны Порт-Артура в 1904 г., а также жизнь самого города.

Кроме того, в настоящее время большое внимание историки уделяют городской повседневности и, в частности, досугу в провинциальных городах [\[4\]](#); [\[10\]](#); [\[14\]](#).

Данная статья посвящена повседневной жизни населения Порт-Артура в период 1898–1904 годов, особенно его развлечениям и досугу. На данный момент ни один из вышеперечисленных исследователей не обратился к истории урбанизации Порт-Артура и, в частности, к роли досуговых практик в этом процессе. Между тем они стали катализатором трансформации городского пространства через формирование современных форм потребления. Источниками изучения быта жителей Порт-Артура

явились мемуары, публицистика и информация из газеты «Новый Край».

Тоска по родине

«Тоска по родине — это яд, отравляющий здесь, на окраине, все существование приезжих людей. Тоска по родине — это беспрерывное, всепоглощающее страдание, затмевающее в одержимом им все желания, помыслы, чувства» [31. С. 221], — писал Давид Ильич Шрейдер, путешествуя по Дальнему Востоку в конце XIX века.

Порт-артурский гарнизон, ставший в 1898 году военно-морской базой России на территории Китая, оказался третьим по географической удаленности от столицы городом империи, уступая в этом отношении только Петропавловску и Владивостоку. Однообразные будни военной службы, изоляция от внешнего мира, трудности адаптации к местным условиям и тоска по Родине подтачивали моральный дух военнослужащих.

Вспоминая о своей жизни в Порт-Артуре, подполковник В.А. Мустафин отмечал, что «жизнь первых колонистов была и скучная, и тяжелая» [17. Л. 87]. Сходные изложения обнаруживают параллели в нарративах других авторов. Один из военнослужащих того времени также описал эту ситуацию: «Скука, скука и опять скука, которую господа офицеры усердно разбавляли водкой, пивом и дешевым вином, а нижние чины вино заменяли квасом; причем господа офицеры предпочтительно боролись со скукой в Офицерском собрании, только в виде исключения в местном европейском ресторане, а нижние чины преимущественно пьянизовали в грязных, захолустных кабаках и только в исключительном случае — в солдатском буфете или в чайной» [9. С. 25]. Несмотря на строгие предписания и наказания, применяемые в арестных домах в Порт-Артуре за злоупотребление алкогольными напитками, уровень пьянства среди армейских чинов достигал значительных масштабов [18. С. 16].

Порт-Артур не страдал от недостатка алкоголя. В газете «Новый Край» можно легко найти его рекламу. В апреле 1900 года в Порт-Артуре был открыт оптовый склад вина и спирта В.К. Якобсона, а спустя 6 месяцев открылся второй склад Товарищества И.И. Харламова [22. С. 13]. Дефицит чистой питьевой воды также побуждал жителей Порт-Артура к неумеренному потреблению таких напитков, как пиво и квас (1). Примечательно, что недостатка в алкогольных напитках не было даже во время осады [18. С. 107]. В Порт-Артуре продавались пиво «Шлитц», шампанское «Мум» и «Редерер» [32. С. 1], «водки, наливки и ликеры» П.А. Смирнова [24. С. 1]. Военнослужащие называли их «мумчиком», «редерерчиком» и «смирновкой» [13. С. 3].

Благодаря порто-франко вина здесь были очень дешевые: лучшее шампанское продавалось по 3 рубля за бутылку, а если взять ящик, то бутылка обходилась в 2 р. 90 коп., ром ямайский — 1 руб. 25 коп. за бутылку, а пиво от 40 до 50 копеек за бутылку [7. С. 194–195]. Во второй половине 1901 года цена местного вина (водки) составляла 4 рубля 50 копеек за ведро, а спирта — 6 рублей за ведро (2). «Смирновка» продавалась по той же цене, что и в России, с той разницей, что в России всюду продавалась «монополька» (казенная водка) и «смирновки» во многих местах было не достать, а в Порт-Артуре наоборот [7. С. 194]. Порт-артурцы вспоминали «гору ящиков изделий “Петра Смирнова”, которая величественно красовалась у вокзала [...] и служила как бы триумфальной аркой при въезде в Старый город» [18. С. 108].

Что касается китайской водки «шаоцзю» (3) или «сули», русские мемуаристы вспоминали, что запах у нее был отвратительный и резкий. Китайские мелочные лавочки продавали спирт бутылками [22. С. 13]. Офицер А.В. Верещагин вспоминал, что русские офицеры «ее не пьют, казаки же и солдаты ею не брезгают. Некоторые так ее полюбили,

что даже предпочитали русской водке [...]» [3. С. 92]. По сравнению с русскими алкоголем туземцы не особенно любили, на улице Квантуня встретить пьяного китайца было большой редкостью [29. С. 230]. Кроме того, в гарнизонном собрании можно было получить обед и ужин за 18 рублей в месяц, а в полковых ресторанах обеды стоили от 25 до 30 рублей в месяц [7. С. 196].

В Порт-Артуре старейшим рестораном был «Саратов», расположенный на набережной в Старом городе, прямо против выхода на рейд. Это было наиболее оживленное место города. Этот ресторан в недолгое время фактически заменял собой офицерский клуб. Журналист Николай Иванович Кравченко, побывавший в Порт-Артуре в 1904 году, отметил, что неплохое качество питания в данном ресторане не отличалось высокой ценой, что позволяло большинству жителей Порт-Артура считать ресторан «Саратов» аналогом «Палкина» (4) [8. С. 100–101, 156].

Другой ресторан, «Кронштадт», принимал заказы на обеды на свадьбы, балы, вечера, освящение зданий, праздники воинских частей и пр. Обед можно было устроить в ресторане, а можно было заказать кушания с доставкой [28. С. 3]. Предприниматель Исидор Никобадзе содержал в Артуре популярный отель и ресторан «Звездочка» в Новом городе (5).

Рис.1. Ресторан Никобадзе в Порт-Артуре.

Источник: Из собственной коллекции. URL: https://m.vk.com/wall-210777285_3078 (дата обращения: 01.04.2025)

Кроме того, в период русского правления в Порт-Артуре китаец Юй Дэцзи (кит. 于德吉) с партнерами создал в центре Нового города ресторан «Тайфэнлоу (кит. 泰丰楼)», который размещался в двухэтажном кирпичном строении. На первом этаже обслуживались посетители, на втором этаже были расположены отдельные кабинеты. Ресторан был богато украшен, мебель изготовлена из роскошного палисандра, это был самый большой китайский ресторан в Порт-Артуре (6).

Эти рестораны, несомненно, являлись удобными местами для проведения офицерского досуга в Порт-Артуре. Вечером в них собирались оживленные компании, здесь лилось шампанское и сверкали бриллианты. Корреспондент лондонской газеты «Дейли Мэйл» Бенджамен Вегнер Норрегоард писал: «Русский офицер, без сомнения, скопостью не отличается. Раз у него завелись деньги, он тратит их щедро. Устав от скучной и

надоедливой жизни на фортах и аванпостах, он стремится, когда получит свое жалование, в город и швыряет деньги в течении нескольких безумных часов, пока последний рубль не выброшен из кошелька; с легким сердцем и тяжелою головой он после кутежа возвращается к своим скучным обязанностям» [19. С. 14] (7).

Культурный досуг

Развитие индустрии развлечений стало прямым отражением экономических и культурных преобразований в городе.

Для высших чинов развлекательная жизнь была богаче, чем для низших. Для высшего офицерства устраивались балы. Д.Г. Янчевецкий описал бал в доме вице-адмирала Е.И. Алексеева в Порт-Артуре в 1900 году: «Главным начальником края были приглашены на бал все кают-компании и офицеры всех частей с их супругами, представители гражданских, городских и коммерческих учреждений и др. Зал, гостиная и буфет блестали электричеством. [...] Молодежь танцевала с увлечением. Не танцующие [...] разместились в гостиной и буфете, где прохладжающие напитки, вино и шампанское лились тропическим ливнем [...]. Тихая ночь, сад, усыпанный звездами электрических огней, гуляющие нарядные пары, звуки музыки, разнообразное общество, общее оживление и веселье» [33. С. 4–5]. По словам Г. Козьмина, на подобных балах демонстрировались самые последние моды Парижа, «для чего были опустошены все магазины Порт-Артура» [7. С. 200].

В честь важных праздников (день коронования императора и день занятия города) в Порт-Артуре проводились также грандиозные военные парады. 14 (26) мая 1899 года, в годовщину коронования императора Николая II, в новой церкви города было совершено богослужение, после которого на площади состоялся парад. Поздоровавшись и обойдя ряды, начальник полуострова Субботич провозгласил в честь государя императора и государыни Александры Феодоровны клич «Ура!», который был молодецки подхвачен парадирующими частями под звуки национального гимна. Затем войска прошли церемониальным маршем [15].

Деятели литературы и искусства из России также направлялись на Ляодунский полуостров для проведения концертов в поддержку войск. В 1901 году смешанный хор «Славянская капелла» посетил Владивосток, Дальний и Порт-Артур [6. С. 32]. Третий концерт, состоявшийся 14 (27) октября под управлением М.Д. Агреневой-Славянской в Порт-Артуре, получил благоприятный отзыв [30. С. 685]. Летом на Николаевском бульваре три раза в неделю выступал хор военной музыки. В зимнее время бывали танцевальные вечера в военном и морском собраниях [1. Л. 99 об].

Важное место в жизни Порт-Артура играл театр, и, по свидетельству современников, Владивосток и Порт-Артур были театральным оплотом всего дальневосточного края [27. С. 171]. Строительство Китайско-Восточной железной дороги способствовало развитию Порт-Артура и росту его населения, что создавало благоприятные условия для бизнеса [25. С. 137]. Культурные запросы образованные части населения и проницательные предприниматели незамедлительно отреагировали на открывающиеся коммерческие возможности. В этих условиях Порт-Артур представлял собой весьма благоприятную среду для антрепренеров, и при проведении выступлений четыре раза в неделю можно было зарабатывать в среднем от 500 до 600 рублей [27. С. 310].

К.П. Мирославский был первым, кто решил вести театральное дело на Дальнем Востоке [25. С. 137]. В 1902 году он открыл театральный сезон «довольно хорошей для Порт-Артура опереткой при сравнительно скромном бюджете, что-то около семи тысяч». Затем

он также расширил свое влияние на другие города, такие как Харбин, Хабаровск и Благовещенск [27. С. 310], а также управлял театрами в Дальнем, Ляояне и Мукдене [26. С. 171].

Хотя антрепренеры пытались воспроизвести культурную модель столицы в приграничной военной крепости Порт-Артура, их ограничивали материальные возможности: Порт-Артур находился так далеко от многонаселенной европейской части России, условия жизни были настолько тяжелыми, а население таким малочисленным, что создать там профессиональную театральную труппу было сложно, и антрепренеру приходилось ездить в Москву или Петербург, чтобы набрать артистов [25. С. 138]. Актерам, которых выбирали после долгих мытарств, несмотря на обещание большого жалованья, приходилось терпеть долгие переезды в Квантун и слухи о том, что путь через границу «Маньчжурии» небезопасен [2. С. 432].

В театральный сезон 1902–1903 годов антрепренер К.П. Мирославский предпринял попытку реорганизации опереточной труппы, поручив режиссёру А.Н. Солину осуществить новый набор артистов. Однако состав труппы значительно уступал по профессиональному уровню предыдущему сезону. Кадровый дисбаланс, вызванный отсутствием ведущих солистов, привёл к художественной деградации репертуара. Несмотря на то, что в первое время посещаемость была высокой, затем сборы упали до минимума.

Неожиданный пожар окончательно завершил неудачное дело театра. Генерал-адъютант Е.И. Алексеев оказал помочь Мирославскому и санкционировал выделение экстренной субсидии в размере 7 тыс. рублей из фондов Квантунского областного правления. Кроме того, для покрытия убытков, понесённых во время пожара театра, была предоставлена личная финансовая помощь в размере 16 тысяч рублей от императора Николая II, пожертвованная антрепренеру и труппе [27. С. 310]. Это считалось «монаршей милостью», но фактически отражало стратегию символической поддержки «культурной миссии» на окраинах империи.

На полученные средства был реконструирован китайский театр Тифонтая, ранее принадлежавший знатному китайцу, однако его дела не улучшились. Театр располагался далеко от центра города, что создавало дополнительные неудобства. Сезон завершился полным крахом, и Мирославский, расплатившись с труппой, прекратил дальнейшие постановки опереточных спектаклей [27. С. 310; 20. С. 122].

В начале 1904 года слухи о возможной войне всё сильнее держали в напряжении жителей Порт-Артура, из-за чего люди окончательно утратили интерес к посещению театров и увеселительных заведений. Корреспондент газеты «Русского Инвалида» писал из Порт-Артура: «Интересы внутренней и внешней политики настолько заполняют умы местного населения, что нет времени и желания посещать театр или цирк» [20. С. 122]. Это в некоторой степени предвещало упадок театральной индустрии в Порт-Артуре. Согласно воспоминаниям актрисы Ф. Баскаковой, жившей в Порт-Артуре, спектакль «Мёртвые души», запланированный к показу вечером 27 января (9 февраля) 1904 года, не состоялся: в ту же ночь японские войска подвергли Порт-Артур бомбардировке [2. С. 432]. Эвакуация актёров после начала войны знаменовала конец театральной жизни в Порт-Артуре.

Кроме театра, для развлечения были организованы несколько клубов и обществ, такие как теннис-клуб и скаковое общество. Теннисный клуб был небольшим. Площадок для игры в теннис было две, и обе удобные. В самом помещении клуба имелась комната для

игры в карты [16]. В члены теннисного клуба принимались без баллотировки лица, обладавшие правом входа в военное и морское собрания. Членский взнос составлял 4 рубля за полугодие. А членский взнос скакового общества — 12 рублей в год [21. С. 74].

В начале 1901 года энтузиасты предложили создать в Порт-Артуре музей. По мысли ходатайствующих, музей должен был способствовать более глубокому пониманию и знанию Китая среди русского населения, а также выставить и продемонстрировать трофеи, накопленные во время похода 1901–1902 годов в Китае, как свидетельство истории страны. На основании этой инициативы 3 (16) марта 1901 года был создан комитет по устройству музея. Главной обязанностью комитета было планирование места, финансирование и сбор коллекций для будущего музея. По итогам обсуждения комитет решил разместить музей в Новом городе. В 1901 году комитету удалось собрать добровольные пожертвования в размере 8122 рублей и 47 копеек [1. Л. 98 об.–99], что обеспечило необходимую финансовую поддержку для первоначального строительства музея. Однако устройство музея также не было завершено из-за Русско-японской войны.

Сексуальные услуги

Если театры, клубы, рестораны и другие места служили «легальными» площадками для жителей Порт-Артура, то параллельно с этим в городе стремительно развивались теневые сторонние жизни и непосредственно связанная с физиологическими потребностями мужского населения города.

Во времена правления династии Цин в Люйшуне, использовавшемся исключительно как военная база, не только вблизи казарм, но и в самом городе располагались публичные дома. В период российской аренды Порт-Артура число женщин, занимающихся проституцией, только увеличилось.

Одной из причин существования публичных домов было необходимость регулирования проституции в городе. Например, чтобы удержать китайских чернорабочих, русские создали на Квантуне как театры, так и публичные дома, в которые работали девушки из Японии.

Публичные дома были прибыльным местом. Во второй половине XIX в. — первой половине XX в. японским правительством торговля проститутками за границей использовалась как средство получения иностранной валюты [36] (8). На Российском Дальнем Востоке на рубеже веков существовало много японских публичных домов. Так, в 1903 году во Владивостоке их было 18, в Хабаровске — 8. До начала войны в Порт-Артуре была масса публичных домов, преимущественно японских [18. С. 81] (9).

Японские работницы публичных домов за границей получили специальное название — «Караюки-сан» (10). В Порт-Артуре японские проститутки пользовались большей популярностью, чем китаянки [7. С. 191].

Что касается источника этих проституток ямато, нередки были случаи, когда молодых японок обманывали члены организованных преступных группировок, предлагавшие совсем иную работу за границей. В 1901 году главный начальник Квантунской области Е.И. Алексеев в отчете писал, что «японское правительство принимает строгие меры для прекращения выезда японок в соседние с их отечеством страны для проституции, и за последнее время стало выдавать женщинам моложе тридцати пяти лет паспорта на выезд из Японии лишь в случаях получения ими вне родины определенных занятий и представления от нанимателей их удостоверений о том» [1. Л. 63 об.]. Но торговлю

японскими женщинами за границу было трудно искоренить, так как экономическая выгода от этой преступной деятельности была чрезвычайно высока. Независимо от того, куда вывозились женщины — в Гонконг, Сингапур, Шанхай, Владивосток и т. д., — цена за одну японку могла достигать 500 иен, и такая высокая прибыль служила мощной движущей силой для продолжения преступной деятельности.

«Закон о защите иммигрантов», принятый японским правительством в 1896 году для японцев, работающих за границей, предусматривал, что работа японских женщин за границей ограничивается приготовлением пищи, прислугой и т.д.. Таким образом, если японка занималась проституцией за границей, она не была защищена законом. Этот закон, однако, в то время не распространялся на Китай и Корею, поэтому владельцы публичных домов могли безнаказанно перевозить туда японских женщин или использовать эти страны как транзитные пункты для переправки женщин в другие места.

Однако городские власти не могли относиться к работе домов терпимости в городе безразлично и позволять им бесконтрольно расширяться. В XIX веке потребности общественного здравоохранения стали «оправданием для ограничения деятельности проституток и контроля над ними» [34. Р. 140]. Городское регулирование проституции в Российской империи было возложено на Министерство внутренних дел, однако структура самого регулирования оставалась на усмотрение местных властей [34. Р. 145].

Среди проституток Порт-Артура имела место определенная классификация, основанная на социальном статусе клиентов, пользовавшихся их услугами. Б.М. Лобач-Жученко по данному вопросу признавал, что «контингент проституток “для простого народа” пополняется исключительно женщинами желтой расы, так как “белые” по карману только “господам”» [11. С. 18]. Очевидно, что претензии Запада XIX и начала XX века на «регулирование проституции приобрели расистский характер, когда были перенесены в колонии» [35. Р. 6].

Вывод

В период российской аренды Порт-Артур быстро развивался, и становился оживленным, динамичным городом.

В ходе урбанизации досуговые практики стали катализатором трансформации городского пространства через формирование различных форм потребления. Тоска по родине и скука гарнизонной жизни стали одной из причин роста потребления алкоголя. Этот общий психологический механизм со временем превратился в фактор, который способствовал развитию индустрии развлечений и потребительской культуры. Всё это постепенно влияло на облик города — как в пространственном, так и в культурном плане.

В то же время нельзя отрицать, что городское развитие Порт-Артура в период российского правления также отражает сложный процесс урбанизации в колониальном контексте. На уровне городского управления власти пытались поддерживать социальный порядок и экономический контроль, регулируя индустрию проституции, однако масштабы индустрии проституции отражали противоречия социально-экономической структуры, характерной для колониального города.

В результате чего городская пространственная культура в Порт-Артуре постепенно становилась все более сложной и разнообразной. Формы досуга в исследуемом контексте в целом реплицировали модели, характерные для городских центров Российской империи. Однако их специфика определялась двумя ключевыми факторами:

доминированием военного контингента и присутствием значительной доли коренного населения. В связи с этим следует выделить следующие характерные черты Порт-Артура. Во-первых, при численности населения, превышавшей 40 тысяч человек, Порт-Артур являлся большим городским центром на Дальнем Востоке, одновременно относясь к категории средних городов в общеимперском масштабе. Во-вторых, городское население было подвергнуто строгой социальной сегрегации по линиям: офицерский состав / нижние чины; российские подданные / коренное население; от части военные / гражданские лица. Эта структурированность социального пространства неизбежно детерминировала сегрегацию досуговых практик. В-третьих, географическая изоляция способствовала распространению тоски по метрополии и компенсаторного потребления алкоголя во всех социальных стратах, при этом качество алкогольных напитков было иерархизировано в соответствии со статусом потребителя. Последний фактор о том, что удаленность от центра империи создавала существенные трудности в поддержании уровня развития и комфорта, характерного даже для обычного провинциального города.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Подобные явления отмечались, например, в Германии 1870-х годов, где вода в городах была загрязнена, неприятная на вкус и небезопасная, а чай и кофе были роскошью, бедные местные рабочие предпочитали пиво, которое было, помимо прочего, питательным напитком. См.: Abrams L. Workers' Culture in Imperial Germany: Leisure and Recreation in the Rhineland and Westphalia. NY., 1992. P. 64.

(2) Нужно заметить, что местный спирт в розливе и оптовой продаже (в бочках) не разливался и не продавался ниже 95° крепости. См.: Позднеев Д.М. Торговля в Порт-Артуре. СПб., 1902. С. 13.

(3) Шаоцзю: кит. 烧酒, это гаоляновые спиртные напитки крепостью 50°, их изготавливали в винокурнях. См.: 旅顺口区志 [Описание местностей района Люйшунькоу] / 大连市旅顺口区史志办公室编 [под ред. Канцелярии местной истории района Люйшунькоу города Даляня]. 大连 [Далянь] / Dalian. 1999. P. 310.

(4) «Палкин» — знаменитый ресторан в Петербурге.

(5) Е.В. Влади — внучка Исидора Никобадзе, заявила, что ее дедушка в 1900 году прибыл в Китай, и он являлся владельцем ресторана «Звездочка». См.: Елена Влади // Молитвы русских поэтов. XX–XXI. Антология. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/molitva/molitvy-russkih-poetov-20-21-antologija/158#source> (Дата обращения: 01.03.2025). Краеведы из Люйшуня подтвердили, что данный ресторан находился в Новом городе.

(6) Данная информация была собрана с 2021 года по 2024 год в ходе полевой работы автора в Люйшуне, где он пообщался со многими исследователями местной истории Люйшуня.

(7) Benjamin Wegner Nørregaard (1861–1935) — норвежский военный офицер, железнодорожный инженер, журналист, дипломат и известный военный корреспондент.

(8) Проституция имела огромное значение для экономики Японии периода Мэйдзи. Государство зависело от доходов с публичных домов для финансирования инфраструктуры и достижения политических целей. Хотя официально рост проституции не провозглашался задачей правительства, интересы властных кругов объективно способствовали расширению секс-индустрии. Эта политика преемственности:

правительство Мэйдзи, как и предшествовавший сёгунат, публично декларировало ограничение проституции, при этом сознательно создавая условия для ее процветания. См.: Amy Stanley. *Selling Women Prostitution, Markets, and the Household in Early Modern Japan*. 2012. University of California Press. P. 193.

(9) Обилие японских проституток на Дальнем Востоке объясняется системой зарегистрированной проституции и бумом выездных работ за границу в 1887–1896 гг. в Японии. Проституция в Японии была легальным ремеслом с эпохи Эдо, но в 1872 году правительство издало «Указ об освобождении всех гейш и проституток», и юридически объявило о запрещении проституции в стране. Такая мера привела лишь к вытеснению проституции в сферу теневой экономики. Изучив систему зарегистрированной проституции в Европе, правительство Японии в 1900 году вновь легализовало это ремесло, в том числе вывоз японских женщин в публичные дома. См.: 井上聖隆, 安武敦子 [Киётака Иноэ, Ацуко Ясутаке].「近世～近代における丸山遊郭と柳町遊郭の建築的考察」[Архитектурное исследование кварталов Маруяма и Янагимачи Юкаку (кварталов красных фонарей) периодов Эдо и Мэйдзи] //『長崎大学大学院工学研究科研究報告』[Доклады Высшей инженерной школы Университета Нагасаки] / Reports of Graduate School of Engineering, Nagasaki University. 2022. Vol. 52. No. 99. P. 9.; 米田富次郎 [Томидзиро Ёнэда].『警察三大法令正解』[Правильный ответ на три основных закона о полиции]. 明倫館 [Токио: Мейринкан] / Tokyo: Merinkan. 1900. P. 141.]; 森崎和江著 [Морисаки К.]. 吴晗怡, 路平译 [пер. с яп. на кит. У Ихань и Лу Пин]. 唐行小姐: 被卖往异国的少女们[Караюки-сан: Девушки, проданные за границу] / からゆきさん:異国に売られた少女たち. 上海: 格致出版社 [Шанхай: Издательство «Истина и мудрость»] / Shanghai: Truth & Wisdom Press. 2022. P. 66–67, 91, 94–97.; 日本向海外输出大批妓女的历史(组图)[История экспорта Японией большого количества проституток за границу (картинки)]. URL: <http://www.ims.sdu.edu.cn/info/1014/9170.htm> (дата обращения: 5.12.2024).

(10) Караюки-сан: яп. からゆきさん, это японки, которые во второй половине XIX века отправились в Китай и Юго-Восточную Азию работать проститутками. Они в основном приехали из Симабары префектуры Накасаки и Амакусы префектуры Кумамото.

Библиография

1. АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1550.
2. Актеры в Порт-Артуре в первые дни войны // Театр и искусство. 1904. № 22. С. 432–433.
3. Верещагин А.В. В Китае. Воспоминания и рассказы. СПб.: В. Березовский, 1903.
4. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: Сова, 2004. EDN: QPCSGR.
5. Дацышен В.Г. Занятия Порт-Артура. К проблеме приобретения Россией колонии на юге Ляодуна // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Иркутск, 1996. С. 105–124.
6. Иванов И. Впечатления из военно-походной жизни за время оккупации Маньчжурии в 1900–1903 г. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1907.
7. Козьмин Г. Дальний Восток: воспоминания и рассказы. СПб.: Изд. В. Березовского, 1904.
8. Кравченко Н.И. На войну!: Письма, воспоминания, очерки военного корреспондента. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906.
9. Липкин М.К. Очерки и рассказы из военного быта. Варшава, 1907.
10. Литягина А.В. Досуг в городах России во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 136–142. EDN: IBCYEP.
11. Лобач-Жученко Б.М. Порт-Артур. СПб: Типография С.А. Чиколини, 1904.

12. Лысов А.В. Русский Порт-Артур в 1904 году. История военной повседневности. М., 2019.
13. Маленький фельетон // Новый Край. 1904. 11 (24) янв. № 8.
14. Малышева С.Ю. Праздный день, досужий вечер. Культура досуга российского провинциального города второй половины XIX – начала XX века. М.: Академия, 2011.
15. Местные известия // Новый Край. 1899. 16 (28) мая. № 20.
16. Местные известия // Новый Край. 1899. 7 (19) августа. № 45.
17. Мустафин В.А. Порт-Артур 1898–1902 гг. // ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 521.
18. Ножин Е.К. Правда о Порт-Артуре. СПб.: издание П. А. Артемьева, 1906. Ч. 1.
19. Норрегаард Б.В. Великая осада: Порт-Артур и его падение: с ил. и черт. / пер. с англ. Борис Серебренников. СПб.: Издание В. Березовского, 1906.
20. Отголоски военных событий // Театр и искусство. 1904. № 6. С. 122.
21. Памятная книжка Квантунской области на 1901–1902 г. Порт-Артур: Типография А.Я. Опарина, 1901. Ч. 2.
22. Позднеев Д.М. Торговля в Порт-Артуре. СПб., 1902.
23. Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи. Сборник документов / сост., авторы введения и комментариев И.В. Лукоянов, Д.Б. Павлов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018.
24. Правление товарищества П.А. Смирнова // Новый Край. 1902. 4 (17) янв. № 2.
25. Преснякова Л.В. Русский театр в Порт-Артуре начала XX века // Обсерватория культуры. 2013. № 2. С. 137-139. EDN: RVSZHB.
26. Преснякова Л.В., Пресняков С.В. Летопись театральной жизни Дальневосточного региона по материалам столичной прессы (конец XIX – начало XX в.). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005.
27. Провинциальная летопись // Театр и искусство. 1903. № 14. С. 308-311.
28. Ресторан "Кронштадт" А.К. Владимирова // Новый Край. 1902. 4 (17) янв. № 2.
29. Стрелок (Козьмин Г.). Китайская жизнь на Квантуне // Военный сборник. 1903. № 3. С. 201-234.
30. Хохлов А.Н. Гастроли капеллы М. Д. Агреневой-славянской в Китае до и после 1917 г. // Общество и государство в Китае. 2015. № 2. С. 677-696. EDN: YLJTAV.
31. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток: (Три года в Уссурийском крае). СПб: А.Ф. Девриен, 1897 (цензурное разрешение).
32. Э.Л. Мондон // Новый Край. 1902. 1 (14) янв. № 1.
33. Янчевецкий Я.Г. У стен недвижного Китая: Дневник корреспондента "Нового края" на театре военных действий в Китае в 1900 г. СПб., Порт-Артур: издание П. А. Артемьева, 1903.
34. Selling Sex in the City: A Global History of Prostitution, 1600s – 2000s / edited by Magaly Rodríguez García, Lex Heerma van Voss, Elise van Nederveen Meerkerk. Leiden: Brill, 2017.
35. 贺萧 [Хершаттер Г.]. 韩敏中, 盛宁译 [пер. с англ. на кит. Хань Миньчжун и Шэн Нин]. 危险的愉悦: 20世纪上海的娼妓问题与现代性 [Опасные удовольствия: Проститутки и современность в Шанхае двадцатого века] / Dangerous Pleasures: Prostitution and Modernity in 20th century Shanghai. 南京: 江苏人民出版社 [Нанкин: Цзянсуское народное издательство] / Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 2003.
36. 日本向海外输出大批妓女的历史(组图)[(История экспорта Японией большого количества проституток за границу (картинки))]. URL: <http://www.ims.sdu.edu.cn/info/1014/9170.htm> (дата обращения: 5.12.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Досуговые практики в городской жизни Порт-Артура (1898–1904 гг.)» представляет собой рассмотрение колониальных практик Российской империи в северо-восточном Китае под несколько необычным углом: культура повседневности, социальная среда, урбанистика и др. Автор справедливо замечает, что в отечественной историографии Порт-Артур традиционно ассоциируется с военно-политической экспансией России в Маньчжурии, вылившейся в итоге в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Иные аспекты истории портового города, находившегося под русским управлением около 10 лет, остаются в тени. Автор данным исследованием частично компенсирует односторонние подходы прошлого, обращаясь к проблемам, лежащим на пересечении социальной и культурной истории: особый статус Порт-Артура как максимально удалённой от центра Российской империи военно-морской базы и одновременно порто-франко на границе юго-восточной Азии определяют особую социальную среду и особые досуговые практики, к рассмотрению которых и обращается автор. Источниковой базой исследования является широкий круг мемуарной литературы, местная печать, архивные материалы. Автор в целом успешно справляется с поставленной задачей, в то же время некоторые вопросы вызывает первый раздел работы, озаглавленный «Тоска по родине»; если второй и третий разделы носят названия соответствующих форм досуговых практик – то есть "культурный досуг" и "сексуальные услуги", то тоска по родине очевидно досуговой практикой не является. В упомянутом же разделе речь идет о гастрономических услугах в целом, и лишь в паре абзацев автор останавливается на связанном с ностальгией и некоторыми другими факторами избыточном употреблении алкоголя, что является важным социально-психологическим наблюдением, однако композиционная логика текста, на наш взгляд, все же несколько нарушена. В заключительной части работы автор указывает, что «городское население было подвергнуто строгой социальной сегрегации по линиям: офицерский состав / нижние чины; российские подданные / коренное население; отчасти военные / гражданские лица..... Эта структурированность социального пространства неизбежно детерминировала сегрегацию досуговых практик». Вероятно, на этой социальной сегрегации, определявшей разнообразие досуговых практик, стоило остановиться в начале текста как на исходном условии рассматриваемых феноменов. Возможно также, автору стоило попытаться сформулировать отличия досуговых практик Порт-Артура как от прочих российских колониальных городов, так и от практик среднестатистического российского провинциального/среднего имперского города. Впрочем, эти задачи могут быть решены автором при продолжении исследования в данном направлению. В целом рассматриваемая работа выполнена на высоком научно-методическом уровне и может быть рекомендована к публикации.

Англоязычные метаданные

The Yurchenko super-rapid-fire machine gun and the development of automation in domestic weaponry during the 1930s and 1950s

Timofeeva Rimma Aleksandrovna

PhD in Art History

Associate Professor; Department of History and Theory of Art; St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

29 Politehnicheskaya str., building 2, sq. 32, Saint Petersburg, 194064, Russia

 rimma.a.timofeeva@gmail.com

Chumak Ruslan Nikolaevich

PhD in Technical Science

Head of the Funds Department; Military Historical Museum of Artillery, Engineering and Communications Troops

197046, Russia, St. Petersburg, Petrogradsky district, Alexandrovsky Park, 7

 rimmaa@gmail.com

Abstract. The subject of this article is the history of high-speed small arms development in the 1930s. In particular, the K.S. Yurchenko machine gun is discussed. Its structure and design features, including a rare type of automation with a crank mechanism for bolt actuation, are analyzed. This structural and layout solution allows for a high rate of fire without excessive stress on parts and mechanisms, as well as cartridges, compared to conventional shock automation systems. This leads to a high level of reliability for automatic weapons during firing. The article also considers the further history of this constructive solution's application in post-war aircraft weapons.

When working on the article, we used the following research methods: processing archival materials from the funds of the Russian Academy of Sciences, the Central State Administration of Moscow, and the VIMAIViVS Scientific Archive. We also used the comparative historical method and historical and scientific analysis of specialized literature. In addition, we consulted the Information Center of the Ministry of Internal Affairs of St. Petersburg and the Leningrad Region.

For the first time, new data on the development of ultra-fast-firing small arms in the USSR during the mid-1930s is being introduced into scientific circulation. Four Yurchenko machine guns in two modifications have been identified in various collections of weapons and documents in Russia: in the collection of technical weapons of the Central Design Bureau at the Tula Arms Plant, in the Technocenter collection of V.A. Degtyarov Plant in Kovrov, and in the collection of weapons at the Central Museum of the Russian Armed Forces. It has been concluded that the operating principle of the Yurchenko machine gun automation was used in the development of post-war aviation small arms and cannon guns, such as those designed by V.P. Gryazev and A.G. Shipunov for aircraft. Biographical information about engineers and their designs from the 1930s and 1950s has also been provided for the first time.

Keywords: Yurchenko machine gun, K.S. Yurchenko, Shkval machine gun, YuAS high-velocity machine gun, design bureau, aviation armament, history of weapons, small arms, weapons design, crank mechanism

References (transliterated)

1. Timofeeva R.A., Chumak R.N. Formirovaniye sistemy proektno-konstruktorskikh organizatsii po razrabotke strelkovo-pushechnogo vooruzheniya v SSSR (1920-e-1930-e gody) // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2025. №4. S. 1-19.
2. Rikhter A.A. Logika konstruktorskogo masterstva. M.: TsNII informatsii, 1974. 56 s.
3. Belov A.G. Ot pistoleta do gaubitsy: Zhizn' i deyatel'nost' konstruktora V.P. Gryazeva. Tula: Peresvet, 2003.
4. Shiryaev D. Pervaya krivoshipno-shatunnaya aviapushka TKB-513 // Oruzhie. 2007. №1. S. 46-55.
5. Pap P. A Gebauer-féle motorgéppuska IV.rész // HADITECHNIKA. 2018. №52(6). PP. 49-56.
6. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 6R. Op. 1. D. 603.
7. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 6R. Op. 1. D. 211.
8. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 6R. Op. 1. D. 583.
9. RGVA. F. 20. Op. 24. D. 341.
10. RGVA. F. 20. Op. 24. D. 342.
11. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 6R. Op. 1. D. 203.
12. RGAE. F. 8259. Op. 2. D. 5577.
13. RGAE. F. 8243. Op. 7. D. 136.
14. RGAE. F. 8243. Op. 7. D. 229.
15. RGAE. F. 8044. Op. 1. D. 545.
16. Oleg Rastrenin. «Tol'ko bol'shie pushki». Chast' 6. Kak v VVS KA poyavilis' krupnokalibernye avtomaty. Mul'timediainyi dokument. 00:55:38 (vremya vosproizvedeniya) URL: https://vkvideo.ru/playlist/-163055852_73/video-163055852_456240507 (data obrashcheniya: 04.05.2025). Dostupno na: Vkontakte: sait.
17. Belov A.G. Ot pistoleta do gaubitsy: Zhizn' i deyatel'nost' konstruktora V.P. Gryazeva. Tula: Peresvet, 2003.
18. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 7R. Op. 8. D. 74.
19. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 6R. Op. 1. D. 333.
20. VIMAIViVS. Pervyi istoricheskii fond. 3242/1.
21. Arkhiv Tsentral'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta tochnogo mashinostroeniya (AO «TsNIItochmash», kontsern «Kalashnikov»). Lichnoe delo A.I. Skvortsova.
22. TsAMO RF. Uchetno-posluzhnaya kartochka Yurchenko K.S.
23. TsGA Moskvy. F. R-3788. Op. 69. D. 3026.
24. TsGA Moskvy. F. R-3788. Op. 69. D. 3028.
25. Elektronnyi arkhiv fonda Iofe. F. 016. Op. 1. D. 2. L. 7 // Elektronnyi arkhiv fonda Iofe [Elektronnyi resurs]. URL: <https://arch2.iofe.center/person/44290#document-2231> (data obrashcheniya: 10.04.2025).
26. RGAE. F. 7637. Op. 3. D. 8010.
27. RGAE. F. 7637. Op. 3. D. 8009.
28. RGAE. F. 7637. Op. 3. D. 8011.
29. Shevyrin S.A. Iz istorii osobogo konstruktorskogo byuro №172 // Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya: materialy X yubileinoi vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 27-28 sentyabrya 2011 g.): v 2-kh t. T. 2. Ekaterinburg: OOO

- «Izdatel'stvo UMTs UPI», 2011. S. 223–227.
30. Elektronnyi arkhiv fonda Iofe. F. 02 (B-1). Op. 1. D. 15. L. 3 // Elektronnyi arkhiv fonda Iofe [Elektronnyi resurs]. URL: <https://arch2.iofe.center/person/44290#document-2231> (data obrashcheniya: 10.04.2025).
31. Zhuk V. «Zdes' etot nomer u vas ne pridet» // [Elektronnyi resurs]. URL: <http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer12/Zhuk1.php> (data obrashcheniya: 10.04.2025).

Vladimir Coat of Arms: a look in retrospect

Ragimhanov Aleksei Valentinovich

Bachelor's degree; Department of DIIR; Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov

600000, Russia, Vladimir region, Vladimir, Gorky str., 87

✉ welci@mail.ru

Aleksandrova Elena Aleksandrovna

Assistant; Department of DIIR; Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov

600022, Russia, Vladimir region, Vladimir, Zavadsky str., 9A, sq. 42

✉ aleksa-aea@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the question of the origin of the modern coat of arms of the city of Vladimir, which played one of the key roles in the formation of the city of Moscow as a political, cultural and national center of Russia. A similar question has been raised repeatedly in science over the past century, however, the main message has not changed much over the past time, and defines the Vladimir coat of arms as the hereditary emblem of the local branch of the Yurievichs, based on the abundance of lion symbols on the walls of the Vladimir-Suzdal cathedrals. At the same time, the limitations of heraldry and the coat of arms of the countries involved in the orbit of the Catholic Church in the XII-XIII centuries are not taken into account, and the existence of the princes of pre-Mongol Russia is not taken into account. The methodology of the Vladimir Coat of Arms research includes the study of its origin and symbolism. The method is based on a historical approach, the study and analysis of the works of scientists. The study of white stone architecture, church decoration and princely signs of the Vladimir-Suzdal land of the XII-XIII centuries. The analysis of heraldic sources, such as the work "Titular" of 1672, was carried out. The scientific novelty lies in the approach and collection of all available information on this issue. The coat of arms expresses the specific qualities of the lion leopard and is the bearer of an idea, an aspiration, a "retrospective imprint" of the future cultural and political capital, Moscow. The main conclusion of the conducted research is a separate sign system for marking property and documentation. Thus, studies of the official coat of arms of the city of Vladimir do not allow us to trace its existence earlier than the second half of the XVII century. The huge time gap between the years of construction of the Vladimir-Suzdal cathedrals and the moment of the first appearance of the lion leopard on the emblem of the city of Vladimir is completely ignored. Due to the great importance of this center for the history of Russia, modernity requires a new understanding of the fact of the origin of the Vladimir coat of arms with a broader view of the issue under study.

Keywords: Relief, The rider, Franz Santi, Titular, The lion leopard, Vladimir-Suzdal architecture, Princely signs, Coat of arms of Vladimir, Heraldry, Shield

References (transliterated)

1. Aver'yanov K.A. Iz predistorii moskovskoi geral'diki. Kto izobrazhen na gerbe Vladimira? // Istorya Moskovskogo kraya : problemy, issledovaniya, novye materialy. materialy nauchno-prakticheskikh konferentsii, posvyashchennykh 400-letiyu zaversheniya Smuty v Rossii. 2019. S. 100-110.
2. Aver'yanov K.A. K voprosu o vremeni vozniknoveniya gerbov v Rossii // Muzei. Pamyatnik. Nasledie, 1(7) / 2020. S. 11.
3. Artsikhovskii A.V. Drevnerusskaya miniatyura kak istoricheskii istochnik. – M., 1944. S. 352.
4. Bedos-Rezak B.M. Srednevekovaya identichnost': znak i ponyatie [per. s angl. D.V. Baiduzha] // Signum. Al'manakh Tsentral'nogo gerbovedcheskogo i genealogicheskogo issledovanii IVI RAN. M., 2010. Vyp. 5. S. 19-93.
5. Bibliya: knigi svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. – M., 1988. S. 1376.
6. Bunin A.I. O vremeni osnovaniya goroda Vladimira na Klyaz'me. // Arkheologicheskie izvestiya i zametki, izdavaemye Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom. – M., 1898. № 5-6. S. 179-189.
7. Wagner G.K. K voprosu o vladimiro-suzdal'skoi embleme// Istoriko-arkheologicheskii sbornik: A.V. Artsikhovskomu k 60-letiyu so dnya rozhdeniya i 35-letiyu nauchnoi, pedagogicheskoi i obshchestvennoi deyatel'nosti. – M., 1962. S. 254-264.
8. Voronin N. N. Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi XII-XV vekov. V dvukh tomakh: T. 1. XII stoletie. – M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961. S. 584.
9. Voronin N. N. Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi XII-XV vekov. V dvukh tomakh: T. 2. XIII-XV stoletiya. – M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1962. S. 560.
10. Gladkaya M.S. Katalog belokamennoi rez'by Dmitrievskogo sobora vo Vladimire: baraban, rez'ba chetverika (registr prysel nad arkaturoi) / M.S. Gladkaya. – Vladimir: Vladimirskaya oblastnaya nauchnaya biblioteka, 2019. S. 872.
11. Gladkaya M.S. Simvolika i ikonografiya izobrazhenii belokamennoi rez'by Dmitrievskogo sobora vo Vladimire: (kompozitsii, syuzhety, otdel'nye obrazy i motivy) / Gladkaya M.S. – Vladimir: Vladimirskaya oblastnaya nauchnaya biblioteka, 2019. S. 872.
12. Kin M. Rytsarstvo. M.: Nauchnyi mir, 2000 (angl. – 1984). S. 520.
13. Korolev G.I. K voprosu o proiskhozhdenii vladimirskogo gerba // Gerboved, № 95 – M., 2007. S. 60-67.
14. Korolev G.I. O metalle korony vladimirskogo gerbovogo l'va // Gerboved, № 43 – M., 2000. S. 160.
15. Levandovskii A.P. V mire geral'diki / A.P. Levandovskii. – M.: Veche, 2008. S. 226.
16. Likhachev, N. P. Materialy dlya istorii russkoi i vizantiiskoi sfragistiki. Vyp. 2. L., 1929. S. 279.
17. Nasonov A.N. Istorya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka. – M.: «Nauka», 1969. S. 556.
18. Naumov O.N. «Titulyarnik» 1672 g. kak pamyatnik geral'diki: problemy izucheniya. // Rumyantsevskie chteniya: materialy nauchno-prakt. konf. «Pamyat' Rossii v knizhnii kul'ture». – M., 2001. S. 216-219.
19. Nekrasov A.M. Iz suzdal'sko-vladimirskikh vpechatlenii // Sredi kollektzionerov. 1924.

№ 3-4. S. 76.

20. Nekrasov A. O gerbe suzdal'skikh knyazei// Sbornik statei v chest' akademika Alekseya Ivanovicha Sobolevskogo, izdannyi ko dnyu 70-letiya so dnya ego rozhdeniya Akademiee nauk po pochinu ego uchenikov pod red. akad. V.N. Perettsa. – L., 1928. S. 406-409.
21. Pasturo M. Geral'dika / per. s fr. A. Kavtaskina. – M.: Astrel': AST, 2003. S. 142.
22. Podobedova O. I. Miniatury russkikh istoricheskikh rukopisei: K istorii russkogo litsevogo letopisaniya. – M.: Nauka, 1965. S. 334.
23. PSRL. T.1. Lavrent'evskaya letopis'. Vyp.1: Povest' vremennykh let. Izd. 2-e. - L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1926. S. 286.
24. Pchelov E.V. Bestiarii Moskovskogo tsarstva. Zhivotnye v emblematike Moskovskoi Rusi kontsa XV–XVII veka. – M.: Staraya Basmannaya, 2011. S. 204.
25. Ragimkhanov A.V. Dmitrievskii sobor, kak kamennaya ikona Nebesnogo Ierusalima. // Razvitie regional'noi khudozhestvennoi kul'tury: traditsii, optyt, in-novatsii [Elektronnyi resurs] : materialy vseros. nauch.-prakt. konf. Vladim-mir, 31 maya 2023 g. / Vladim. gos. un-t im. A. G. i N. G. Stoletovykh; Ped. in-t, Kaf. dizaina, izobr. iskusstva i restavratsii. – Vladimir: Izd-vo VIGU, 2023. S. 292.
26. RGADA – Tsarskii titulyarnik, 1672 (s vodyanymi znakami arkhiva) / RGADA. F. 135. Dreylekhranilishche. Otd. V Rubr. III. № 7. L. 1-24;. S. 212.
27. Reshenie Vladimirskogo gorodskogo Soveta narodnykh deputatov ot 17.03.1992 N 50/7 "O gerbe goroda Vladimira". The Internet Archive: sait. URL: <http://www.cfo.info.com/okrug3e/rajonvu/read7wdrqzn.htm> (data obrashcheniya: 01.05.2024)
28. Rybakov B. A. Petp Bopislavich. Poisk avtopa "Clova o polku Igopeve". – M.:Molodaya gvapdiya, 1991. S. 288.
29. Rybakov B.A. Znaki sobstvennosti v knyazheskom khozyaistve Kievskoi Rusi X–XII vv. // «Sovetskaya arkheologiya», № 6, 1940. S. 227-257.
30. Silaev A. G. Istoki russkoi geral'diki. A. G. Silaev. – M.: FAIR-PRESS, 2002. S. 238.
31. Soboleva N.A. Ocherki istorii rossiiskoi simvoliki: ot tamgi do simvolov gosudarstvennogo suvereniteta. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur; Znak, 2006. S. 487.
32. Soboleva N.A. Starinnye gerby rossiiskikh gorodov. – M.: «Nauka», 1985. S. 176.
33. Sobolevskii A. Mednye vrata// Russkaya ikona. Sb. I. – SPb., 1914. S. 93.
34. Tatarnikov K. V. Znamena i gerby polkov Rossiiskoi armii tsarstvovanii Ekateriny I i Petra II (1725–1730) // Istorya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. – 2012. – T. I. S. 51-215.
35. Toporkov A.L. Syuzhet o Egorii Khrabrom – volch'em pastyre v slavyanskom fol'klore i russkoi literature pervoi treti XX v. // Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. Istorya slavistiki. XV Mezdunarodnyi s"ezd slavistov. Minsk, 20-27 avgusta 2013 g. Doklady rossiiskoi delegatsii. M., 2013. S. 529-557.
36. Ustav munitsipal'nogo obrazovaniya gorod Vladimir. Ofitsial'nyi sait organov mestnogo samoupravleniya goroda Vladimira: sait. URL: https://vladimir-city.ru/upload/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_10.2023.pdf (data obrashcheniya: 01.05.2024)
37. Fratkin S. Rel'efnoe izobrazhenie sv. Georgiya na portale Georgievskogo sobora v g. Yur'eve-Pol'skom // Svetil'nik. 1915. № 9-12. S. 11-12.
38. Chernykh A.P. Geral'dika v srednevekovom gorode // Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy. T. 3. Chelovek vnutri gorodskikh sten. Formy obshchestvennykh svyazei. M.: Nauka, 2000. S. 214-222.

39. Chernykh A.P. Poyavlenie gerbov kak problema gerbovedeniya i istorii XII veka.// Srednie veka: issledovaniya po istorii Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni. Vyp. 74 (3-4). In-t vseobshchey istorii RAN. – M.: Nauka. 2013. S. 124-149.
40. Shchepot'ev L. Blizhnii boyarin Artamon Sergeevich Matveev kak kul'turnyi politicheskii deyatel' XVII veka. – SPb.: 1906. S. 151.
41. Großes Wappenbuch, enthaltend die Wappen der deutschen Kaiser, der europäischen Königs- und Fürstenhäuser, der Päpste und Kardinäle, Bischöfe und Äbte bis zu den lebenden Repräsentanten zur Zeit der Regentschaft Kaiser Rudolfs II. und Papst Gregors XIII. – BSB Cod.icon. 333. Bayerische Staatsbibliothek: sait. URL: <https://bildsuche.digitale-sammlungen.de/index.html?c=viewer&bandnummer=bsb00002481&pimage=28> (data obrashcheniya: 01.05.2024)
42. Das Wappenbuch Conrads von Grünenberg, Ritters und Bürgers zu Constanz – BSB Cgm 145. Bayerische Staatsbibliothek: sait. URL: <https://bildsuche.digitale-sammlungen.de/index.html?c=viewer&bandnummer=bsb00035320&pimage=00051&einzelsegment=&v=100&l=ru> (data obrashcheniya: 01.05.2024)

Scientific and technical activity of the aerodynamic laboratory of the St. Petersburg Polytechnic Institute in the 1910s and 1920s.

Zavjalova Mariia Sergeevna

Postgraduate student; Higher School of Social Sciences; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Specialist of the SPbPU History Museum; Peter the Great SPbPU Federal State Budgetary Educational Institution

29 Politechnicheskaya str., Saint Petersburg, 194064, Russia

✉ marusya.zavjalova@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the scientific and technical activity of the aerodynamic laboratory of the St. Petersburg Polytechnic Institute. The subject of the study is the organization and implementation of scientific and technical activities of the aerodynamic laboratory. The purpose of the work is to study the aerodynamic laboratory as a particularly significant research center in the country. The paper reflects the importance of the laboratory space in higher education and the role of the laboratory in the formation of a new scientific branch of knowledge. The rapid development of aviation in the early twentieth century. It is directly related to aerodynamic research. In 1911, an aerodynamic laboratory was opened at the shipbuilding department of the St. Petersburg Polytechnic Institute, where applied aerodynamic research was organized. The scientific article provides information about the equipment, devices purchased and created for the needs of the laboratory. The work indicates the research that was organized on the basis of the laboratory by polytechnic scientists. Comparative and descriptive methods were used when writing a scientific publication. The principles of historicism and objectivity made it possible to conduct a comprehensive analysis of organizational features and technical characteristics in the creation and operation of an aerodynamic laboratory. The scientific and technical activities of the aerodynamic laboratory, opened up new opportunities for applied research in the field of aviation and aerodynamics. The technical equipment of the laboratory, an impressive instrument range, constant updating and replenishment of the material base, as well as competent organizational work on the part of the staff of the Polytechnic Institute led to the fact that the aerodynamic laboratory of the Polytechnic University in the 1910s and 1920s was the leading scientific and technical center of this profile in the country.

Keywords: industrial orders, technical equipment, researches, Shipbuilding department, aerodynamics, technic, the science, aviation, St. Petersburg Polytechnic Institute, aerodynamic laboratory

References (transliterated)

1. Aerodinamicheskaya laboratoriya Politekhnicheskogo instituta Imperatora Petra I // Vestnik vozdukhoplavaniya. – 1911. – № 18. – S. 24-28.
2. Bychkov V.N. Aerodinamicheskaya laboratoriya Peterburgskogo politekhnicheskogo instituta / V.N. Bychkov // Aviatsiya v Rossii/ M.V. Keldysh, G.P. Svischchev. – M.: Mashinostroenie, 1988. – S. 224-226.
3. Vorob'ev B.N. Vtoroi vserossiiskii vozdukhoplavatel'nyi s"ezd v Moskve (11 aprelya – 14 aprelya 1912 g.). – 1912. – № 3. – S. 5-6.
4. Zharkov E.A. Laboratoriya kak vnenakhodimaya sushchnost' // Sotsiologiya nauki i tekhnologii. – 2020. – № 4 (11). – S. 175-190.
5. Katyshev V.G. Kryl'ya Sikorskogo / V.G. Katyshev, V.R. Mikheev. – M.: Voenizdat, 1992. – 432 s.
6. Kruzhok elektrikov. Vypusk № 1: sbornik dokladov. – SPb.: Tipo-Litografiya I. Trofimova, 1913. – 226 s.
7. Mandryka A.P. Aeromekhanicheskie laboratori Peterburga. – L.: Nauka, 1980. – 110 s.
8. Menshutkin B. N. Istorya Sankt-Peterburgskogo politekhnicheskogo instituta (1899–1930) / B. N. Menshutkin; redaktor-sostavitel' biograficheskikh spravok i primechanii N. P. Shaplygin. – SPb.: Izd-vo Politekhi, un-ta, 2012. – 508 s.
9. Muzei istorii SPbPU: ofitsial'nyi sait. – 2019. – URL: https://museum.spbstu.ru/print/news/georgiy_aleksandrovich_botezat.pdf?ysclid=m0nm38daf3830266026 (data obrashcheniya: 15.08.2024). – Tekst: elektronnyi.
10. Povkh I.L. Pervaya vysshaya aviatsionnaya shkola Rossii. – 1948. – № 1. – S. 115-133.
11. RGVIA. F. 493. Op. 8. D. 84, l. 44-45.
12. Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi politekhnicheskii universitet – istoriko-kul'turnyi arkitekturnyi pamyatnik. Spravochnaya kniga / Sostavitel' N.P. Gerbyleva. SPb.: Izd-vo SPbGPU, 2002. – 68 s.
13. Sankt-Peterburgskii politekhnicheskii institut: sbornik № 2. – N'yu-Iork: Izdanie Ob"edineniya S.-Peterburgskikh Politekhnikov, 1958. – 244 s.
14. Smelov V.A. Istorya korablestroitel'noi shkoly v Politekhnicheskem. – SPb.: Izd-vo Politekhn. un-ta, 2005. – 267 s.
15. Smelov V.A. Sankt-Peterburgskii politekhnicheskii dorevolyutsionnyi / V. A. Smelov. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Politekhnicheskogo un-ta, 2014. – 618 s.
16. TsGA SPb. F. 3121. Op. 3. D. 562.
17. TsGA SPb. F. 3121. Op. 4. D. 24.
18. TsGA SPb. F. 3121. Op. 26. D. 32, l. 4.
19. TsGIA SPb. F. 478. Op. 1. D. 2542.
20. Shavrov V.B. Istorya konstruktsii samoletov v SSSR do 1938 goda / V.B. Shavrov. – M.: Mashinostroenie, 2002. – 703 s.
21. Shatelen M.A. Sankt-Peterburgskii politekhnicheskii institut imperatora Petra Velikogo. Elektromekhanicheskoe otdelenie: Obzor prepodavaniya i opisanie laboratori. – SPb.: Pechatnyi trud, 1911. – 340 s.

Foreign languages in the education system of the Russian metropolitan nobility in the first half of the XVIII century.

Selezenev Roman Sergeevich

PhD in History

Associate Professor; Department of General History and International Relations; Kemerovo State University

Office 2435, Krasnaya str., 6, Kemerovo, Kemerovo Region, 650043, Russia

 Roman3340@mail.ru

Kozireva Marina Vasil'evna

Senior lecturer; Department of History, Philosophy and Social Sciences; Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev

650000, Russia, Kemerovo region, Kemerovo, Dzerzhinskiy str., 13, sq. 34

 mv_kozyreva@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the history of learning foreign languages in the context of the formation of the culture of the Russian metropolitan nobility in the first half of the XVIII century. German, French, Latin and Greek, which are the basis of socio-cultural knowledge, served as a tool for its differentiation into general education and specialized, technical and humanitarian. Nevertheless, the foreign language contributing to the formation of the culture of the Russian nobility was French, which in a number of educational institutions in St. Petersburg was of a voluntary nature of study. It is advisable to consider the involvement of the nobility in the educational process as an element of the formation of the culture of Russian society. This process proceeds synchronously with the study of foreign languages, which, in turn, have undergone a transformation within the framework of education from a means of communication with a foreign teacher to an academic discipline. The work is based on the principles of historicism and objectivity, which provide for the analysis of socio-cultural phenomena in relation to the specifics of the period under study. The research is based on the application of a set of general scientific methods: analysis, synthesis, analytical description, classification. The historical and comparative method made it possible to identify patterns, principles, and technologies of learning foreign languages. The axiological approach helped to determine the sociocultural significance of learning different languages. The novelty of the research lies in a comprehensive analysis of the history, principles, and methods of learning foreign languages in various types of educational institutions in St. Petersburg and Moscow in the first half of the XVIII century and their role in the educational process. The development of the norms of European traditions in various types of professional activities and their introduction into the cultural space of Russia was carried out in the interests of the state through foreign languages. Their study was initially spontaneous in the process of conversational practice of Russian nobles studying abroad with native speakers. The German language, which has sociocultural significance for the formation of general educational and technical knowledge, did not satisfy the interests of the state in introducing the Russian aristocracy to elite culture. Classical knowledge corresponding to these goals has revealed the need to teach representatives of the upper class "ancient" languages for reading and translating traditional Latin and Greek authors. Ultimately, the establishment of a classical university served as the basis for the education of a moral personality.

Keywords: Saint-Petersburg, Moscow, educational institution, foreign languages, educational

process, training, nobility, culture, Maritime Academy, Academy of Sciences

References (transliterated)

1. Firsov N. N. Petr I Velikii, Moskovskii tsar' i imperator Vserossiiskii. Petr Velikii kak khozyain. M.: Direkt-Media, 2012. Universitetskaya biblioteka onlain. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=97870> (data obrashcheniya: 07.09.2023).
2. Glushkova V. G. Dvortsy Sankt-Peterburga. Nasledie Romanovykh. M.: Veche, 2018.
3. Kostomarov N. I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei. M.: Direkt-Media, 2016. Universitetskaya biblioteka onlain. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=38885> (data obrashcheniya: 11.11.2023).
4. «Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...»: obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka / nauch. red. i sost. I. Fedyukin, M. Lavrinovich; Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii, Shkola aktual'nykh gumanitarnykh issledovanii. M.: Novoe izdatel'stvo, 2015. Universitetskaya biblioteka onlain. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=363071 (data obrashcheniya: 17.10.2023).
5. Kinan P. Sankt-Peterburg i russkii dvor, 1703–1761 / perevod s angl. N. L. Luzhetskaya; nauchn. red. perevoda E. V. Anisimov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
6. Veber, F. Preobrazhennaya Rossiya / per. P. P. Barsov. M.: Direkt-Media, 2010. Universitetskaya biblioteka onlain. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=64301> (data obrashcheniya: 11.11.2023).
7. Surina O. P. Inostrannye yazyki v sisteme obrazovaniya Rossii XVIII veka // Pedagogicheskoe obrazovanie. 2008. № 3. S. 74-84.
8. O posylke v Venetsiyu, Frantsiyu i Angliyu dvoryanskikh detei dlya opredeleniya v morskuyu sluzhbu (Imennoi ukaz, dannyi admiralu Apraksinu 2 marta 1716 g.) // P.S.Z., t. V. Sb. dok. M.: Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1937.
9. Neplyuev I. I. Zhizn' Ivana Ivanovicha Neplyueva. SPb.: Tip. A.S. Suvorina, 1892. Universitetskaya biblioteka onlain. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=71495> (data obrashcheniya: 20.10.2023).
10. Tatishchev V. N. Razgovor o pol'ze nauk i uchilishch. Moskva: Univ. tip. (M. Katkov i K°), 1887. Universitetskaya biblioteka onlain. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=72666> (data obrashcheniya: 25.11.2023).
11. Ob uchrezhdenii Akademii i o naznachenii dlya soderzhaniya onoi dokhodov tamozhennykh i litsentnykh, sobiraemykh s gorodov Narvy, Derpta, Pernova i Arensburga. S prilozheniem proekta ob uchrezhdenii Akademii: imennoi ukaz, ob'yavlennyi iz Senata. 28.01.1724 / Zakonodatel'stvo Petra I. 1696-1725 gody. M.: Zertsalo, 2014. Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/> (data obrashcheniya: 19.11.2023).
12. Tolstoi D. A. Akademicheskaya gimnaziya v XVIII stoletii: po rukopisnym dokumentam arkhiva Akademii Nauk. Repr. izd. 1885 g. M.: Direkt-Media, 2014. Universitetskaya biblioteka onlain. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=52452> (data obrashcheniya: 02.12.2023).
13. Novikov M. V. Stanovlenie universitetskogo obrazovaniya v Rossii // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2011. T. 1, № 4. S. 7-19.

14. Kolobkova A. A. Integrativnyi podkhod pri stanovlenii uchebnoi literatury dlya inoyazychnogo obucheniya v Rossiiskoi imperii-XVIII veka-pervoi poloviny XIX veka // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2020. №. 6-2. S. 68-72.
15. Kostina T. V. Kto i kak prepodavал yazyki v Peterburgskoi akademii nauk v XVIII v.? // Vivlioфika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2020. T. 8. S. 159-168.
16. Moskovkin L. V. Yazykovoe obrazovanie v Akademicheskem universitete i gimnazii v XVIII veke. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2019.
17. Kostin A. A. «Russkii avtor» v 1739 godu: G. Z. Baier, I. I. Taubert i formirovaniye russkogo shkol'nogo kanona // Slověne. 2019. T. 8, № 2. S. 163-197.
18. Ustav Kadetskogo Korpusa ot 18.11.1731 g. (opublikovan 30.11.1731 g.) // Zakonodatel'stvo imperatrity Anny Ioannovny / sost. V. A. Tomsinov. – Moskva: Zertsalo-M, 2009. Universitetskaya biblioteka onlайн. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=56112> (data obrashcheniya: 01.04.2023).
19. Malofei A. O. Pedagogicheskii vklad I.I. Betskogo v razrabotku nauchno-prakticheskikh osnov obrazovaniya v XVIII veke, kak vazhnaya strukturnaya edinitsa sovremennoi sistemy obrazovaniya (na primere kadetskikh korpusov) // Nauchno-metodicheskie problemy podgotovki instruktorsko-pedagogicheskikh kadrov po boevoi i fizicheskoi podgotovke dlya organov vnutrennikh del : sbornik materialov VIII mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Stavropol', 28 aprelya 2015 goda. Stavropol': Izdatel'stvo «AGRUS», 2015. S. 21-26.
20. Bukovskaya T. I. Kadetskie korpusa: Iстoriya, etapy stanovleniya i razvitiya voennogo obrazovaniya v Rossii: spetsial'nost' 07.00.02 «Otechestvennaya istoriya»: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. SPb.: 2003.
21. Ob uchrezhdenii Kadetskogo korpusa ot 29.07.1731 g. // Zakonodatel'stvo imperatrity Anny Ioannovny / sost. V. A. Tomsinov. M.: Zertsalo-M, 2009. Universitetskaya biblioteka onlайн. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=56112> (data obrashcheniya: 01.04.2023).
22. O zapiske dvoryan v Kadetskii korpus ot 04.12.1731 g. // Zakonodatel'stvo imperatrity Anny Ioannovny / sost. V. A. Tomsinov. – M.: Zertsalo-M, 2009. Universitetskaya biblioteka onlайн. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=56112> (data obrashcheniya: 01.04.2023).
23. Zayats I. G. Obuchenie inostrannym yazykam ofitserov rossiiskoi armii v XVIII-XIX vekakh // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 1(9). S. 54-57.
24. O pravilakh dlya publichnykh ispytanii v naukakh vospitannikov Kadetskogo Korpusa. Donoshenie (10 sentyabrya 1737 g.) // Zakonodatel'stvo imperatrity Anny Ioannovny / sost. V. A. Tomsinov. – M.: Zertsalo-M, 2009. – S. 204-210. Universitetskaya biblioteka onlайн. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=56112> (data obrashcheniya: 01.04.2023).
25. Ob uchrezhdenii Moskovskogo universiteta i dvukh gimnazii. S prilozheniem vysochaishe utverzhdennogo Proekta po semu predmetu. Istoricheskii fakul'tet MGU. URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/HisUni/Ustavi/U1755.htm> (data obrashcheniya: 17.11.2023).
26. Zamyatina M. R., Chernykh Yu. N., Lisov P. B. Sotsiokul'turnye usloviya formirovaniya yazykovoi lichnosti v uchebnykh zavedeniyakh Rossii XVIII-nachala XX vekov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2014. T. 10. №. 5-2. S. 73-75.

Farm lists and farm books of the 1920s-1940s as documents for the history of rural administration.

Ugryumova Mariya Viktorovna

PhD in History

Associate Professor; Department of History and Documentation; Russian Technological University of MIREA

78 Vernadsky ave., building 4, Troparevo-Nikulino district, Moscow, 119454, Russia

 mugruymova@mail.ru

Fomenko Marina Viktorovna

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of History and Philosophy; Plekhanov Russian University of Economics

36 Stremyanny Lane, Zamoskvorechye district, Moscow, 115054, Russia

 maryfom@mail.ru

Abstract. The subject of this study is household lists and household books from the 1920s to 1940s. The object of the research is defined as the characteristics and technologies for developing and introducing document forms for accounting residents and farms at the level of rural territories into the administrative activities of rural councils. The main aspects of the study included the characteristics and conditions for the emergence of household lists and household books in the system of rural administration during the initial establishment of local authorities, collectivization, and war. The starting chronological date was set for 1927, when household lists appeared in the rural management system, which were officially replaced by household books in 1935 by the government. The final date of the study was the end of the war and the transition to administration in the conditions of establishing peace. The main sources used by the author included government materials and books from the Ust-Nitsin rural council in the Sverdlovsk region, as well as other territories of Russia. The author employed special methods of document science and source studies: the method of unification and standardization of documents; the method of form analysis; the method of document value appraisal; the chronological method; and the method of source analysis. A main limitation of the study was the lack of digitized materials at the official level, which complicated the search, acquisition, and processing of materials. The scientific novelty of the research lies in the first-time chronological analysis of the conditions and characteristics of the development, filling, use, and storage of such document forms as household lists and household books in the system of rural administration during the 1920s and 1940s in the territory of the USSR. Household lists and books were a unique and primary historical source for the history of villages, rural cooperatives, collective farms, state farms, rural schools, hospitals, and other institutions, as even indirect data provide us with a clear understanding of: residents and workers, family structures (kinship composition, guest composition, generational composition, numerical composition, age composition, children and adults, family leadership), the transformation of families over the years, including aspects of historical events; names of collective and rural farms, positions, and other related information, which became evident during the study of the household books of the Ust-Nitsin rural council.

Keywords: archive, farming, management, Village council, administration, document, historical source, household books, household lists, resolution

References (transliterated)

1. Avtaev A.V. Poezdka na rodinu predkov (derevnya Kiprino Permskogo kraja i selo Novaya Malykla Ul'yanovskoi oblasti). V sbornike: Materialy 14-i Ural'skoi rodoovedcheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ekaterinburg, 2023. S. 62-64.
2. Vas'kina A.Yu. Pokhozyaistvennye knigi kak istochnik po izucheniyu deportatsii i kalmytskogo naroda: perspektivy i problemy // Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii. 2023. № 11. S. 373-377. DOI: 10.37386/2687-0592-2023-11-373-377.
3. Volzhanina E.A. Etnodemograficheskie protsessy v srede nentsev Yamala v XX – nachale XXI veka: Dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.07. Tyumen', 2007. 199 s.
4. Voropaeva A.G. Dinamika etnicheskoi identichnosti ukrainstev Molchanovskogo raiona Tomskoi oblasti v 1950–1970-e gg. (po dannym pokhozyaistvennykh knig) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie. 2016. № 2 (22). S. 45-53. DOI: 10.17223/22220836/22/5.
5. Goppe A.A., Lyulya N.V. Lichnoe podsobnoe khozyaistvo kolkhoznoi krest'yanskoi sem'i Altaiskogo kraja v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (po materialam pokhozyaistvennykh knig) // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2021. T. 28. № 4. S. 63-68. DOI: 10.15372/HSS20210409.
6. Gorelova L.D. Iстория familii zhitelei s. Chigorak Borisoglebskogo raiona Voronezhskoi oblasti: 1746–2010 gg.: Avtoreferat diss. ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.01. Voronezh. gos. un-t. Voronezh, 2011. 19 s.
7. Kovtunenko Yu.A. Pokhozyaistvennaya kniga kak istoricheskii istochnik (po fondam Gosudarstvennogo arkhiva Irkutskoi oblasti). V sbornike: Kraevedenie Priangar'ya. Materialy II kraevedcheskikh chtenii. Irkutsk, 2020. S. 161-177.
8. Magomedov A.D., Yusupov Kh.A. Pokhozyaistvennye knigi sel'sovetov 30-40-kh godov KhKh veka kak unikal'nyi istochnik po kul'ture Dagestana sovetskogo perioda // Vestnik Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy. 2017. № 11. S. 111-117.
9. Miroshkin M.A. Nalogooblozhenie krest'yanstva v pokhozyaistvennykh knigakh Urала 1930-kh godov // Istoriko-pedagogicheskie chteniya. 2007. № 11. S. 150-155.
10. Miroshkin M.A. Pokhozyaistvennye knigi sel'sovetov kak istochnik informatsii o sel'skom naselenii 1930-kh godov // Istoriko-pedagogicheskie chteniya. 2005. № 9. S. 166-171.
11. Novikova N.Yu. Domovye i pokhozyaistvennye knigi kak istochniki v genealogicheskem issledovanii. V sbornike: Genealogiya i semeinaya istoriya naseleniya Srednei i Nizhnei Volgi i Dona. Nizhne-Volzhskii istoricheskii sbornik Tsaritsynskogo genealogicheskogo obshchestva. Materialy dokladov Vserossiiskogo kolokviuma Rossiiskoi genealogicheskoi federatsii i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 10-letiyu Tsaritsynskogo genealogicheskogo obshchestva. Volgograd, 2017. S. 221-230.
12. Pavlinskaya L.R. Pokhozyaistvennye knigi kak etnograficheskii istochnik. V sbornike: Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty Muzeya antropologii i etnografii RAN v 2014 g. Otvetstvennyi redaktor: Yu.K. Chistov. Sankt-Peterburg, 2015. S. 308-314.
13. Prigarin A.A., Storozhenko A.A. Traditsionnye varianty setevykh soobshchestv v detsifrovyyu epokhu: starover-chasovennye Sibiri po dannym pokhozyaistvennykh knig 1920–1950-kh gg. // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2022. № 4. S. 54-76. DOI: 10.17223/2312461X/38/4.
14. Pushkov V.P. Pokhozyaistvennye knigi kolkhoznikov kak istochnik po istorii krest'yanskogo khozyaistva Verkhokam'ya 1940–1942 gg. V sbornike:

- Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennoст', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ulan-Ude, 2021. S. 140-148. DOI: 10.18101/978-5-9793-1674-1-140-148.
15. Savenko G.V. Pokhozyaistvennaya i zemel'naya shnurovaya knigi kak istochniki informatsii o pravakh na zemel'nye uchastki // Publichno-pravovye issledovaniya. 2013. № 4. S. 4.
 16. Smirnova T.B. Nemetskoe naselenie Zapadnoi Sibiri v kontse XIX-nachale XXI veka: formirovanie i razvitiye diaspornoi gruppy: Avtoreferat dis. ... doktora istoricheskikh nauk : 07.00.07. In-t arkheologii i etnografii RAN. Omsk, 2009. 49 s.
 17. Stolyarova G.R. Pokhozyaistvennye knigi Sovetov mestnogo samoupravleniya kak istochnik dlya izucheniya etnodemograficheskikh protsessov v sovremenном sele (primer s. Staroe Surkino Respubliki Tatarstan) // Istoricheskaya demografiya. 2009. № 2 (4). S. 79-81.
 18. Ter-Sarkisyants A.E. Pokhozyaistvennye knigi sel'skikh administratsii kak etnograficheskii istochnik dlya izucheniya sem'i // Problemy i metody issledovanii sovremennoi sem'i. M.: IEA RAN, 1997. S. 45-50.
 19. Troshina S.M. O vedenii pokhozyaistvennykh knig v sovremennykh usloviyakh // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 2013. № 4. S. 25-32.
 20. Fadeeva E.V. Pokhozyaistvennye knigi i aktovye zapisi kak istochniki po sovremennoi etnografii negidal'tsev // Istoricheskaya demografiya. 2011. № 1 (7). S. 80-82.
 21. Fadeeva E.V. Pokhozyaistvennye knigi i aktovye zapisi kak istochniki po sovremennoi etnografii nivkhov. V sbornike: Vos'maya Dal'nevostochnaya konferentsiya molodykh istorikov. Sbornik materialov. Institut istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN. 2004. S. 268-274.
 22. Chernova I.V. Iстория и культура украинских переселенцев в Novorozhdestvenka kontsa XIX – nachala XX v. po arkhivnym materialam. V sbornike: Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 25-letiyu tsentra ustnoi istorii i etnografii laboratori istoricheskogo kraevedeniya Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. S. 169-171.
 23. Chernova I.V. Sem'ya i khozyaistvo vostochnoslavyanskogo naseleniya Omskogo Priirtysh'ya v 1930–1950-e gg. po dannym pokhozyaistvennykh knig // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. 2016. № 4 (12). S. 99-104.
 24. Chernyavskaya Yu.K., Degtyareva O.V., Kolotkin M.N. Iстория села Kol'tsovka: po materialam pokhozyaistvennykh knig 1946–1949 gg. // Interekspo Geo-Sibir'. 2018. № 6. S. 129-137.
 25. Shabanov V.L. Dinamika urovnya zhizni sel'skogo naseleniya Rossii v usloviyakh sotsial'no-ekonomiceskoi transformatsii sela: Avtoreferat dis. ... doktora sotsiologicheskikh nauk: 22.00.03. Saratov. gos. un-t im. N.G. Chernyshevskogo. Saratov, 2017. 42 s.
 26. Yusupova A.V. Etnicheskii sostav sela Bystryi Istok: istoriya i sovremennoст' (po materialam anketirovaniya naseleniya i pokhozyaistvennym knigam sela) // V sbornike: Polevye issledovaniya v Verkhinem Priob'e i na Altai. 2007 g.: Arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya. 2009. S. 188-191. EDN: SGEEEXT.
 27. Yamskov A.N. Kak s pomoshch'yu pokhozyaistvennykh knig uznat' to, chego v nikh ne zapisano // Vestnik antropologii. 2017. № 4 (40). S. 119-132. DOI: 10.5281/zenodo.1156903.

The ethnocultural component of the British regular army in the western borderland of Virginia in the middle of the 18th century

Makarov Egor Pavlovich

PhD in History

Associate Professor; Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities; Samara State Technical University

443100, Russia, Samara region, Samara, Tsiolkovskystr., 1

 egor.makarov.esq@gmail.com

Abstract. The article examines the ethnocultural aspect of the presence of British regular troops on the colonial border of Virginia in the mid-18th century. The subject of the study is the mentality of British soldiers. The object of the study is the economic, cultural and political processes that accompanied the stay of the British army in Virginia. Important attention is paid to the analysis of everyday ideas of British soldiers about the local specifics of showing loyalty to the king and the local colonial administration. A special role is given to the study of the formation of British soldiers' ideas about their own identity. In the work, the author uses chronological and historical-comparative research methods, which make it possible to analyze the process of formation among soldiers of the British regular army of ideas about their own loyalty and identity, characteristic of the Virginia borderland of the mid – 18th century. Several theses can be formulated as conclusions of the study. Firstly, British ethnocultural stereotypes were historically understandable to France, but turned out to be alien to the indigenous population of North America. After the end of the French and Indian War of 1754–1763 negative ethnocultural stereotypes towards tribes began to appear. Secondly, against the backdrop of Britain's lack of need for an alliance with the Indians after 1763, their relations cooled. New ways of maintaining the defenses of the colonial frontier included cultivating among soldiers a worldview that saw Indians and whites as alien to each other. The reluctance to get used to the unfair conditions of relationships became the cause of border conflicts of 1763–1766. Thirdly, Pontiac's rebellion can be seen as an anti-colonialist protest of tribes who, having lost their ally in France, lost the opportunity to build equal relationships with Europeans.

Keywords: british army, identity, loyalty, colonial politics, North America, Pontiac's Rebellion, French and Indian War, Virginia, Great Britain, eighteenth century

References (transliterated)

1. Brumwell S. Redcoats: The British Soldier and the War for the Americas 1755–1763. New York: Cambridge University Press, 2002.
2. Corbett J. S. England in the Seven Years War: A Study in Combined Strategy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
3. Borneman W. R. The French and Indian War: Deciding the Fate of North America. New York: Harper Perennial, 2007.
4. Babits L. E., Gandulla S. The archeology of French and Indian war. Gainesville, FL.: University Press of Florida, 2015.
5. Makarov E. P., Fedotov V. V. Vliyanie Franko-indeiskoi voiny 1754-1763 gg. na ekonomicheskoe razvitiye Virginii serediny XVIII v. // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. 2024. T. 14. № 4 (109). S. 1239-1246.

6. Titus J. *The Old Dominion at war: society, politics, and warfare in late colonial Virginia*. Columbia, S.C.: University of South Carolina Press, 1991.
7. Morgan G. *Virginia and the French and Indian War: A Case Study of the War's Effects on Imperial Relations* // *The Virginia Magazine of History and Biography* Vol. 81, No. 1 (Jan., 1973). P. 23-48.
8. Makarov E. P., Kurochkin M. V. Problemy vzaimodeistviya britanskoi vlasti s korenymi narodami Severnoi Ameriki posle Franko-indeiskoi voiny 1754–1763 gg. // *Voprosy natsional'nykh i federalivnykh otnoshenii*. 2023. T. 13. № 7 (100). S. 3142-3150.
9. Anderson F. *The War That Made America: A Short History of the French and Indian War*. London: Penguin Books, 2006.
10. Makarov E. P. Bitva na Avraamovykh polyakh i bitva pri Sen-Fo v vospriyatiu izmenenii severoamerikanskogo teatra boevykh deistvii Semiletnei voiny v 1759–1760 gg. // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Iстория*. 2022. № 80. S. 125-132.
11. Merritt J. T. *At The Crossroads: Indians and Empires on the Mid Atlantic Frontier, 1700–1763*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.
12. Kelton P. *The British and Indian War: Cherokee Power and the Fate of Empire in North America* // *The William and Mary Quarterly*, Vol. 69, No. 4 (October 2012). P. 763-792.
13. Stanley G. F. G. *New France: The Last Phase, 1744–1760*. Toronto: McClelland and Stewart, 1968.
14. Ferling J. *Soldiers for Virginia: Who Served in the French and Indian War?* // *The Virginia Magazine of History and Biography*, Vol. 94, No. 3, Virginians at War, 1607–1865 (Jul., 1986). P. 307-328.
15. Carroll B. D. *The Effect of Military Service on Indian Communities in Southern New England, 1740–1763* // *Early American Studies*, Vol. 14, No. 3 (Summer 2016). P. 506-536.
16. Berleth R. *Bloody Mohawk: The French and Indian War & American Revolution on New York's Frontier*. Hensonville: Black Dome Press, 2009.
17. Calloway C. G. *The American Revolution in Indian Country: Crisis and Diversity in Native American Communities*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
18. Kawashima Y. *Forest Diplomats: The Role of Interpreters in Indian-White Relations on the Early American Frontier* // *American Indian Quarterly*, Vol. 13, No. 1 (Winter, 1989). P. 1-14.
19. Parmenter J. *After the Mourning Wars: The Iroquois as Allies in Colonial North American Campaigns, 1676–1760* // *The William and Mary Quarterly, Third Series*, Vol. 64, No. 1 (Jan., 2007). P. 39-76.
20. Ware T. *Maryland in the French and Indian war*. Charleston, SC.: The History Press, 2023.
21. Ward M. C. «The “Peaceable Kingdom” destroyed: The Seven years war and the transformation of the Pennsylvania backcountry» // *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*. Vol. 74, No. 3, 2007. P. 247-279.
22. Dowd G. E. *War under Heaven: Pontiac, the Indian Nations, and the British Empire*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004.
23. Middleton R. *Pontiac's War: Its Causes, Course and Consequences*. Philadelphia: Routledge, 2007.
24. Hornor E. *Intimate Enemies: Captivity and Colonial Fear of Indians in the Mid-Eighteenth Century Wars* // *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*, Vol. 82, No. 2 (Spring 2015). P. 162-185.

Leisure Practices in the Urban Life of Port Arthur (1898–1904)

Kang Shixin

Postgraduate student; Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Ramenki district, Lomonosovsky prospekt, 27 K. 4

✉ liliiliang123@gmail.com

Abstract. This article explores the socio-cultural transformation of the city of Port Arthur (Lüshun) during the period of Russian lease from 1898 to 1904. The analysis is conducted through the lens of leisure practices of the urban population. The central subject of the study focuses on key aspects of urban everyday life and entertainment, including the following phenomena: alcohol consumption; the development of the restaurant business, particularly key establishments, their clientele, and their role in public life; the functioning of military clubs and the organization of social events; the development of theatrical life; as well as the active development and characteristics of the sex industry. The author examines how boredom, nostalgia for homeland, and the spiritual vacuum of garrison life in the context of an isolated colonial enclave stimulated the formation of the entertainment industry and specific consumption models, acting as a catalyst for urbanization processes and the transformation of urban space. The study is based on an analysis of the AVP RI archive, periodicals ("Novy Krai" as the key chronicle), and memoirs of contemporaries. To interpret the data and identify trends, a comparative-historical method and historical-scientific analysis were employed. The author also conducted fieldwork in Lüshun to gather local information. The introduction of new materials about Russian leisure in Port Arthur (1898–1904) enriches the content in the history of "Russian" Kwantung. This research comprehensively investigates the role of leisure as a factor in the urbanization of a colonial city for the first time. The main conclusions are that, firstly, the synthesis of Russian consumer culture with local elements created a unique urban environment. Secondly, leisure (particularly mass alcohol consumption), stimulated by the nostalgia and boredom of the garrison, became a catalyst for the development of the entertainment industry and the transformation of space. Thirdly, the development reflected the contradictions of colonial urbanization: social segregation determined the segmentation of leisure; attempts to replicate metropolitan models (theater) encountered isolation; the regulation of the sex industry exposed socio-economic contradictions. Port Arthur is a characteristic example of the complex trajectory of development of Far Eastern cities within the framework of Russian imperial policy.

Keywords: leisure practices, sexual services, theater life, restaurant life, urban life, Kvantunskaya Oblast, Far East, Lvshun, Port Arthur, alcohol consumption

References (transliterated)

1. AVP RI. F. 143. Op. 491. D. 1550.
2. Aktery v Port-Arture v pervye dni voiny // Teatr i iskusstvo. 1904. № 22. S. 432-433.
3. Vereshchagin A.V. V Kitae. Vospominaniya i rasskazy. SPb.: V. Berezovskii, 1903.
4. Goncharov Yu.M. Ocherki istorii gorodskogo byta dorevolyutsionnoi Sibiri (seredina XIX – nachalo XX v.). Novosibirsk: SovA, 2004. EDN: QPCSGR.
5. Datsyshen V.G. Zanyatiya Port-Artura. K probleme priobreteniya Rossiei kolonii na

- yuge Lyaoduna // Vzaimootnosheniya narodov Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost'. Irkutsk, 1996. S. 105-124.
6. Ivanov I. Vpechatleniya iz voenno-pokhodnoi zhizni za vremya okkupatsii Man'chzhurii v 1900-1903 g. SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina, 1907.
 7. Koz'min G. Dal'nii Vostok: vospominaniya i rasskazy. SPb.: Izd. V. Berezovskogo, 1904.
 8. Kravchenko N.I. Na voinu!: Pis'ma, vospominaniya, ocherki voennogo korrespondenta. SPb.: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1906.
 9. Lipkin M.K. Ocherki i rasskazy iz voennogo byta. Varshava, 1907.
 10. Lityagina A.V. Dosug v gorodakh Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. // Voprosy istorii. 2007. № 10. S. 136-142. EDN: IBCYEP.
 11. Lobach-Zhuchenko B.M. Port-Artur. SPb: Tipografiya S.A. Chikolini, 1904.
 12. Lysev A.V. Russkii Port-Artur v 1904 godu. Iстория военnoi povsednevnosti. M., 2019.
 13. Malen'kii fel'eton // Novyi Krai. 1904. 11 (24) yanv. № 8.
 14. Malysheva S.Yu. Prazdnyi den', dosuzhii vecher. Kul'tura dosuga rossiiskogo provintsial'nogo goroda vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka. M.: Akademiya, 2011.
 15. Mestnye izvestiya // Novyi Krai. 1899. 16 (28) maya. № 20.
 16. Mestnye izvestiya // Novyi Krai. 1899. 7 (19) avgusta. № 45.
 17. Mustafin V.A. Port-Artur 1898-1902 gg. // GA RF. F. R5881. Op. 2. D. 521.
 18. Nozhin E.K. Pravda o Port-Arture. SPb.: izdanie P. A. Artem'eva, 1906. Ch. 1.
 19. Norregaard B.V. Velikaya osada: Port-Artur i ego padenie: s il. i chert. / per. s angl. Boris Serebrennikov. SPb.: Izdanie V. Berezovskogo, 1906.
 20. Otgoloski voennykh sobytii // Teatr i iskusstvo. 1904. № 6. S. 122.
 21. Pamyatnaya knizhka Kvantunskoi oblasti na 1901-1902 g. Port-Artur: Tipografiya A.Ya. Oparina, 1901. Ch. 2.
 22. Pozdneev D.M. Torgovlya v Port-Arture. SPb., 1902.
 23. Port-Artur i Dal'nii, 1894-1904 gg.: poslednii kolonial'nyi proekt Rossiiskoi imperii. Sbornik dokumentov / sost., avtory vvedeniya i kommentariev I.V. Lukyanov, D.B. Pavlov. M.; SPb.: TsGI-Print, 2018.
 24. Pravlenie tovarishchestva P.A. Smirnova // Novyi Krai. 1902. 4 (17) yanv. № 2.
 25. Presnyakova L.V. Russkii teatr v Port-Arture nachala XX veka // Observatoriya kul'tury. 2013. № 2. S. 137-139. EDN: RVSZHB.
 26. Presnyakova L.V., Presnyakov S.V. Letopis' teatral'noi zhizni Dal'nevostochnogo regiona po materialam stolichnoi pressy (konets XIX – nachalo XX v.). Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2005.
 27. Provintsial'naya letopis' // Teatr i iskusstvo. 1903. № 14. S. 308-311.
 28. Restoran "Kronshtadt" A.K. Vladimirova // Novyi Krai. 1902. 4 (17) yanv. № 2.
 29. Strelok (Koz'min G.). Kitaiskaya zhizn' na Kvantune // Voennyi sbornik. 1903. № 3. S. 201-234.
 30. Khokhlov A.N. Gastroli kapelly M. D. Agrenevoi-slavyanskoi v Kitae do i posle 1917 g. // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. 2015. № 2. S. 677-696. EDN: YLJTAV.
 31. Shreider D.I. Nash Dal'nii Vostok: (Tri goda v Ussuriiskom krae). SPb: A.F. Devrien, 1897 (tsenzurnoe razreshenie).
 32. E.L. Mondon // Novyi Krai. 1902. 1 (14) yanv. № 1.
 33. Yanchevetskii Ya.G. U sten nedvizhnogo Kitaya: Dnevnik korrespondenta "Novogo kraja" na teatre voennykh deistvii v Kitae v 1900 g. SPb., Port-Artur: izdanie P. A.

- Artem'eva, 1903.
34. Selling Sex in the City: A Global History of Prostitution, 1600s – 2000s / edited by Magaly Rodríguez García, Lex Heerma van Voss, Elise van Nederveen Meerkerk. Leiden: Brill, 2017.
35. 贺萧 [Khershatter G.]. 韩敏中, 盛宁译 [per. s angl. na kit. Khan' Min'chzhun i Shen Nin]. 危险的愉悦: 20世纪上海的娼妓问题与现代性 [Opasnye udovol'stviya: Prostitutki i sovremennost' v Shankhae dvadtsatogo veka] / Dangerous Pleasures: Prostitution and Modernity in 20th century Shanghai. 南京: 江苏人民出版社 [Nankin: Tszyansuskoe narodnoe izdatel'stvo] / Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 2003.
36. 日本向海外输出大批妓女的历史(组图)[(Istoriya eksporta Yaponiei bol'shogo kolichestva prostitutok za granitsu (kartinki))]. URL: <http://www.ims.sdu.edu.cn/info/1014/9170.htm> (data obrashcheniya: 5.12.2024).